

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2022`4

Кермен Толга

Djangar
Barun

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2022. № 4

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2022. № 4

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2022. No. 4

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Голенкова З. Т., д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдииков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy);
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Komandzhaev A. N.*, Dr. Sc. (History);
Krinko E. F., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

© KalmSC RAS, 2022

© Composite authors, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- Батмаев М. М.** Обзор материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия 8
- Курапов А. А.** Деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в предреволюционный период (1915 – начало 1917 гг.) (по материалам Государственного архива Астраханской области) 23
- Бадугинова М. В.** Экспедиция Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР в Калмыцкую АССР в 1963 г. 38

АРХЕОЛОГИЯ

- Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г.** Итоги изучения керамики группы «джукетау» из булгарского городища Джукетау (Республика Татарстан, г. Чистополь) 63

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Путило О. О.** Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С. Н. Синякина и Е. Ю. Лукина 94
- Пога Д. С.** Особенности пространственно-временной организации в повести В. С. Токаревой «Одна из многих» 110
- Ханинова Р. М.** Жанр проклятия (*харал*) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова 130
- Ханинова Р. М., Валетова Э. Г.** Экфрасис в современной калмыцкой поэзии (монумент Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение») 152

СОЦИОЛОГИЯ

- Намруева Л. А.** Социально-демографическая асимметрия южно-российских регионов: анализ статистических данных 174
- Бадмаева Н. В.** Половозрастная структура и трудовые ресурсы региона (на примере Республики Калмыкия) 188

CONTENT

SOURCE STUDIES

- Batmaev M. M.** The National Archive of Kalmykia: A Review of Collection I-35 8
- Kurapov A. A.** Pre-Revolutionary Activities of Astrakhan Diocesan Committee, 1915 — Early 1917: Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast 23
- Baduginova M. V.** Moscow Tuberculosis Research Institute, Ministry of Health of the RSFSR: Revisiting the 1963 Expedition to the Kalmyk ASSR 38

ARCHAEOLOGY

- Bakhmatova V. N., Nabiullin N. G.** Juketau-Group Ceramics from the Bulgarian Hillfort of Juketau (Chistopol , Republic of Tatarstan): Summarizing Research Results 63

LITERATURE STUDIES

- Putilo O. O.** Evgeny Lukin and Sergey Sinyakin: The Means Employed by Volgograd-Based Writers to Create Local Text Revisited 94
- Poga D. S.** One of the Many by Viktoriya Tokareva: Analyzing Characteristics of the Chronotope 110
- Khaninova R. M.** Lyrics of Vladimir Nurov: The Genre of Curse (Kharal) and Ritual of Its Removal Analyzed 130
- Khaninova R. M., Valetova E. G.** Ekphrasis in Contemporary Kalmyk Poetry: Exodus and Return Memorial by Ernst Neizvestny 152

SOCIOLOGY

- Namrueva L. V.** Sociodemographic Asymmetries across Regions of South Russia: Analyzing Statistical Data 174
- Badmaeva N. V.** Age-Sex Structure and Workforce of the Region: A Case Study of Kalmykia 188

Обзор материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия

*Максим Манчиевич Батмаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8. ул. им. И. К. Илишкина, 358000, Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: maxibatmaev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* 5 января 1771 г. началась откочевка большей части калмыцкого народа во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России, что повлияло на формирование новой системы взаимодействия с оставшейся частью калмыков. Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковник И. А. Кишенской был отстранен, и с 1 марта 1771 г. начала функционировать Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии. Материалы и документы, связанные с ее деятельностью, хранятся в фонде 35 Национального архива Республики Калмыкия. *Цель* статьи — дать общий обзор дел фонда 35 Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* Документы фонда 35 включают дела, охватывающие период с 1771 по 1786 г., когда Калмыцкая экспедиция была ликвидирована. Всего в опись фонда включено 205 дел. Среди них — предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов; рапорты и донесения, а также письма, в том числе содержание прошения, по разным вопросам; письма калмыцких владельцев; реестры; книги договоров. Документы фонда отражают сведения о свершившейся в 1771 г. откочевке калмыков, о взаимоотношениях с оставшимися владельцами; имеются данные о численности калмыков и об их владельцах, о становлении системы управления оставшимися на Волге калмыками и о взаимоотношениях с соседними народами; об участии калмыков в военных действиях России и о расследовании участия калмыков в Пугачевском движении; о различных спорах. Матери-

алы фонда включают сведения о кочевьях калмыков, а также отражают колониционную политику по отношению к калмыцким степям.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Калмыкия, фонд И-35, Калмыцкая экспедиция, документы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Обзор материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 8–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-8-22

The National Archive of Kalmykia: A Review of Collection I-35

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2223-0647. E-mail: maxibatmaev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* On 5 January 1771, the bulk of the Kalmyk people under Viceroy Ubashi began their migration beyond Russia's borders. That resulted in the shaping of a new administrative system for the Kalmyks left behind. Colonel I. Kishensky — the official in charge of Kalmyk affairs at Astrakhan Governor's Office — was dismissed, and the Kalmyk Expedition affiliated thereto began its work since 1 March 1771. Materials and documents covering the latter's activities are contained in Collection 35 of Kalmykia's National Archive. *Results.* The Collection comprises files dealing with the period from 1771 to 1786 when the Kalmyk Expedition was eliminated. The Collection's register mentions a total of 205 files, such as instructions, decisions, and resolutions by Astrakhan governors; reports, dispatches, and letters,

including diverse petitions; letters of Kalmyk landlords; registers and books of agreements. The included documents inter alia describe events of the 1771 Kalmyk exodus to Dzungaria and relations with the remaining nobility, contain data on actual numbers of Kalmyks and their leaders, review the shaping of an administrative system for the Volga Kalmyks and the latter's contacts with neighboring communities, their participation in Russia's military operations, and investigations of their involvement in Pugachev's Rebellion, and various disputes. The Collection also includes some topographic descriptions of Kalmyk nomadic areas, provides insights into colonization policies across Kalmyk-inhabited steppes.

Keywords: National Archive of Kalmykia, Collection I-35, Kalmyk Expedition, documents

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. The National Archive of Kalmykia: A Review of Collection I-35. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 8–22. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-8-22

Введение

5 января 1771 г. началась откочевка большей части калмыцкого народа во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России. Начавшийся уход калмыков, не мог, разумеется, не сказаться на служебном положении состоящего при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковника И. А. Кишенского. Сам губернатор Н. А. Бекетов находился в это время в Санкт-Петербурге и приехал в Астрахань только 13 февраля 1771 г. [[НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 420. Л. 60](#)]. Уже на следующий день последовал его ордер, то есть письменное предписание, на имя И. А. Кишенского. В нем говорилось, что правительственным указом все калмыцкие дела поручены в полное рассмотрение и управление губернатора. В связи с этим решением Кишенскому предписывалось уже самостоятельно не связываться с Государственной коллегией иностранных дел, а обращаться письменно к губернатору (т. е. самому Н. А. Бекетову) и ждать резолюции на свое представление [[НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 92](#)].

16 февраля последовал новый ордер, предписывавший полковнику И. А. Кишенскому, находившемуся в Царицыне, со всей воинской при нем командой и письменными делами и документами прибыть в Астрахань, где и ему предписывалось отныне пребывать под управлением губернатора [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 95]. Наконец, 1 марта 1771 г. бывший руководитель Калмыцких дел получил третий ордер. Ему сообщалось, что в силу именного (от имени императрицы Екатерины II) указа Н. А. Бекетов определил И. А. Кишенского от Калмыцких дел, уже порученных губернатору, «отрешить» и письменные дела по поданным спискам с канцелярскими служащими принять в «точное мое ведомство, а драгунскую роту отдать под команду плац-майора Фунта, денежную казну сдать в Коммерческий банк [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 102].

Надо отметить, что все указанные распоряжения отдавались, без всякого сомнения, не без злорадства со стороны Н. А. Бекетова. Дело в том, что с самого первого слуха о намечавшемся уходе, о котором Н. А. Бекетов немедленно сообщил И. А. Кишенскому, губернатор всегда получал успокаивающие ответы полковника. Так, в феврале 1770 г. руководитель Калмыцких дел писал Н. А. Бекетову, что не может понять, «отчего вдруг такие о калмыках сумнительствы и подозрении оказались, чего здесь ни по каким секретным чрез доброжелательных к российской стороне владельцев, зайсангов и калмык разведованиям нимаго не оказывається и не слышно» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 418. Л. 70].

Итак, все делопроизводство по калмыцким делам было передано во вновь образованную Калмыцкую экспедицию при Астраханской губернской канцелярии, которая начала функционировать с 1 марта 1771 г. [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 102]. Ныне все материалы и документы, оставшиеся после деятельности указанной экспедиции, хранятся в 35-м фонде под тем же названием в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Материалы и методы

Объектом исследования являются материалы указанного выше фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия.

Содержание их не что иное, как исторический источник, а в источниках в общем плане зафиксирована информация двух типов: выраженная (очевидная творцу источника) и скрытая (неочевидная для него вследствие множественности взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту). В общем объеме информации, получаемой субъектом, всегда заключено больше скрытой информации, чем выраженной. При этом каждый источник есть «диалектическое единство объективного и субъективного. Каждый источник субъективен, поскольку он является продуктом человеческого сознания, творением субъекта. С другой стороны, исторический источник объективен как в силу того, что он сам является частью исторической действительности, так и потому, что творцы источника способны объективно отражать действительность» [Источниковедение 1981: 7]. Это надо помнить исследователю при анализе источников. При работе над содержанием материалов фонда использованы описательный, аналитический и функциональный методы. Первый метод дает возможность познакомить читателя с содержанием материалов фонда, второй метод носит оценочный характер, третий метод позволяет наметить причины и значение появления того или иного документа.

Освещение исследователями материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия

Материалы фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия не часто использовались исследователями. Так, данные этого фонда использованы в работах автора [Батмаев 2022; и др.], а также работах В. В. Батырова [Батыров 2014] и Е. В. Дорджиева [Дорджиева 2002]. Как сообщает Е. В. Дорджиева в разделе «Источники и литература» своей работы, она использовала необходимые ей сведения из дел с номерами 6, 7, 8, 12, 13, 15, 18, 19, 25, 30, 72 и 94. За исключением четырех последних дел, остальные в той или иной степени касаются событий ухода большей части калмыков в 1771 г. и его первичных последствий [Дорджиева 2002].

В. В. Батыров в разделе «Источники» своего исследования отметил, что он использовал сведения, взятые им из дел фонда И-35

с номерами 8, 17, 34, 36, 85, 144, 155, 160, 179, 188, 190, 202. В первую очередь он привлек материалы топографического характера из «Плана топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 179]. Кроме того, В. В. Батыров извлек нужные ему сведения из «Описания калмыцкого народа, составленного для профессора П. С. Палласа» в деле 85.

Названные авторы дали краткие характеристики содержания использованных ими дел, а также отдельные замечания по тем или иным сведениям, находящимся в материалах фонда. Е. В. Дорджиева считает, что «документы, сосредоточенные в фонде И-35 НА РК, дают представления об изменениях, происшедших в положении волжских калмыков после ухода наместника Убаши. Материалы фонда говорят о волнениях в оставшихся на Волге улусах, причиною которых якобы было желание владельцев побудить своих подданных откочевать вслед за Убаши, о действиях астраханской администрации, направленных на пресечение возможного побега» [Дорджиева 2002: 15].

В. В. Батыров отмечает, что им рассмотрены и изучены делопроизводственные дела, которые хранятся в фонде И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», где имеются неопубликованные материалы по топографическому описанию Астраханской губернии — «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии». Он подчеркивает, что названное топографическое описание «подробно информирует исследователей о различных сторонах жизни улусов Калмыцкой степи: их географии, водных ресурсах, хозяйстве, демографии, занятиях и быте жителей. Описание дает нам возможность уточнить внутренние и внешние границы Калмыцкой степи. В нем имеются сведения об особенностях территории региона, водных источниках и коммуникациях» [Батыров 2014: 9].

Вместе с тем общего описания всего содержания фонда И-35 на сегодняшний день не имеется. Содержащиеся в делах этого фонда сведения важны для дальнейшего, более углубленного изучения и

освещения калмыцкой истории охватываемого ими периода. Цель статьи — дать общий обзор фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия и обратить внимание исследователей и вообще всех интересующихся калмыцкой историей на содержание рассматриваемого фонда. Автор вместе с тем выражает надежду, что статья даст толчок вводу в научный оборот новых источников по истории калмыцкого народа, а на основе этих источников будут написаны новые работы.

Обзор дел фонда И-35

Всего в опись 1 фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия включены 205 дел, среди которых рапорты и донесения, письма, прошения, предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов, реестры, книги договоров и др.

Информативные дела фонда начинаются с номера шестого; до этого из номера первого узнаем, что в январе 1771 г., во время ухода калмыков, в Астрахани был управляющим администратором генерал-майор и астраханский обер-комендант Карл фон Розенберг, а в Царицыне комендантом полковник И. Цыплетев [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. В номерах 2, 3 и 4 находятся реестры дел [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2, 3, 4], а в пятом сведения о количестве товаров, ограбленных казахами из каравана, шедшего из Оренбурга в Астрахань [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 5]; также реестр — т. е. номера и заголовки дел — находится в десятом номере [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 10].

С номера шестого и далее в делах, датируемых по начало 20-х гг. XVIII в. в делах превалируют и представляют большой интерес и значение сведения об уходе и его последствиях. Документы свидетельствуют, что у оставшейся части калмыков и у соседнего с ними населения на некоторое время поселилось тревожное и недоуменное настроение, а временами и опасные намерения. Так, рапортом от 1 марта 1771 г. кизлярский комендант полковник И. Неимч сообщал, что получил от моздокского коменданта полковника Иванова также рапорт. Последнего уведомлял из Кабарды майор Тоганов, что жители Большой Кабарды,

узнав «о настоящей измене калмыцкого народа начели колебатца, а притом разглашают якобы живущие за Кубанью бесленейцы, темиргойцы, каронагайцы и протчие народы действительно намерены вскоре после праздника их, называемого Курмана, то есть сего марта 11-го числа как на Моздок, на Кизляр, на казачьи городки, так и до самой реки Волги чинить нападение» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 6. Л. 11]. При этом они считали, что если «уже калмыцкой народ изменил, то им никто препятствовать не будет». В связи с такими обстоятельствами Тоганов высказывал предположение, не примкнут ли к этим народам и кабардинцы [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 6. Л. 11].

Ввиду таких подозрений, связанных с кабардинцами, к делу был подключен полковник князь А. Дондуков, сын хана Дондук-Омбо (матерью которого была вторая жена хана, кабардинская княжна Джан). Он в это время находился с калмыцким войском на Северном Кавказе (шла русско-турецкая война 1768–1774 гг.). Из его рапорта Н. А. Бекетову от 10 сентября 1771 г. видно, что он, будучи у р. Кумы, имел переговоры с кабардинскими князьями, в том числе с родственниками матери, чтобы они, как подданные России, уговаривали кубанских татар добровольно принять российское подданство [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 498–500].

А. Дондуков был в мае 1771 г. назначен Н. А. Бекетовым главным над оставшимися калмыками впредь до особого указа. Губернатор сообщал графу Н. И. Панину письмом от 13 мая 1771 г.: «Каково о учреждении между оставшими здесь за побегом калмыками к сохранению порядка, на первый случай суда, а над владельцами (выключая дербетева с ево улусом, который остается во особливом от протчих разсуждени) главным начальником князя Дондукова учинено мною определение и пр., с тех посылаю копии для вашего рассмотрения» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 339].

Попутно отметим, что некоторые оставшиеся нойоны проявили полное непонимание сложившегося положения и, как и прежде, высказывали неудовольствие действиями местной российской администрации, пытались добиться неосуществимых льгот и власти по управлению оставшимся народом.

Впрочем, местная администрация порой также поступала неадекватно. Так, из рапорта ученика калмыцкого языка М. Лепехина переводчику А. П. Воронину от 18 июля 1771 г. явствует, что, несмотря на уход большей части улусов, от оставшихся владельцев требовали посылки людей на военную службу ввиду войны с Турцией [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 445].

Несмотря на порой довольно большие перемены в общем положении калмыков, во внешнем и внутреннем управлении и т. п., старые привычки и предубеждения порой не сдавали своих позиций. Это отразилось и в отношениях между улусами и этнополитическими объединениями. Как видно из письма Н. А. Бекетова графу Н. И. Панину от 7 октября 1771 г., «прежде разсуждено было мною для наблюдения поступок их отдать владельцу Замьяну, но как возвращенной обще с ними эркетенями от Яика владелец Асархо оказал в том свою прискорбность, изьясняя, яко издревле хошоуты торгоутами не командовали, что видя и принужден я был, по сильной ево прозьбе и не хотя зделать ему неудовольствия, то прежнее свое намерение переменить» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 95].

К началу марта стало ясно, что ушедших не вернуть. Нужно было позаботиться о наведении определенного порядка среди оставшихся и о выработке формы управления ими. Уже сказанное выше показывало, что наведение даже элементарного порядка будет делом непростым. Между тем время шло, а российское правительство медлило принять то или иное решение о дальнейшем положении оставшихся в России калмыков. Из письма Н. А. Бекетова графу Н. И. Панину мы узнаем, что первый, выполняя предписания второго, временно назначил главным над оставшимися калмыками князя А. Дондукова. И здесь не обошлось без конфуза [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 339].

Яндык, дядя ушедшего наместника, получив от Н. А. Бекетова уведомление, что главным над оставшимися поставлен А. Дондуков, ответил: «... что я усмотря, весьма остаюсь недовольным, ибо я как при жизни деда и отца и до сего время ея величеству никаких противностей не учинил, и во всю мою бытность кочевьем при

Волге и протчих городов дел великой государыни правители все ведая, обо мне засвидетельствовать могут, а что вы изволите на-упомянуть, что он, князь, фамилии ханской, оное хотя правда, но и я тож фамилии не незнатной» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 354]. Далее Яндык подводил решительный итог взгляда на свое значение: «Во определении ж над таким малым числом оставшим здесь калмыцким народом, имея к тому принадлежащаго человека, определить не принадлежащаго, из чего не иное что разумею, как только привести оставшихся калмык в несостояние, чего для я о сей прискорбности чрез сие вам представляю, а притом к ея императорскому величеству доступа, донести имею» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 354].

Н. А. Бекетов резко ответил на письмо Яндыка от 7 октября 1771 г., что статус назначенного «главным» А. Дондукова не означает, что он сам может решать важные вопросы, а лишь то, что Н. А. Бекетов из-за многих текущих дел во все мелкие дела не сможет вникать и держать под контролем, т. е. князь никто иной, как простой исполнитель губернаторских распоряжений. И все же для разъяснений и уговоров от губернатора к Яндыку был направлен коллежский переводчик А. Воронин. После этого Яндык, как видно из дела 12 фонда И-35, внешне смирился [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 356, 360]. Бывший при Яндыке ученик (изучавший калмыцкий язык) М. Лепехин доносил 9 октября 1771 г., что после получения уведомления о назначении А. Дондукова «как владелец, так и подвластные ево за великое неудовольствие признавают, так что уже они и калмыцкаго звания лишены» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 363].

Озабоченность местной российской администрации вызывал Дербетский улус, хотя его владельцы никаких нежелательных действий не проявляли. В связи с обсуждением ситуации с этим улусом сложилось дело, содержащее рапорты и донесения со сведениями «о переходе дербетовского владельца Цебека-Убаши на луговую сторону р. Волги и о мерах возвращения в случае его последования за ханом Убаши» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12]. О намерениях дербетов носились различные слухи. Так, находящимся

в улусе для надзора за действиями владельцев капитаном И. Шапкиным 16 июля 1771 г. был составлен рапорт Н. А. Бекетову. Капитан передавал поступавшие к нему известия от благожелательно настроенных жителей улуса, что весь дербетов улус хочет бежать за Убаши, «которое их намерение имелось еще с прошлаго года, когда к ним присылан был посланец от владельца Кирипа, которой владеце Абе зять, со объявлением, что весь калмыцкой народ намерение принял бежать из протекции российской, но тогда де им уйти по притчине что река Волга льдом не покрылась и что дербетов улус переведен скоро внутрь линии (царицынской укрепленной линии. — М. Б.), не удалось» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 31].

Рапорты и донесения в фонде И-35 отложились и по отношению намерений оставшихся калмыков откочевать вслед за откочевавшими и «о мерах воспрепятствования в этом» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13; см. также: НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 14; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 18; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 122; и др.]. Документы фонда показывают, что на подозрении находился Эркетеневский улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 13; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 20]. Во время ухода он оказался позади многих улусов, и эркетеневские зайсанги впоследствии, когда он был возвращен из побега, настаивали на версии, что они специально отставали, чтобы при первом же удобном случае вернуться. Как бы там ни было, после возвращения улус был передан Яндыку, однако он плохо ему подчинялся. Тогда улус был поручен икицохуровскому Асархо, но так как и этому владельцу эркетеневцы не подчинялись, то Н. А. Бекетов передал улус Замьяну, о чем и уведомил его письмом от 28 июля, с тем примечанием, что они отдаются ему до окончательного правительственного решения об оставшихся калмыках [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 38].

Фонд И-35 содержит немало дел, связанных с отношениями калмыков с соседними народами [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 19; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 20; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 105; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 135; и др.], о дарении и продаже людей [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 36; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 47; НА РК. Ф. И-35.

Оп. 1. Д. 57; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 58; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 59; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 69; и др.], о беглых и новокрещеных калмыках [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 89; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 63; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 64; и др.].

Как известно, калмыки до ухода большей их части исправно участвовали в войнах России с ее неприятелями. Как раз до ухода степняки принимали участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Большой ряд дел в фонде И-35 свидетельствует о том, что и после откочевки большей части народа калмыков привлекали к военным действиям [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 120; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 131; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 132; и др.].

Так, из рапорта ученика Михаила Лепехина переводчику А. Воронину от 18 июля 1771 г. явствует, что, несмотря на уход Убаши, от оставшихся владельцев требовали посылки их людей на театр военных действий. По свидетельству М. Лепехина, после получения Яндыком указания астраханского губернатора, «подвластные ево в том нестерпимое неудовольствие оказывают, что их и последних из домов в службу требуют, и иные с великим огорчением из домов своих выступили» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 445]. А. Дондукову, назначенному главным среди оставшихся калмыков, был послан 20 октября 1771 г. ордер от Н. А. Бекетова, чтобы он из улусов Асархо и Маши, а также эркетеней снарядил 1 000 чел. и держал их в готовности под командой Маши [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7. Л. 530].

Яндык, по рапорту М. Лепехина, проявил большое усердие в деле выполнения указания правительства. Получив весной 1771 г. предписание снарядить в формируемое калмыцкое войско своих людей, он приказал послать к своим подвластным людям письменные приказы, чтобы они «неотменно» выступали в войско, а если кто из зайсангов вскоре в поход не выступит, «того бить плетью тридцать раз и взять с него одного четырехлетнего верблюда, да и само ево лишить зайсанства, а естли ис подлых (простолюдинов. — М. Б.) кто не выступит, то вместо ево послать другого, а

с него взять шездесят рублей денег и тому человеку, кто за него в поход поедит, отдать, и естли он не в состоянии будет тех денег заплатить, то ево головою продать и тому человеку заплатить» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 8. Л. 62].

В правительстве понимали, что после событий ухода нельзя по отношению к оставшимся применять чересчур крутые меры, если они не вызваны необходимостью, что видно из письма Н. А. Бекетова де Медему (командующему российским войском на Северном Кавказе и Кубани) от 8 августа 1771 г. Н. А. Бекетов сообщал, что Н. И. Панин писал ему, что «по нынешнему в калмыцком народе замешательству удержаться от командирования их в поход, чтобы и остаток их сим отягощением более не был встревожен». Но так как это указание получено уже после выступления калмыцкого войска в поход и так как кубанские татары (подданные Турции) ныне разбиты калмыками, просит Н. А. Бекетов де Медема отпустить их по домам, «а естли вам во оных настоять будет необходимая нужда, то я вам могу дослать свежих человек до тысячи» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 46].

Имеются в фонде И-35 и дела, посвященные расследованию участия калмыков «в нападении калмыков, будучи под предводительством Е. Пугачева» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 86; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 87; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 88; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 95; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 106].

Постепенно правительство предпринимало меры по внедрению среди оставшихся калмыков новых форм управления ими. Именным императорским указом (рескриптом) велено выбрать в Зарго по одному члену от торгутов, дербетов и хошутов, которые теперь будут заседать теперь в Астрахани. Икицохуровские Асархо и Маши не замедлили выразить свое неудовольствие, что в назначенное Зарго от торгутов выбран, по согласию А. Дондукова и Яндыка, хотя именным указом повелевалось от всех торгутов выбрать только одного представителя-заргачинара. Мелкие нестыковки были и в других нововведениях.

В фонде И-35 содержатся сведения о калмыцких владельцах и о численности их подвластных [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 34; НА

РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 35; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 37; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 38; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 39; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 40; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 97; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 98; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 99; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 107], о деятельности Калмыцкой экспедиции и ее служащих [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 30; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 77; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 80; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 125; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 126; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 151; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 149; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 168; и др.].

Заключение

Документы фонда И-35 включают дела, охватывающие период с 1771 по 1786 г., когда Калмыцкая экспедиция была ликвидирована. Всего в опись фонда включено 205 дел. Среди них — предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов; рапорты и донесения, а также письма, в том числе содержание прошения, по разным вопросам; письма калмыцких владельцев; реестры; книги договоров. Документы фонда отражают сведения о свершившейся в 1771 г. откочевке калмыков в Джунгарию, о взаимоотношениях с оставшимися владельцами; имеются данные о численности калмыков и об их владельцах, о становлении системы управления оставшимися на Волге калмыками и о взаимоотношениях с соседними народами; об участии калмыков в военных действиях России и о расследовании участия калмыков в Пугачевском движении; о различных спорах. Материалы фонда включают сведения о кочевьях калмыков, а также отражают колониционную политику по отношению к калмыцким степям.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: монография. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.

- Батыров 2014 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Доржиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Источниковедение 1981 — Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.

Деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в предреволюционный период (1915 – начало 1917 гг.): по материалам Государственного архива Астраханской области

*Андрей Алексеевич Курапов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8. ул. им. И. К. Илишкина, 358000, Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курапов А. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется миссионерская деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в Калмыцкой степи в предреволюционные годы (1915 – начало 1917 гг.) на материалах комплекса вводимых в научный оборот документов фонда 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области и публикаций «Астраханских епархиальных ведомостей». *Материалы и методы.* В работе использованы сравнительный и историко-описательный методы исторического исследования. Объектом изучения стал комплекс архивных документов 1915 – начала 1917 гг., включающий в себя отчетные материалы о миссионерской деятельности комитета, отчеты о состоянии работы миссионерских учреждений и станов, отчеты о пастырской деятельности, рапорты и аналитические записки миссионеров в рассматриваемый период. *Результаты.* Охарактеризован последний этап деятельности Астраханского епархиального комитета на основании комплекса вводимых в научный оборот документов Государственного архива Астраханской области. *Выводы.* Исследованные материалы позволяют рассмотреть основные направления и результаты миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи,

определить основные центры миссионерской жизни и их состояние, персональный состав миссионеров, активность их участия в жизни паствы в предреволюционный период.

Ключевые слова: Православное миссионерское общество, Астраханский епархиальный комитет, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, миссионерский стан, крещеные калмыки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: *Курапов А. А.* Деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в предреволюционный период (1915 – начало 1917 гг.): по материалам Государственного архива Астраханской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 23–37. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-23-37

Pre-Revolutionary Activities of Astrakhan Diocesan Committee, 1915 – Early 1917: Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast

*Andrey A. Kurapov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kurapov A. A., 2022

Abstract. Introduction. The article introduces into scientific circulation a set of documents contained in Collection 597 — ‘Astrakhan Diocesan Committee of the Missionary Orthodox Society’ — of the State Archive of Astrakhan Oblast and some publications of the Astrakhan Diocesan Gazette to examine missionary activities of the Committee in Kalmyk Steppe during the pre-revolutionary

years (1915 – early 1917). *Materials and methods.* The work employs comparative and historical / descriptive methods of historical research to focus on a set of archival documents from 1915 – early 1917, the latter to include reports on missionary endeavors of the Committee, activity reports of missionary institutions and camps, accounts of pastoral work, reports and analytical notes submitted by missionaries throughout the period under review. *Results.* The last phase of activity of Astrakhan Diocesan Committee is characterized on the basis of a set of documents from the State Archive of Astrakhan Oblast introduced into scientific circulation. *Conclusions.* The investigated materials make it possible to consider the main directions and results of missionary activities undertaken by the Russian Orthodox Church in Kalmyk Steppe, determine key centers of missionary life and their conditions, missionary personnel, and their efforts to participate in communities of the faithful during the pre-revolutionary period.

Keywords: Orthodox Missionary Society, Astrakhan Diocesan Committee, Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, missionary camps, Kalmyk Christians

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kurapov A. A. Pre-Revolutionary Activities of Astrakhan Diocesan Committee, 1915 – Early 1917: Analyzing Materials from the State Archive of Astrakhan Oblast. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 4: 23–37. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-23-37

Введение

Несмотря на подписание указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста от 17 октября 1905 г. правительство продолжало поддерживать деятельность Русской православной церкви (РПЦ) по христианизации калмыков для их дальнейшей интеграции в российское социокультурное пространство и в предреволюционные годы. Астраханский епархиальный комитет (АЕК) Православного миссионерского общества в последние годы своего существования продолжал свою деятельность в основных миссионерских центрах Астраханской губернии.

По объективным причинам рассматриваемый период не нашел отражение в историографии начала XX в. Кризис Российского государства, революционные события и Гражданская война не позволили непосредственным участникам миссионерской деятельности РПЦ в Калмыцкой степи оставить значительные исторические исследования по эволюции миссии в предреволюционный период.

В исторических исследованиях конца XX – начала XXI вв. миссионерская деятельность АЕК в Калмыцкой степи в начале XX в. рассматривалась в работах Г. Ш. Доржиевой, К. В. Орловой, С. С. Белоусова [Доржиева 1995; Орлова 2006; Орлова 2007; Орлова 2009; Орлова 2018; Белоусов 2003; Белоусов 2015; Белоусов 2019].

Авторы в целом оценивают деятельность православных миссионеров в Калмыцкой степи в начале XX в. как неудачную. В частности К. В. Орлова отмечает однообразие и формализм в работе миссионеров среди калмыков [Орлова 2006: 168]. К. В. Орлова справедливо считает, что христианизация калмыков в XX в. принесла весьма скромные результаты [Орлова 2007: 51]. С. С. Белоусов указывает, что «...губернским властям и РПЦ не удалось при помощи миссионерских станом создать из крещеных калмыков устойчивую и способную к саморазвитию этно-конфессиональную группу» [Белоусов 2019: 16], поскольку государству не удалось сформировать в глазах калмыков привлекательный образ жизни в станах, льготы для крещеных калмыков имели временный характер, финансирование миссий было недостаточным, сама христианизация — несистемной и непродуманной [Белоусов 2019: 16]. Несмотря на комплексность исследований авторов конца XX – начала XXI вв. материалы Государственного архива Астраханской области (далее — ГА АО) о миссионерской деятельности РПЦ в Калмыцкой степи в предреволюционный период ими не привлекались, что предопределило цель исследования.

Материалы и методы

Основными методами исследования, использованными в работе, стали историко-описательный и сравнительный. Объектом

исследования стал комплекс документов 1915–1917 гг. фонда 597 «Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области.

Направления деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1915 – начале 1917 гг.

В 1915 – начале 1917 гг. «противоламайская миссия» имела определяющее значение для АЕК, являясь основным направлением деятельности в значительной по населению Калмыцкой степи. Отчеты рассматриваемого периода, отложившиеся в ГА АО, характеризуют состояние миссионерской деятельности АЕК в основных ее центрах Астраханской губернии.

В 1915 г. в АЕК под председательством Иннокентия — епископа Царевского и викария Астраханской епархии — входило 420 чел., было проведено 15 заседаний [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 829. Л. 1]. Основными направлениями деятельности АЕК были: содействие миссионерской деятельности среди язычников-ламаитов и магометан, удовлетворение материальных нужд миссионерских станов, знакомство православного населения Астраханской епархии с деятельностью АЕК, сбор средств на миссионерскую деятельность [Отчет 1915: 1–2].

В 1915 г. состояние основных центров «противоламайской миссии» было в целом удовлетворительным. Миссионерская иногородческая 2-х классная с домовою церковью школа Калмыцкого Базара, открытая в 1894 г., работала с учительским классом и школой грамоты [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 849. Л. 1]. С января 1914 г. школа грамоты становится одноклассной, с сентября 1914 г. при школе работал второй учитель [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 1]. С 1914 г. учителем школы, учениками которой было 120 чел., являлся С. Гомзяков¹, его заместителем — крещеный калмык, бывший ученик миссионерской школы И. Долгин. [ГА АО. Ф. 597.

¹ Не во всех случаях удалось восстановить полные инициалы.

Оп. 1. Д. 828. Л. 1]. В школе в 1915 г. училось 78 инородцев (из них — 46 калмыков), в пансионе при школе, существовавшем на средства АЕК, воспитывалось 25 калмыков [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 1об.]. Занятия в школе длились с сентября по май, ежедневно проводилось по 5 уроков — по программам второклассных школ (среди списка предметов значились: Закон Божий, церковнославянский язык, церковное пение, русский язык, теория словесности, арифметика, отечественная история, география, геометрическое черчение, сведения о явлениях природы, гигиена, дидактика) [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 1об.].

В первом и втором отделениях одноклассной школы Калмыцкого Базара занятия велись на калмыцком языке, в старшем отделении и в двухклассной школе к калмыцкому языку прибегали только в исключительных случаях [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 3об.].

В 1915 г. школа Калмыцкого Базара была отремонтирована (ремонт обошелся в 1 000 руб.), благодаря поддержке астраханского губернатора И. Н. Соколовского от школы был перенесен базар в конец поселка [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 4об.].

Одной из главных проблем школы Калмыцкого Базара в 1915 г. составители отчета называли отсутствие книг на калмыцком языке. Для активизации работы школы, по мнению миссионеров, было необходимо расширение курсов общеобразовательных предметов и калмыцкого языка [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 5].

Миссионерский стан в селе Улан-Эрге, основанный на Крымском тракте, был открыт в 1877 г. [Саввинский 1910: 570]. В 1915 г. в миссионерском стане проживало 1 020 чел., из которых 17 чел. были баптистами [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 5].

В 1915 г. был закончен ремонт храма стараниями миссионера стана — о. Иринарха, выпускника Казанской духовной академии, закончившего курсы Монгольского отделения [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 9об.].

Улан-Эргенская двухклассная школа, построенная в 1912 г., была рассчитана на 150 учеников. В 1915 г. в школе училось 57 мальчиков и 54 девочки [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 10].

Основными проблемами школы были посещаемость и слабое обеспечение методической литературой. Дети и подростки, проживавшие в стане, активно привлекались старшими к хозяйственным работам, в школе отсутствовали пособия на калмыцком языке [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 11].

Миссионерская деятельность осуществлялась среди прихожан храма стана и за его пределами. В 1915 г. при стане проживало до 4000 чел. калмыков-буддистов [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 9].

Миссионерский стан в Кегульте был открыт в 1907 г. [Белуосов 2019: 13]. В 1915 г. в миссионерском стане проживало 490 чел., из них — 131 чел. крещеные калмыки [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 23]. Крещеные калмыки стана занимались скотоводством, хлебопашеством, огородничеством. В окрестностях стана проживали и калмыки-буддисты — 2 000 кибиток, для проповеди среди которых миссионерами стана в 1915 г. было совершено 16 поездок [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 23 об., 26].

Церковь миссионерского стана была освящена в 1906 г., в 1915 г. в церкви служили крещеные калмыки: священник М. Стрельцов (с 1913 г.) и псаломщик И. Горохов (с 1911 г.) [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 24].

Кегультинская церковно-приходская школа была смешанной и одноклассной, в 1915 г. в школе обучалось 37 чел., из них 15 калмыков [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 24об.].

Ноин-Ширенский (Бислюртинский) миссионерский стан был открыт в 1877 г. [Орлова 2006: 102]. В 1915 г. в стане проживало 1 342 чел., из них 427 крещеных калмыков [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 851. Л. 1об.]. В своем отчете священник стана, выпускник Астраханской духовной семинарии Л. Лопатин отмечал, что крещеные калмыки стана продолжали обращаться к гелюнгам, носить амулеты, праздновать национальные праздники, осуществлять традиционные брачные обряды [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 851. Л. 6об.].

В смешанной двухклассной Ноин-Ширенской школе в 1915 г. обучалось 102 чел. — 70 мальчиков и 32 девочки [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 24об.]. Учителем школы являлся выпускник школы Калмыцкого Базара Е. Герусов, владевший калмыцким языком.

Чилгирский миссионерский стан был основан в 1889 г. [Лопатин 1904: 557]. В 1915 г. в стане было 54 двора крещеных калмыков, занимавшихся скотоводством [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 848. Л. 1]. Миссионером стана с 1914 г. состоял св. Е. Дашенко, выпускник Казанских миссионерских курсов Монгольского факультета [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 33].

В Чилгирской одноклассной смешанной школе в 1915 г. обучалось 19 мальчиков и 17 девочек — 9 калмыков и 4 калмычки, учителем школы был крещеный калмык Н. Пустоветов, выпускник миссионерской школы Калмыцкого Базара [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 828. Л. 33].

Священник Вознесенской церкви Орловской (Дурновской) станицы Астраханского езда А. Руднев сообщал в АЕК о жизни местных крещеных калмыков. В станице в 1915 г. проживало 59 крещеных калмыков, которые вели оседлый образ жизни, занимались рыболовством, скотоводством, огородничеством и имели свои дома [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 854. Л. 1].

Священник отмечал использование калмыками в быту русской одежды и русского языка, обучение детей в станичном училище, прилежное посещение крещеными калмыками станицы служб, использование ими православной обрядности в повседневной жизни и в праздники [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 854. Л. 1об.–2].

В своем рапорте в АЕК от 24 декабря 1915 г. священник ст. Замьяновской Д. Добров отмечал, что крещеные калмыки станицы (45 чел.) были тверды в православии и регулярно посещали станичный храм [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 855. Л. 1].

Не столь благоприятная для дел миссии ситуация отмечалась в 1915 г. в ст. Сероглазинской. В своем рапорте в АЕК в декабре 1915 г. священник ст. Сероглазинской К. Глядков сообщал, что в станице проживало 81 чел. крещеных калмыков, живших в отдельном поселке, не владевших русским языком, редко посещавших храм, общавшихся с буддийским духовенством [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 856. Л. 1].

Развитие миссионерского дела в Астраханской губернии можно проследить по годовому отчету АЕК о состоянии инородческой

миссии в пределах Астраханской епархии за 1916 г. по донесениям миссионеров станом и приходских священников.

45-й год своего существования АЕК встречал под председательством преосвященного Иннокентия, епископа Царевского, викария Астраханской епархии [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 904. Л. 1]. Для активизации миссионерской деятельности епархии в 1916 г. были открыты две должности епархиальных миссионеров-проповедников: противоламайского и противомогадетанского (жалование 2 000 руб. и 300 руб. квартирных каждому) [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 904. Л. 1об.]. Если должность противомогадетанского миссионера осталась вакантной, то противоламайским миссионером становится иеромонах Гервасий, окончивший курс Казанской духовной академии и ставший составителем всех отчетов о миссионерской деятельности АЕК в 1916 г. – начале 1917 г.

В среде миссионеров АЕК в 1916 г. произошли перестановки. В 1916 г. миссионер Ноин-Ширенского стана св. Л. Лопатин был перемещен в Улан-Эрге, миссионер Иринарх из Улан-Эрге — в Ноин-Ширенский миссионерский стан, на место миссионера Кегультинского стана М. Стрельцова, перешедшего на службу в Ставропольскую епархию, был назначен крещеный калмык М. Харочкин [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 904. Л. 1об.].

В 1916 г. в отчете отмечалось снижение финансирования миссионерской деятельности в епархии: «...недостаточность денежных средств, главным образом в силу военного времени, весьма сильно препятствовала деятельности Комитета» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 904. Л. 1об.].

Вместе с тем в 1916 г. на содержание миссионерских учреждений епархии было израсходовано 11 329 руб. 92 коп. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 904. Л. 2].

В отчете о работе миссионерской школы в Калмыцком Базаре отмечалось, что в 1916 г. в поселке проживало 730 калмыков, 459 татар и 195 русских, отмечалось увеличение учеников школы до 127 чел.: 41 чел. обучался в двухклассной школе, 86 чел. — в одноклассной, из них калмыков — 43 чел. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 1–1об.]. В 1916 г. в школе проводились вечерние заня-

тия, чтения в воскресные и праздничные дни, содержание школы было увеличено на 625 руб., были выделены средства на ремонт бани и ледника [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 2–2об.].

Более подробные сведения в отчетах были приведены о Ноин-Ширенском миссионерском стане. Отмечалось, среди жителей стана в 1916 г. было 1 012 чел. — русских, 443 чел. — крещеных калмыков, 144 чел. — некрещеных калмыков [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 876. Л. 4]. Численность детей, обучавшихся в школе, увеличилась до 114 чел. (100 русских, 14 калмыков), ученики-калмыки русским языком не владели [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 3–4].

В своем отчете о пастырской деятельности за 1916 г. о. Иринарх, в частности, предлагал открыть в мае 1917 г. в Ноин-Ширенском стане противоламайские миссионерские курсы, на которые лекторами предлагал пригласить катехизаторов из Казанской духовной академии и наиболее опытных миссионеров епархии [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 903. Л. 5]. О. Иринарх разработал предварительную программу этих миссионерских курсов: «1. Этнография и история калмыков; 2. Буддизм и обличение его; 3. Разбор калмыцких книг на тибетском языке; 4. Объяснение и уяснение калмыкам богослужения и обрядов православной церкви; 5. Перевод и разбор на месте общеупотребительных молитв для калмыков и церковных песнопений» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 903. Л. 5]. По мнению о. Иринарха, на курсы было необходимо пригласить крещеных калмыков, буддийское духовенство и буддистов простолюдинов [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 903. Л. 5].

В своем отчете за 1916 г. о. Иринарх предлагал открыть в Ноин-Ширенском стане православный приют для девочек, поскольку именно на женщин в традиционном калмыцком обществе ложилось воспитание детей, способных в дальнейшем легче воспринять православие [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 903. Л. 5].

Отметим, что свои суждения по интенсификации работы православных миссионеров в Калмыцкой степи о. Иринарх высказывал и ранее на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» [Иринарх 1915].

Количество дворов крещеных калмыков в Чилгирском миссионерском стане в 1916 г. уменьшилось до 50, основным занятием крещеных калмыков оставалось скотоводство [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 5]. В отчете отмечалось плачевное состояние одноклассной школы стана в 1916 г. Школа не имела средств к существованию, количество обучавшихся в ней сократилось до 28 чел., которые еле помещались в одной комнате школы [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 5]. В отчетном году стан лишился своей церкви, которая сгорела 19 октября 1916 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 5]. Отметим, что на трагедию стана обратил внимание епископ Астраханский и Енотаевский Митрофан, объявивший на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» сбор средств на ее восстановление [Митрофан 1916: 246].

С 21 ноября 1916 г. миссионером Улан-Эргенского стана состоял св. Л. Лопатин, в его приходе калмыков не было [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 6]. Отчет 1916 г. определяет «большие затруднения миссии» стана: многочисленность буддийского духовенства, неразвитость православной миссии, равнодушие к ней местного населения (русских и калмыков), зачаточное состояние школьного дела, на которое Управление калмыцким народом перестало выделять средства [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 6].

Миссионер отмечал «двоеверие» крещеных калмыков, сохранявших контакты с буддийским духовенством. Пессимистичными были и выводы о перспективах православной проповеди в регионе: «...дело миссии уходит из-под рук, с объявлением свободы и самостоятельности калмыков и они направляют все свои усилия сгруппироваться и отстаивать свои патриархальные права на независимое, во всех отношениях, положение» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 6].

Несмотря на кризис миссионерского дела стана Л. Лопатиным в 1916 г. было предпринято 6 поездок для проповеди среди калмыков — по Бислюрте (с практикантом из Казанской духовной академии А. П. Мезиревым были исследованы хурул Ульдючина и хотоны Лабгаева и Шоктаева) и Улану [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 8].

В отчете упомянуто посещение Улан-Эргенского стана в 1916 г. преосвященным Митрофаном [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 8].

Более подробно о визите епископа сообщали «Астраханские епархиальные ведомости». Епископ Астраханский и Енотаевский Митрофан пожелал лично познакомиться с «противоламайской миссией» уже через месяц после вступления его в управление епархией. В начале сентября 1916 г. Митрофан проехал Калмыцкую степь и посетил отдаленные села Черноярского уезда Астраханской губернии, посетив Харахусовский улус — церковь во имя св. Серафима Саровского, 3 сентября — п. Яшкуль, п. Чилгир, п. Улан-Эрге, п. Элисту [Посещение 1916: 552–553]. 4 сентября 1916 г. епископ Митрофан посетил миссионерский стан в Ноин-Шире, отметив упадок миссионерского дела, 4–5 сентября 1916 г. им были посещены п. Болхун-Сала и п. Кегульта [Посещение 1916: 556]. 26 октября 1916 г. епископ Митрофан посетил школьный храм и школу Калмыцкого базара [Посещение 1916а: 593–594].

Отчет АЕК 1916 г. содержал также сведения о крещеных калмыках, проживавших в казачьих станицах Астраханской губернии.

В Орловской казачьей станице в 1916 г. количество крещеных калмыков сократилось до 37, они усердно посещали богослужения и собеседования со священником [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 8].

В Верхне-Лебяжинской станице проживал 21 крещеный калмык, жившие оседло, дети которых обучались в станичном училище [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 9]. Количество крещеных калмыков в 1916 г. сократилось и в Замьяновской станице — до 40 чел., «православию преданных, но с истиной верой не знакомых», их дети не обучались в станичной школе [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 9]. Численность крещеных калмыков, проживавших в Сероглазинской станице, осталась на уровне 1915 г. — 81 чел., они также плохо владели русским языком, не оставляли языческих обрядов и общались с гелюнгом [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 875. Л. 9].

Отметим, что дела, посвященные деятельности АЕК в 1917 г., в фонде 597 ГА АО отсутствуют. В 1917 г. миссионеры предо-

ставляли в АЕК отчеты о деятельности в 1916 г. — так «Годовой отчет о состоянии инородческой миссии в Астраханской епархии за 1916 г.» датируется 12 апреля 1917 г. [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 876. Л. 1].

Заключение

Документы, введенные в научный оборот, из фонда 597 «Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского православного общества» ГА АО, характеризуют миссионерскую деятельность Русской православной церкви в Калмыцкой степи в 1915–1917 гг.

«Противоламайская миссия» продолжала оставаться наиболее значимой для АЕК.

В 1915 – начале 1917 гг. сохранялся стабильный состав комитета — высшее православное духовенство епархии и основные направления его деятельности: проповедь среди калмыков и казахов, финансовая поддержка миссионерских станов, информирование населения губернии о деятельности АЕК.

Центрами миссионерской работы АЕК в Калмыцкой степи были миссионерские школы и миссионерские станы (Улан-Эрге, Кегульта, Ноин-Ширенский (Бислюртинский), Чилгир), станицы Астраханского казачьего войска, в которых жили крещеные калмыки (Орловская, Замьяновская, Сероглазинская, Верхне-Лебяжинская). К миссионерской работе активно привлекали священнослужителей — выходцев из Калмыцкой степи.

В 1915–1916 гг. из средств АЕК и бюджета Астраханской губернии финансировались ремонтные работы на объектах инфраструктуры миссионерских центров. Основными проблемами миссионерской деятельности рассматриваемого периода были: отсутствие православной литературы и пособий на калмыцком языке, сокращение численности калмыцкого населения станов, снижение финансирования.

Открытие в 1916 г. должности епархиального противоламайского миссионера-проповедника не активизировало дела миссии. Определенные успехи в интеграции в российское социокультур-

ное пространство отмечалось только в казачьих станицах, но численность калмыков-станичников была незначительной.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Литература

- Белоусов 2003 — *Белоусов С. С.* Православные приходы в Калмыкии в XIX – начале XX вв. (1806–1917 гг.). Элиста: АПП «Джангар», 2003. 159 с.
- Белоусов 2015 — *Белоусов С. С.* Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианских вероисповеданий в первой половине XX века (1900–1956 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 236 с.
- Белоусов 2019 — *Белоусов С. С.* Русские переселенцы на калмыцкие земли и их использование Русской православной церковью как средства христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2019. № 4. С. 6–21.
- Доржиева 1995 — *Доржиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.
- Иринарх 1915 — *Иринарх.* Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 808–814.
- Лопатин 1904 — *Лопатин Л.* Чилгирский миссионерский стан Икицохуровского улуса в калмыцкой степи // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 557–562.
- Митрофан 1916 — *Митрофан.* От Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества // Астраханские епархиальные ведомости 1916. № 32–33. С. 246.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков (середина XVII – начало XX вв.). М.: Вост. лит., 2006. 207 с.
- Орлова 2007 — *Орлова К. В.* Проблема христианизации калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII в. – XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 59 с.
- Орлова 2009 — *Орлова К. В.* Христианизация калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. 3. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 259–291.

- Орлова 2018 — *Орлова К. В.* Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII – начало XX вв.). М.: ИВ РАН, 2018. 398 с.
- Отчет 1915 — Отчет о деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. Астрахань: Электро-типография «Т-ва И. К. Моисеев и Л.В. Злобин», 1916. 40 с.
- Посещение 1916 — Посещение преосвященнейшим епископом Митрофаном сел и миссионерских станов в Калмыцкой степи Черноярского уезда // Астраханские епархиальные ведомости 1916. № 30. С. 552–557.
- Посещение 1916а — Посещение преосвященнейшим епископом Митрофаном инородческой школы на Калмыцком Базаре // Астраханские епархиальные ведомости 1916. № 31. С. 593–594.
- Саввинский 1910 — *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 563–578.

Экспедиция Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР в Калмыцкую АССР в 1963 г.

*Маргарита Владимировна Бадугинова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бадугинова М. В., 2022

Аннотация. В период с июля по октябрь 1963 г. в Калмыцкой АССР работала медицинская экспедиция Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР. *Целью* данной статьи является введение в научный оборот сведений об обследовании населения Калмыцкой АССР на заболеваемость туберкулезом. *Результаты.* Впервые освещена работа научных сотрудников института туберкулеза, врачей института рентгенологии и радиологии по изучению эпидемиологии туберкулеза и оказанию организационно-методической, лечебной помощи в борьбе с заболеванием. Публикуется отчет, подготовленный ее руководителем, старшим научным сотрудником Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР, кандидатом медицинских наук Б. А. Варсаовой. По итогам экспедиции было обследовано около 10 тыс. чел., проживавших в Юстинском районе Калмыцкой АССР. Благодаря работе сотрудников института туберкулеза выявленным больным была оказана высококвалифицированная медицинская помощь, проведено обучение прикомандированных к экспедиции медицинских работников республики.

Ключевые слова: исторические источники, история здравоохранения, Калмыцкая АССР, калмыки, инфекционные заболевания, социальные болезни, туберкулез, туберкулин, заболеваемость, экспедиция, врачи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Экспедиция Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР в Калмыцкую АССР в 1963 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 38–62. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-38-62

Moscow Tuberculosis Research Institute, Ministry of Health of the RSFSR: Revisiting the 1963 Expedition to the Kalmyk ASSR

*Margarita V. Baduginova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Baduginova M. V., 2022

Abstract. *Introduction.* From July to October of 1963, a medical expedition of Moscow Tuberculosis Research Institute (RSFSR Ministry of Health) was working in the Kalmyk ASSR. *Goals.* The article seeks to introduce into scientific circulation some data on the tuberculosis surveys conducted across the Kalmyk ASSR. *Results.* The work is the first to examine the efforts undertaken by scientific associates affiliated to the mentioned TB research institute and physicians of Radiology Institute aimed at investigating tuberculosis epidemiology and rendering organizational, methodical, and therapeutic assistance in tuberculosis control. The paper also publishes the Expedition Report prepared by its leader — Dr. B. Varsava, then a senior researcher at Moscow Tuberculosis Research Institute. The expedition examined ca. 10,000 residents of Yustinsky District (Kalmyk ASSR), the identified TB patients received qualified medical treatment, while attached medical professionals of the Republic undertook additional training.

Keywords: historical sources, history of public health, Kalmyk ASSR, Kalmyks, infectious diseases, social diseases, tuberculosis, tuberculin, morbidity, expedition, physicians

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Baduginova M. V. Moscow Tuberculosis Research Institute, Ministry of Health of the RSFSR: Revisiting the 1963 Expedition to the Kalmyk ASSR. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 38–62. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-38-62

Введение

В последние годы фиксируется высокая заболеваемость социальными болезнями. Казалось бы, в настоящее время они должны быть искоренены, но данные говорят об обратном. Во всем мире туберкулез является одной из 10 основных причин смерти и основной причиной смерти, обусловленной каким-либо одним возбудителем инфекции, опережая ВИЧ. По данным Глобального доклада о борьбе с туберкулезом Всемирной организации здравоохранения, в 2021 г. туберкулезом заболело 10,6 млн чел., что на 4,5 % больше, чем в 2020 г., а численность умерших от туберкулеза составила 1,6 млн чел. (включая 187 000 ВИЧ-положительных лиц). Кроме того, с 2020 по 2021 гг. на 3 % увеличилось бремя лекарственно-устойчивого туберкулеза (ЛУ-ТБ) и произошло 450 000 новых случаев развития туберкулеза с устойчивостью к рифампицину¹ (РУ-ТБ). Рост численности заболевающих туберкулезом и его лекарственно-устойчивыми формами отмечается впервые за много лет. Пандемия COVID-19 вызвала перебои в оказании многих видов медицинской помощи, но особенно негативно повлияла на работу противотуберкулезных служб [ВОЗ 2022].

В 2021 г. Всемирная организация здравоохранения исключила Российскую Федерацию из списка стран с высоким бременем ту-

¹ Полусинтетический антибиотик широкого спектра действия группы рифамицина. Оказывает бактерицидное действие. Высокоактивен в отношении *Mycobacterium tuberculosis*, является противотуберкулезным препаратом I ряда.

беркулеза. В марте 2022 г. министр здравоохранения РФ М. А. Мурашко отмечал, что несмотря на сложности, обусловленные влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, в 2021 г. показатель заболеваемости туберкулезом снизился еще на 4 % и по предварительным данным должен был составить порядка 31,2 на 100 тыс. населения [Минздрав 2022]. До этого наименьший показатель заболеваемости населения туберкулезом в стране был зарегистрирован в 1991 г. и составлял 34,0 на 100 тыс. населения [Нечаева 2018: 16]. Для сравнения: в 2019 г. в среднем по миру на 100 тыс. населения приходилось 130 случаев [Глобальный отчет 2020: 3]. Вместе с тем существенное снижение показателя заболеваемости туберкулезом в Российской Федерации с самого высокого — 90,4 в 2000 г. [Заболеваемость 2001] до 31,2 в 2021 г. не говорит о полной ликвидации этой болезни в нашей стране. Проблемы в области оказания основных видов противотуберкулезной помощи и обеспечения их доступности (в том числе из-за пандемии COVID-19. — М. Б.) приводят к тому, что многие из заболевших туберкулезом не проходят диагностику и лечение. С 2019 по 2020 гг. количество зарегистрированных новых случаев туберкулеза снизилось с 7,1 млн до 5,8 млн. В 2021 г. число немного выросло, составив 6,4 млн случаев, но все еще значительно отстает от допандемических показателей. Сокращение контингента больных, диагностируемых туберкулезом, указывает на то, что растет количество пациентов с невыявленным и нелеченым заболеванием, что сначала приводит к росту смертности от туберкулеза и активизации передачи инфекции среди населения, а затем, спустя некоторое время, — к увеличению числа людей, у которых развивается туберкулез [ВОЗ 2022].

Целью данной статьи является введение в научный оборот ранее не публиковавшегося отчета экспедиции Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР как важного источника о состоянии здравоохранения, заболеваемости, социальной обеспеченности возрождаемой республики, а также проводимой политике советского государства в области здравоохранения.

История вопроса

Проблема заболеваемости туберкулезом периодически рассматривалась в региональной историографии. Так, состоянию здравоохранения и организации первых мероприятий по борьбе с туберкулезом в советском Казахстане в 20–30-е гг. XX в., работе казахского Наркомздрава посвящена статья, основанная на изучении архивных документов, отложившихся в архиве Республики Казахстан [Ракишева и др. 2013]. История становления фтизиатрической и противотуберкулезной службы в Якутии в контексте 100-летия образования Якутской АССР рассмотрена в работе коллектива авторов [Гуляева и др. 2022]. Опыт борьбы с социальными болезнями в Нижегородском крае и деятельность органов здравоохранения в целом представлены в статьях А. Н. Кежутин [Кежутин 2019; Кежутин 2021].

В исследованиях С. А. Ежовой [Ежова 2019], А. В. Саламбиевой [Саламбиева 2018], М. А. Гуденкова [Гуденков 2010], Т. Н. Голубовой и других исследователей [Голубова и др. 2019] сделан обзор истории Всемирного дня борьбы с туберкулезом, а также благотворительных социально-культурных практик в регионах в рамках проведения Дня Белого цветка. В этих работах рассмотрены роль интеллигенции и медицинской общественности, а также гражданская инициатива в процессе социокультурной организации общества, подготовки и проведения благотворительных акций. Затронуты проблемы охраны здоровья населения, просветительская и профилактическая деятельность медицинских организаций.

В статьях Б. Б. Цыретаровой [Цыретарова 2016] и В. Ю. Башкуева [Башкуев 2012] в контексте борьбы с социальными болезнями в 1920-е и 1940-е гг. в Бурят-Монголии рассмотрены эпидемии и социальные болезни, распространенные на забайкальских территориях СССР. В работе В. Ю. Башкуева организованная наркоматом здравоохранения Бурят-Монгольской АССР кампания по борьбе с социальными болезнями рассматривается как элемент модернизационных процессов в национальной республике, имевший большое социальное, культурное и геополитическое значение.

В отечественной историографии тема заболеваемости туберкулезом жителей Калмыкии практически не изучена. Наибольший интерес представляет ряд работ известного ученого И. И. Мечникова, посетившего Калмыцкую степь с целью изучения заболеваемости туберкулезом ее жителей и разработки вакцины против этой болезни [Мечников 1873; Мечников 1911; Мечников, Бюрнэ, Тарасевич 1912; Мечников 1959]. В советский и постсоветский периоды проблема заболеваемости туберкулезом в республике также не была предметом отдельного исследовательского интереса. Некоторые данные по туберкулезу приводятся в главах в коллективной монографии «История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней» [Очиров, Сусеев 2009а; Очиров, Сусеев 2009б], а также в диссертационном исследовании, посвященном истории здравоохранения Калмыкии [Бадугинова 2018].

Ситуация с заболеваемостью туберкулезом в СССР в послевоенные годы

Заболеваемость туберкулезом имеет глубокие социально-экономические корни. На это также влияют проводимая политика государства в области здравоохранения, уровень организации медицинской помощи, территориальные, климатические, культурные особенности. В СССР новый виток борьбы с туберкулезом начался после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которая обострила существующие проблемы в системе здравоохранения страны. Многолетние военные действия, оккупация, депортация народов, массовая миграция населения в тыловые районы привели к резкому всплеску заболеваемости инфекционными заболеваниями, в том числе туберкулезом. Для его ликвидации в 1948 г. выходит Постановление Совета Министров СССР № 3989 от 25.10.1948 «О мероприятиях по снижению заболеваемости туберкулезом», которое массово внедряет флюорографический метод обследования населения советского государства. По данным статистики, в 1950 г. было зарегистрировано 290 заболевших активной формой туберкулеза на 100 тыс. населения. В 1960 г. эта цифра снизилась до 145,4 случаев на 100 тыс. чел.

[Араловец 2019: 6], что говорило об эффективности принимаемых государством профилактических мероприятий. В целях дальнейшего снижения заболеваемости туберкулезом выходят Постановление Совета Министров СССР № 972 от 01.09.1960 «О мероприятиях по дальнейшему снижению заболеваемости туберкулезом» и Приказ Министерства здравоохранения СССР № 426 от 6.10.1960, в котором декларировались мероприятия по борьбе с распространением туберкулезных заболеваний среди населения. В регионах вводилась обязательная вакцинация, рентгенофлюорографическое обследование всего населения, больным заразными формами туберкулеза предоставлялась изолированная жилая площадь, устанавливались специальные нормы питания, увеличивались койко-места в больницах и санаториях, до 12 месяцев сохранялось место работы за служащим, заболевшим туберкулезом, и т. д. Благодаря проводимым мероприятиям к 1965 г. заболеваемость снизилась до 136,5 случаев на 100 тыс. чел. [Араловец 2019: 6].

Заболеваемость туберкулезом в Калмыкии начала 1960-х гг.

На фоне успешной борьбы с туберкулезом в стране ситуация с заболеваемостью туберкулезом во вновь образованной Калмыцкой АССР была просто катастрофической. В 1965 г. в республике было выявлено 195,2 случая заболевших активной формой туберкулеза на 10 тыс. населения или 1 952 заболевших на 100 тыс. населения. При обследовании всего населения в Юстинском районе Калмыкии на 1 000 чел. приходился 51,2 заболевший или 5 120 случаев на 100 тыс. населения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 210. Л. 3–4].

Высокая заболеваемость туберкулезом у кочевых народов была известна давно. И. И. Мечников, изучавший единственный в Европе эндемический очаг чумы и туберкулез в Астраханской губернии, в своих наблюдениях отмечал, что «туберкулезная инфекция среди калмыков встречается значительно чаще на окраине степи, чем в центральных районах, и что главным образом соседство с оседлыми жителями является причиной распространения бациллы Коха среди калмыков» [Мечников 1959: 191]. Таким образом, на большинстве территорий Калмыцкой степи отсутство-

вал естественный резервуар туберкулезной микобактерии, соответственно, кочевники на протяжении жизни не соприкасались с этой болезнью и не имели к ней иммунитет. Поэтому, выезжая за пределы степи, калмыки часто заболели туберкулезом самой тяжелой формы, вернувшись же домой, заражали своих родственников и соседей. Развитию туберкулеза содействовали некоторые традиции в калмыцких семьях [Бадугинова 2011: 39]. Старинная одежда кочевниц, узкая в области грудной клетки, способствовала развитию заболеваемости туберкулезом легких. «С самых ранних лет <...> девушка подвергнута одному из вредных явлений быта в ущерб здоровью — ношению комзола (грудной корсет). Комзол стягивает и не дает развиваться грудной клетке в угоду существующего понятия среди населения, что узкая и не развитая грудь девушки — есть ее красота <...> калмычки, имея впалую и не развитую грудь, болели туберкулезом, рожая слабых детей, которые умирали в малом возрасте» [Майорова 1927: 111].

Еще в 1929 г. экспедиция Г. М. Желябовского по борьбе с туберкулезом, работавшая в Калмыцкой автономной области, отмечала, что туберкулез в Калмыкии «имеет довольно широкое распространение и населению, еще недостаточно иммунному, грозит большими бедствиями» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 374. Л. 2].

Социальные потрясения, военные действия, депортация способствовали еще более высокому росту заболеваемости калмыков, в том числе туберкулезом, как одним из маркеров социально-экономического неблагополучия людей. Восстановление вновь созданной автономии Калмыкии (с июля 1958 г. — Калмыцкой АССР) нуждалось в физически здоровых рабочих, поэтому большое значение имела грамотная политика в области охраны здоровья. Встраивание системы здравоохранения республики в общегосударственную систему способствовало выработке необходимой стратегии для прекращения распространения туберкулезной инфекции. Одним из ее мероприятий было обследование специалистами Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР жителей Юстинского района Калмыцкой АССР.

Экспедиция по изучению заболеваемости туберкулезом в Юстинский район Калмыцкой АССР

Состав экспедиции

Летом 1963 г. в Калмыцкую АССР была направлена медицинская экспедиция для изучения эпидемиологии и оказания организационно-методической помощи в борьбе с туберкулезом. Ее руководителем был старший научный сотрудник Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР, кандидат медицинских наук Б. А. Варсава. В работе экспедиции также приняли участие сотрудники института Т. И. Царева, Л. Н. Соколов, М. М. Михайлова, клинический ординатор Л. П. Александрова, лаборанты А. П. Горбачева и Е. Я. Румянцева. Кроме этого, от института рентгенологии и радиологии в обследовании принимали участие врачи-рентгенологи В. Я. Готлиб, М. В. Бусурина и К. А. Осинкина, главный врач республиканского противотуберкулезного диспансера Л. А. Курнеев, главный врач Юстинской районной больницы К. В. Кострюков, врачи республиканского тубдиспансера и других лечебных учреждений Калмыцкой АССР.

Мероприятия экспедиции

За время работы экспедиции были проведены мероприятия по сплошному обследованию на туберкулез сельского населения, организовано лечение больных туберкулезом, проведено обучение прикомандированных медицинских работников и проделана санитарно-просветительная работа. Всего за период времени с июля по октябрь 1963 г. было обследовано население шести районных пунктов в количестве 10 862 чел., выявленные больные немедленно направлялись на лечение в туберкулезные стационары, санатории, выписки из истории болезни нуждавшихся в хирургической или высококвалифицированной помощи направлялись в Москву [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 1–4]. По результатам работы был написан отчет, автором которого являлся руководитель экспедиции, старший научный сотрудник Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР, кандидат медицинских наук Б. А. Варсава.

Отчет был подготовлен в 1963 г., и, по всей вероятности, предназначался нескольким адресатам: Министерству здравоохранения РСФСР, согласно приказу которого была направлена экспедиция; Московскому научно-исследовательскому институту туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР, его сотрудники проводили само обследование; Совету Министров Калмыцкой АССР и Министерству здравоохранения Калмыцкой АССР, которые непосредственно были заинтересованы в проведении этого исследования. Приезд экспедиции имел важное общественно-политическое значение, так было с экспедицией П. Ю. Берлина в Калмыцкую автономию в 1925 г. [Бадугинова 2014] и кампанией по борьбе с социальными болезнями в Бурят-Монголии [Башкуев 2015]. Неслучайно автор отчета отмечает: «Приезд медицинской бригады был доброжелательно встречен всеми партийными, советскими и общественными организациями Калмыцкой АССР» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 2]. В документе отражены ценные для исследователей сведения о проводимых мероприятиях врачей, важные статистические данные, показана проводимая социальная политика и работа руководства Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР по решению возникавших проблем.

Археография документа

Отчет медицинской экспедиции хранится в Национальном архиве Республики Калмыкия в фонде Р-9 Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР. Документ набран на печатной машинке и, вероятно, является копией с оригинального отчета, так как подписи Б. А. Варсава под документом нет, хотя его авторство указано. Строкой ниже от руки написано «верно» и стоит подпись, но без указания фамилии заверившего. Отчет находится в хорошем состоянии, содержит 3 таблицы, текст в основном читаем, но кое-где от руки исправлены опечатки и прописаны буквы или цифры, которые плохо пропечатались. Только в табл. № 2 в последнем столбце пропущены данные по п. Цаган-Аман и совхозу Раздольный из-за технической ошибки: видно наложение на документ небольшого размера бумаги, на котором, вероятно, были отпечатаны данные, затем эта часть бумаги была утрчена.

План работы экспедиции и его реализация

В начале отчета его автор указывает, что экспедиция была направлена согласно приказу Министерства здравоохранения РСФСР, даны сведения о составе экспедиции и количестве ее участников. Московским научно-исследовательским институтом туберкулеза был разработан план мероприятий, который включал: сплошное обследование на туберкулез сельского населения в количестве 18–20 тыс. чел. путем проведения туберкулиновых проб (р. Манту), сплошного рентгенфлюорографического обследования детей старше 7 лет и всего взрослого населения, лечение больных туберкулезом, обучение медицинских работников, проведение в обследуемых населенных пунктах санитарно-просветительной работы. Далее отмечается, что в соответствии с указанием Совета Министров Калмыцкой АССР и приказом Министра здравоохранения Калмыцкой АССР Юстинским парткомом КПСС и райисполкомом был разработан план, определявший последовательность сплошного обследования на туберкулез населения. Этот план включал 5 совхозов — Раздольный, Северный, Приозерный, Сарпа, Харба² и районный центр п. Цаган-Аман [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 1–2].

На тот момент, согласно административно-территориальному делению, Юстинский сельский район состоял из 9 сельских советов, в восьми из них имелись совхозы, за исключением Хулхутинского сельсовета, данные по его совхозу отсутствуют [Республика Калмыкия 2019: 447]. Неохваченными работой экспедиции оставались совхозы Полынный, Эрдниевский, Никольский и Хулхутинский сельсовет. В конце отчета отмечается, что Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР предполагало закончить обследование совхозов Никольский, Полынный, Эрдниевский, Молодежный своими медработниками [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 5]. Вероятно, совхоз Молодежный — это и есть Хулхутинский сельсовет, так как в то время в его составе был п. Молодежный [Республика Калмыкия 2019: 447]. Информация из этого отчета

² Согласно архивным данным, совхоз Харба назывался «Совхоз им. XXI съезда КПСС» [Республика Калмыкия 2019: 447].

вносит новые данные по административно-территориальному делению Юстинского района, что может стать объектом отдельного исследования.

Московская экспедиция должна была обследовать чуть более половины населенных пунктов Юстинского района. По каким критериям они отбирались, не указано. Интересен факт, что, кроме Юстинского парткома КПСС и райисполкома, которые выбирали населенные пункты и последовательность обследования, в отбор населенных пунктов вмешивается заведующий оргметодотделом института туберкулеза Н. С. Альштулер, который заменяет совхоз Никольский на совхоз Харба. Автор отчета в своей ремарке недоумевает по этому поводу: «Обследование населения совхоза Никольского, согласно указания заведующего оргметодотдела ин-та туберкулеза Н. С. Альштулера, было пропущено в связи с будто-бы более высокой заболеваемостью туберкулезом в совхозе ХАРБА» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 2]. По каким причинам происходит замена этих совхозов, тоже не указано. Нет пояснения, почему для обследования был выбран именно Юстинский район республики. Большим пробелом в документе является отсутствие пояснительной записки, предваряющей сам отчет, или ретроспективного анализа по заболеваемости туберкулезом в Калмыцкой АССР, или описания текущего состояния заболеваемости туберкулезом в республике / районе. Вполне вероятно, что экспедицию организовали в короткие сроки, она не была тщательно подготовлена и была призвана временно решить насущные проблемы — дефицит квалифицированных врачей, отсутствие методики обследования и лечения населения у местных медицинских работников, а также дать объективные цифры по заболеваемости туберкулезом путем обследования одного населенного пункта полностью. Это предположение подтверждается информацией из другого архивного дела тех лет, в нем отмечается, что врачи-рентгенологи, имевшиеся в некоторых районах республики, были мало знакомы с рентгенодиагностикой туберкулеза, отсутствовали врачи-лаборанты, знавшие диагностику туберкулеза, гематологические исследования были мало достоверны и не отражали изменения в состо-

янии больных, отсутствовала микробиологическая лаборатория, имелась большая проблема с санитарным состоянием в сельской местности, плохо проводилась профилактическая работа и применялся метод туберкулинодиагностики и т. д. [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 210. Л. 1, 3–4, 7].

За время работы экспедиции с 15 июля по 5 октября 1963 г. было осмотрено 10 862 жителя, что составило 88,5 % от всего населения обследуемых населенных пунктов. Всем пациентам проводились внутрикожные туберкулиновые пробы, с помощью которых удалось установить, что около 1/3 части обследуемых имеют отрицательные и слабоположительные реакции на туберкулин. В связи с этим 3 224 чел. получили туберкулезные прививки, что впоследствии дало бы большое профилактическое значение: у населения создавалась иммунная (невосприимчивая) прослойка к туберкулезу. По результатам рентгенфлюорографического обследования выявлялись лица с патологией органов грудной полости, и при подозрении на ее наличие врачи производили дополнительные лабораторные обследования пациентов. На каждого выявленного больного туберкулезом заводилась история болезни и заполнялась карта диспансерного учета, назначался план лечения на ближайшие месяцы. Из 10 862 чел. было выявлено 660 больных туберкулезом или примерно 6 000 случаев на 100 тыс. населения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 3–4]. В виду такого огромного количества заболевших туберкулезом Министром здравоохранения Калмыцкой АССР было дано распоряжение о перепрофилировании части общесоматических коек в койки для лечения больных туберкулезом, что дополнительно дало в общей сложности 70 коек. Были организованы туберкулезные отделения в участковых больницах района, за ними закреплялись населенные пункты, в которых выявлялось большое количество больных вследствие плохой укомплектованности медицинскими кадрами. Обследуемые, нуждавшиеся в стационарном лечении, немедленно направлялись в организованные тубстационары, часть пациентов направлялась в санаторий, выписки больных, которым была необходима хирургическая или высококвалифицированная помощь, направлялись в г. Москву. Б. А. Варсава отмечал, что

«значительной части выявленных больных активным туберкулезом приходится находиться на амбулаторном лечении», что было совершенно неприемлемым. Больные туберкулезом находились в контакте с родственниками, соседями, без врачебного контроля, у них отсутствовало отдельное жилье, для посещения врача необходимо было добираться до туботделения, что увеличивало число контактирующих с заболевшим. Все это впоследствии могло привести к еще большей заболеваемости туберкулезом и его быстрому распространению. В целях нахождения средств для содержания перепрофилированных коек и бесплатного лечения амбулаторных больных министром здравоохранения Калмыцкой АССР было дано поручение выяснить наличие экономии по всем районам республики. В конце отчета его автор констатирует, что в связи с окончанием работы московской экспедиции дальнейшее обследование Юстинского района должны были проводить медработники республики, получившие опыт работы по обследованию населения на туберкулез [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 4–5].

Ниже приводится полный текст отчета. Орфография и пунктуация источника в основном сохраняются, очевидные ошибки исправлены. В квадратных скобках указаны пропущенные буквы или слова в документе.

ОТЧЕТ

о сплошном обследовании населения Юстинского района Калмыцкой АССР на туберкулез медбригадой Московского научно-исследовательского института туберкулеза Минздрава РСФСР

Согласно приказа Министерства Здравоохранения РСФСР 9.7.1963 года в Калмыцкую АССР была направлена медицинская экспедиция для изучения эпидемиологии туберкулеза и оказания организационно-методической помощи в борьбе с туберкулезом. Руководителем медицинской бригады являлся старший научный сотрудник Московского Научно-Исследовательского института туберкулеза Минздрава РСФСР, кандидат медицинских наук — Б. А. Варсава.

В работе медэкспедиции, в порядке взаимозаменяемости принимали участие: — старший научный сотрудник Московского института туберкулеза, кандидат медицинских наук Т. И. Царева, младшие научные сотрудники Московского Научно-Исследовательского института туберкулеза — Л. Н. Соколов, М. М. Михайлова, клинический ординатор Л. П. Александрова, лаборанты Московского института туберкулеза — А. П. Горбачева и Е. Я. Румянцева.

От института рентгенологии и радиологии в обследовании принимали участие научные сотрудники, врачи-рентгенологи — В. Я. Готлиб, М. В. Бусурина, К. А. Осинкина.

Кроме того в работе медэкспедиции принимали активное участие врачи республиканского тубдиспансера КалмАССР, а также главный врач республиканского противотуберкулезного диспансера Л. А. Курнеев, главный врач Юстинской районной больницы — К. В. Кострюков и выделяемые ими, согласно приказа Минздрава Калм. АССР, для обучения и оказания помощи бригаде врачи и средний медицинский персонал, рентгентехники и др., а также медперсонал лечебных учреждений обследуемых совхозов.

Постоянный численный состав медбригады был 18–20 человек, но так как медбригада проводила также и педагогическую работу, то численный состав медбригады за счет обучаемых возрастал нередко до 20–25 человек.

Согласно плана, разработанного Московским научно-исследовательским институтом туберкулеза Минздрава РСФСР, медицинская бригада в Юстинском районе должна была провести следующие мероприятия:

1. Сплошное обследование на туберкулез сельского населения в количестве 18–20 тысяч человек следующими методами:

а) проведение туберкулиновых проб путем внутрикожного введения туберкулина (р. Манту);

б) проведение детям старше 7-и лет и всему взрослому населению сплошного рентгенофлюорографического обследования с одновременным выполнением внутрикожной туберкулинодиагностики с целью изучения инфицированности и выяснения туберкулиноотрицательных с целью проведения противотуберкулезных прививок.

2. Организация лечения больных туберкулезом.

3. Обучение медицинских работников Юстинского района, а также прикомандированных в мед. бригаду (врачей, средних медицинских работников) Республиканским противотуберкулезным диспансером.

4. Проведение в обследуемых населенных пунктах санитарно-просветительной работы.

Приезд медицинской бригады был доброжелательно встречен всеми партийными, советскими и общественными организациями Калмыцкой АССР (Советом Министров, Обкомом КПСС, Министерством здравоохранения Калмыцкой АССР), а также парткомом Юстинского совхозно-производственного управления КПСС и Юстинского сельского Райисполкома.

В соответствии с указанием Совета Министров Калмыцкой АССР и приказа Министра здравоохранения Калмыцкой АССР Юстинским Парткомом КПСС и Райисполкомом был разработан план, определяющий последовательность сплошного обследования на туберкулез населения районного центра и совхозов Юстинского района.

Руководствуясь этим планом медицинская бригада 15.7.1963 г. начала обследование населения вначале в населенном пункте ЦАГАН-БУЛУНГЕ³, расположенном на левом берегу Волги, а затем с 17.7.1963 г. по 26.7.1963 г. обследовалось население районного центра Цаган-Амана, затем совхозов Раздольного, Северного, Приозерного, Сарпы, Харбы.

(Обследование населения совхоза Никольского, согласно указания заворгметодотдела ин-та туберкулеза Н. С. Альштулера⁴ было пропущено в связи с будто бы более высокой заболеваемостью туберкулезом в совхозе ХАРБА).

Всего за период времени с 15.7.1963 года по 5.10.1963 г. было обследовано население районного центра с 5-и указанных выше совхозов.

(Учет числа охваченных в райцентре и отдельных совхозах см. в таблице № 1).

³ Возможно, имеется в виду п. Цаган Булг.

⁴ Возможно, опечатка в документе и правильно будет Н. С. Альштулера.

Таблица № 1

Название населенного пункта	Кол-во населения	Охвачено осмотром				Сделано прививок против туберкулеза	Число %%
		туберкулиновыми пробами	%% охвата	рентгено-флюорографии	туб. проб. детям до 7 лет		
Цаган-Аман	3 066	2 825	92,1	2 197	628	995	35,2
С/х Раздольный	1 620	1 576	97,0	1 180	396	624	39,5
С/х Северный	1 741	1 545	88,7	1 158	387	393	25,4
С/х Приозерный	2 514	2 057	81,8	1 513	544	472	22,4
С/з Сарпа	1 598	1 430	89,5	1 108	669	378	26,4
С/з Харба	1 723	1 429	80,2	1 133	296	362	25,3
Итого:	12 262	10 862	88,5	8 289	2920	3224	29,6

На таблицы⁵ № 1 видно, что в районном центре и 5-и совхозах на 12 262 человек было обследовано 10 862 / 88,5 %.

В районном центре Цаган-Амане и совхозе Раздольный более высокий охват обследованием следует об[ъ]яснить повторным охватом жителей, осмотром в сентябре месяце, которые не были охвачены профосмотром в июле месяце.

Всем обследованным проводились внутрикожные туберкулиновые пробы, с помощью которых удалось установить, что около 1/3 части жителей имеют отрицательные и слабо положительные реакции на туберкулин.

В связи с этим 3 224 лицам были сделаны противотуберкулезные прививки внутрикожным методом.

⁵ Так в документе.

Проведение прививок против туберкулеза (ревакцинации) почти 1/3 части населения имеет большое профилактическое значение, так как создает среди населения⁶ иммунную (невосприимчивую) к туберкулезу прослойку.

Следующая задача, которая выполнялась медицинской бригадой в обследуемых совхозах и районном центре: состояла в том, чтобы на основании рентгенфлюорографического обследования выявлялись лица с патологией органов грудной полости (легких, сердца, плевры и др.). При подозрении на наличие патологии в органах грудной полости, производились рентгенологическое и клиническое обследование путем выполнения рентгенографии, физикального и лабораторного обследования (выполнения анализов мокроты, крови и др.).

На каждого выявленного больного туберкулезом заводилась история болезни и заполнялась карта диспансерного учета.

Назначалось лечение в момент выявления и план лечения в ближайшие месяцы. На всех выявленных больных составлялись в 3-х экземплярах списки, один из которых передавался районному врачу-фтизиатру, другой — в республиканский тубдиспансер и 3-й в Московский институт туберкулеза.

Из 10 862 обследованных на туберкулез было выявлено вновь бригадой следующее количество больных туберкулезом:

Таблица № 2

Число выявленных больных активным и неактивным туберкулезом

Название населенного пункта	Выявлено больных	Взрослых			Детей	
		не активных	Активных		не активных	Активных
			БК+	БК-		
Цаган-Аман	67	7	1	18	1	
Раздольный	44	2		6	5	

⁶ Опечатка, правильно населения.

Северный	109	15	6	35	13	40
Приозерный	148	32	25	34	33	24
Сарпа	184	34	17	20	97	16
Харба	108	14	12	11	43	28
Итого:	660	104	61	124	192	179

Как видно из таблицы № 2, больные активным туберкулезом, неизвестные тубдиспансером, выявились в большом количестве в тех совхозах, которые были хуже укомплектованы медицинскими кадрами (с-зы Северный, Приозерный, Сарпа); в тех же совхозах, которые были лучше укомплектованы медицинскими кадрами и ближе расположены к районному центру, число выявляемых больных активным туберкулезом, неизвестных тубдиспансеру, было значительно меньше (с-зы Харба, Раздольный и районный центр Цаган-Аман).

С целью организации стационарного лечения больных туберкулезом, Министром здравоохранения Калмыцкой АССР тов. Е. А. Дойниковой было дано распоряжение о перепрофилировании части общесоматических коек в койки для лечения больных туберкулезом в следующих учреждениях Юстинского района:

1. В районной больнице Цаган-Аман для взрослых
 - а) во вновь отстроенном здании туботделение на 25 к
 - б) В старом здании для детей 10 к
 2. В с/зе Северном на базе 10 коечной уч. больницы 5 к
 3. В совхозе Приозерном на базе 25 к. уч. больницы 15 к
 4. В с/зе Харба на базе 25 коечной уч. б-цы 15 к
- Всего: 70 к

При этом имеется в виду, что вновь организованные туберкулезные отделения участковых больниц будут выполнять функции межсовхозных туботделений: туботделение б-цы с-за Приозерный обслуживать своих больных и больных туберкулезом стационарной помощью с-за Сарпа; туботделение совхоза Харба — будет обслуживать стационарной помощью больных туберкулезом совхозов Никольского, Полинного, Эрдниевского.

Благодаря организации туботделений, выявленные больные, нуждающиеся в стационарном лечении, направлялись немедленно на лечение в организованные для них тубстационары. Часть больных, нуждающихся по медицинским показаниям в санаторном лечении, направлялись в санатории. На больных нуждающихся в хирургическом лечении, а также в высоко квалифицированной консультации, выписки из истории болезни направлялись в Москву. (См. табл. № 3).

Таблица № 3

Число госпитализированных и направленных на госпитализацию больных туберкулезом:

№ п/п	Название населенного пункта	В туб. отдел. р-й и уч. б-ц	Направлено в тубсана-торий	Направлено в г. Москву	Всего
1.	Цаган-Аман	6	4	2	12
2.	с/з Раздольный	3	2	1	6
3.	с-з Северный	3	1	2	6
4.	с-з Приозерный	15	2	2	19
5.	с-з Сарпа		3	3	6
6.	с-з Харба			3	3
Итого:		27	12	13	52

Организация тубстационара в уч. б-це Харба задерживается в связи с ремонтом, а также задерживается из-за отсутствия алебаstra открытие отделения для взрослых на 25 коек при районной больнице в Цаган-Амане.

Как видно из-за представленных данных, значительной части выявленных больных активным туберкулезом, приходится находиться на амбулаторном лечении.

Для изыскания средств на бесплатное лечение амбулаторных больных, а также на содержание перепрофилированных коек для больных туберкулезом во вновь организованных туб. стационарах Министром здравоохранения Калм. АССР было дано задание до

1.10.1963 г. выяснить наличие экономии по ст. 1.9.10 по Юстинскому и др. районам республики.

В настоящее время, в связи с окончанием работы Московской медицинской экспедиции, Министерство здравоохранения Калм. АССР предполагает закончить обследование совхозов — Никольский, Полынный, Эрдниевский, Молодежный и др. со своими ме-дработниками, получившими опыт работы по обследованию населения на туберкулез.

Ст. Научный сотрудник — /Б. А. Варсава/

Верно [подпись]

[НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 1–5].

Заключение

Отчет кратко характеризует работу медицинской экспедиции Московского научно-исследовательского института туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР в Юстинском районе Калмыцкой АССР по изучению эпидемиологии туберкулеза и оказанию организационно-методической помощи в борьбе с туберкулезом. Необходимо отметить, что в историографии данный вопрос практически не был затронут, хотя он поднимает очень важную тему, которая актуальна на сегодняшний день. Анализ политики советского государства в сфере здравоохранения, деятельность региональных властей по борьбе с туберкулезом, состояние сферы здравоохранения на местах, применяемые методы исследования заболеваемости и оценка результатов на разных этапах позволяют увидеть положительные и отрицательные стороны в проводимой работе, а также скорректировать применяемые меры по борьбе с туберкулезом.

Документ показывает, что спустя пятилетие после восстановления Калмыцкой АССР материально-техническая база республиканского здравоохранения была очень слабой, особенно остро стоял кадровый вопрос. Об этом свидетельствуют данные обследования, приведенные Б. А. Варсавой, больные активным туберкулезом выявлялись в большом количестве в тех населенных пунк-

тах, которые были хуже укомплектованы медицинскими кадрами [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 543. Л. 4].

Анализ отчета свидетельствует о том, что экспедиция не была подготовлена к всестороннему исследованию и заранее не планировалась. Для проведения полноценной работы по изучению эпидемиологии туберкулеза экспедиции необходимо было провести обследование не только одного Юстинского района республики, но также и других районов, как в свое время это сделал И. И. Мечников. В отчете не хватает резюмирования о проделанной работе экспедиции, выводов специалистов, рекомендаций по дальнейшей борьбе с высокой заболеваемостью туберкулезом как Министерству здравоохранения РСФСР, так и Министерству здравоохранения Калмыцкой АССР. Не характеризуется обучение прикомандированных медицинских работников, нет сведений о том, как проводилась санитарно-просветительная работа среди населения.

Экспедицией не были достигнуты запланированные показатели по количеству обследуемого населения. Возможно, позже, когда было завершено полное обследование Юстинского района медицинскими работниками республики, эти показатели были достигнуты, но о них ничего не известно, так как сводный отчет по Юстинскому району еще не найден.

Между тем благодаря отчету экспедиции выявлены новые статистические данные, которые показывают имеющуюся высокую заболеваемость туберкулезом среди населения региона. Несмотря на некоторые недостатки, документ является ценным источником, характеризующим состояние здравоохранения в Юстинском районе и республике в начале 1960-х гг.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Араловец 2019 — *Араловец Н. А.* Заболеваемость населения РСФСР туберкулезом в 1960-е годы: демографическое изучение // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 15. С. 1–7.

- Бадугинова 2011 — *Бадугинова М. В.* Роль «Красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927–1931 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 37–41.
- Бадугинова 2014 — *Бадугинова М. В.* Экспедиция П. Ю. Берлина в Калмыкию (1925 г.) и ее значение в развитии здравоохранения республики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 30–36.
- Бадугинова 2018 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 2018. 29 с.
- Башкуев 2012 — *Башкуев В. Ю.* Социалистическая модернизация национальных меньшинств Сибири и проблема социальных болезней в 1920-х гг. (на примере Бурят-Монгольской АССР) // Власть. 2012. № 4. С. 126–130.
- Башкуев 2015 — *Башкуев В. Ю.* Пробуждая «буддийский Восток»: кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920–1970-е гг.) // Власть. 2015. № 10. С. 198–203.
- ВОЗ 2022 — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). [электронный ресурс] // URL: <https://www.who.int/ru/news/item/27-10-2022-tuberculosis-deaths-and-disease-increase-during-the-covid-19-pandemic>. (дата обращения: 30.04.2022).
- Глобальный отчет 2020 — Глобальный отчет по туберкулезу 2020 г.: резюме [Global tuberculosis report 2020: executive summary]. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. 10 с.
- Голубова и др. 2019 — *Голубова Т. Н., Махкамова З. Р., Перескокова А. А., Соболев А. А.* Дни Белого цветка в Крыму: история и современность // Вестник физиотерапии и курортологии. 2019. № 1. С. 98–101.
- Гуденков 2010 — *Гуденков М. А.* День Белой ромашки (к истории Всемирного дня борьбы с туберкулезом) // Вестник Смоленской медицинской академии. 2010. № 1. С. 168–170.
- Гуляева и др. 2022 — *Гуляева Н. А., Павлова Е. С., Петрова М. Н., Степанова О. А., Еремеева Д. С.* История становления фтизиатрии в Республике Саха (Якутия) // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2022. Т. 24. № 8. С. 9–13. DOI: 10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-8-9-13
- Ежова 2019 — *Ежова С. А.* Дни Белого цветка в Казани: благотворительный праздник начала XX в. Как опыт социально-культурного взаимодействия // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2019. № 2. С. 6–25.

- Заболееваемость 2001 — Заболееваемость населения активным туберкулезом // Здравоохранение России 2001 г. Статистический сборник. [электронный ресурс] // URL: https://gks.ru/bgd/regl/B01_34/Main.htm. (дата обращения: 30.11.2022).
- Кежутин 2019 — *Кежутин А. Н.* Деятельность органов здравоохранения Нижегородского края по борьбе с социальными болезнями на рубеже 1920-30-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 94–97.
- Кежутин 2021 — *Кежутин А. Н.* Борьба с социальными болезнями в Нижегородском Крае на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 26–30.
- Майорова 1927 — *Майорова А. С.* Женское движение // Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань: Калмиздат, 1927. С. 119–116.
- Мечников 1873 — *Мечников И. И.* Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Русского географического общества. 1873. Т. IX. № 10. С. 335–351.
- Мечников 1911 — *Мечников И. И.* В калмыцкой степи // Астраханский листок. 1911. № 121. С. 4.
- Мечников 1959 — *Мечников И. И.* Изыскания по эпидемиологии туберкулеза в Калмыцких степях // Мечников И. И. Академическое собрание сочинений. Т. 10. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1959. С. 181–191.
- Мечников, Бюрнэ, Тарасевич 1912 — *Мечников И. И., Бюрнэ Е., Тарасевич Л. А.* Исследования туберкулеза в Калмыцкой степи // Астраханский вестник. 1912. 22–25 июля.
- Минздрав 2022 — Министр здравоохранения РФ Михаил Мурашко: Заболееваемость туберкулезом в РФ удерживается на историческом минимуме // Министерство здравоохранения Российской Федерации (дата публикации: 24.03.2022) [электронный ресурс] // URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2022/03/24/18525-ministr-zdravoohraneniya-rf-mihail-murashko-zabolevaemost-tuberkulezom-v-rf-uderzhivaetsya-na-istoricheskom-minimume> (дата обращения: 30.06.2022).
- Нечаева 2018 — *Нечаева О. Б.* Эпидемическая ситуация по туберкулезу в России // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 8. С. 15–24.
- Очиров, Сусеев 2009а — *Очиров У. Б., Сусеев П. Н.* Формирование советской системы здравоохранения в 1917–1943 годах // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3-х тт. Т. 3. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 581–591.
- Очиров, Сусеев 2009б — *Очиров У. Б., Сусеев П. Н.* Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмы-

- кии с древнейших времен и до наших дней: в 3-х тт. Т. 3. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 591–607.
- Ракишева и др. 2013 — *Ракишева А. С., Саятова А. С., Аликеева Г. М., Шахиева А. М.* История борьбы с туберкулезом в Казахстане: 1920–1930 годы // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2013. № 3 (2). С. 388–392.
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Саламбиева 2018 — *Саламбиева А. В.* Общественная благотворительность населения города Грозного в начале XX в. на примере Дня Белого цветка // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8(52). С. 112–115.
- Цыретарова 2016 — *Цыретарова Б. Б.* Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920–1940-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 1. С. 29–35.

Итоги изучения керамики группы «джукетау» из болгарского городища Джукетау (Республика Татарстан, г. Чистополь)

Вера Николаевна Бахматова¹, Наиль Гатиатуллович Набиуллин²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. им. И.К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-6383-2686. E-mail: lyna-87@yandex.ru

² Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (д.30, ул. Бутлерова, 420012 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-4027-7560. E-mail: nabiullinng@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г., 2022

Аннотация. *Цель* статьи — подвести некоторые итоги комплексного изучения керамики группы «джукетау» городища Джукетау (X – начало XIII вв.). *Результаты.* Городище является частью комплекса археологических остатков болгаро-татарского города Джукетау X–XIV вв., исторически известного как «Жукотин» в русских летописях. Памятник расположен в левобережье р. Камы при впадении в нее р. Килевки. В керамическом комплексе городища доля посуды группы «джукетау» достигает до двух третей. Анализ результатов изучения морфологии и технологии сосудов позволили выявить и охарактеризовать черты гончарного производства. Установлено, что основу ассортимента посуды «джукетау» составляли горшки ремесленного производства. Однако во внешнем облике сосудов и технологических традициях зафиксированы некоторые черты архаичности: округлодонность и индивидуальный подход к оформлению верхних частей сосудов, использование лоскутного налёпа для изготовления сосудов, введение отошителей в значительной концентрации, обжиг части посуды в очаге или кострище. Переход к ремесленной форме производства был обусловлен внедрением в гончарную систему навыков

работы с гончарным кругом и обжигом сосудов в горне. *Вывод.* Результаты анализа в совокупности с другими данными позволяют рассматривать город Джукетау как один из центров высокоразвитого гончарного производства Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология Волго-Камья, Волжская Булгария X–XIII вв., Джукетау-Жукотин, средневековая керамика, гончарная технология, морфология и орнаментация сосудов.

Благодарность. Исследование проведено при поддержке гранта в форме субсидии, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого, проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира» (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г. Итоги изучения керамики группы «джукетау» из болгарского городища Джукетау (Республика Татарстан, г. Чистополь) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 63–93. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-63-93

Juketau-Group Ceramics from the Bulgarian Hillfort of Juketau (Chistopol , Republic of Tatarstan): Summarizing Research Results

Vera N. Bakhmatova¹, Nail G. Nabiullin²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6383-2686. E-mail: lyna-87@yandex.ru

² Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov St., 420012 Kazan, Russian Federation),

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-4027-7560. E-mail: nabiullinn@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Bakhmatova V. N., Nabiullin N. G., 2022

Abstract. Goals. The article aims to summarize some results of the research into Juketau-group ceramics from the medieval hillfort of Juketau (10th – 13th centuries CE). **Results.** Archaeological remains of the historically famous Bulgar-Tatar city of Juketau ('Zhukotin' according to Russian 10th – 14th century chronicles) are located on the left bank of the Kama River, on the western border of present-day Chistopol (Tatarstan). In the ceramic complex of the settlement, the share of dishes clustering with Juketau-group ceramics constitutes 65–70%. Morphological and technological analyses of this ceramic group have identified a number of distinct pottery production features, namely: the bulk of items examined are samples of handicraft pottery, though with certain archaic elements (round bottoms and individual forms of the 'lip' as a functional part of vessels, patching techniques, high concentration of tempers, use of ovens or bonfire devices for pottery firing). The skills of working with a potter's wheel and a pottery kiln are characteristic of Juketau-group ceramic handicraft production. **Conclusions.** The study suggests the city of Juketau was a center of highly developed pottery production in the medieval state of Volga Bulgaria.

Keywords: archeology of the Volga-Kama region, Volga Bulgaria of the 10th – 13th centuries, Juketau-Zhukotin, medieval ceramics, pottery technology, morphology and ornamentation of vessels

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist ('From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews', no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bakhmatova V. N., Nabiullin N. G. Juketau-Group Ceramics from the Bulgarian Hillfort of Juketau (Chistopol, Republic of Tatarstan): Summarizing Research Results. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 63–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-63-93

Введение

В данной статье подведены некоторые итоги изучения посуды «джукетау» или группы XIII по классификации Т. А. Хлебниковой [Хлебникова 1984: 167–170, 194–198, 229–231; Васильева 1993; Кокорина 2002; Бахматова 2016: 125–143] из керамического комплекса городища Джукетау — археологических остатков укрепленной части города Джукетау, одного из основных городов Волжской Булгарии. Эта неполивная керамика, бытовавшая у на-

селения Среднего Поволжья в X–XV вв., получила свое название по локализации у города Джукетау, в керамическом комплексе которого ее доля достигает до двух третей.

Археологические остатки булгаро-золотордынского города Джукетау X–XIV вв. («Жукотин» в русских летописях) расположены на левом берегу р. Кама (Куйбышевское водохранилище), на западной окраине современного г. Чистополь (Республика Татарстан). Они представляют собой компактно расположенную исторически связанную между собой группу археологических памятников (городище, селища, некрополи) [Хлебникова 1975: 234–251; Хузин, Набиуллин 1999: 90–113; Набиуллин 2011; Бахматова, Набиуллин 2021: 43–54].

В общей стратиграфической шкале комплекса памятников Джукетау выделяются три слоя: современный, золотоордынский (вторая треть XIII–XIV вв.), домонгольский (X – первая треть XIII вв.). При этом по имеющимся материалам городище с оборонительными сооружениями и прилегающее к нему Крутогорское (Донауровское I) селище датируются в пределах домонгольского периода, Донауровское II селище — домонгольского и золотоордынского периодов [Набиуллин 1998: 219–223; Набиуллин 2001: 53–74]. По отношению к значительно перемешанным материалам Донауровского II селища характеристики культурных остатков из домонгольского городища в определенной мере являются эталонными.

Постановка проблемы. Содержание керамики группы «джукетау» достигает до двух третей в общем керамическом комплексе на разных участках памятника, что предполагает возможность рассматривать город Джукетау как центр производства и источник распространения традиций, начиная с домонгольского времени.

Источники

Материалы исследований Т. А. Хлебниковой 1970-х гг. частично опубликованы [Хлебникова 1975: 234–251; Хлебникова 1984]. На раскопах I–III 1970–1972 гг. в северо-западной части городища количество керамики составляло от 36,7 % до 62,2 % в разных

пластах соответственно; на раскопе IV в его юго-восточной части — 35,1–43,4 % [Хлебникова 1971: 24–25; Хлебникова 1972: 18–20; Хлебникова 1973: 2, 15–16]. Неожиданно мало керамики группы «джукетау» оказалось на раскопе V, прирезанном к раскопам I–III (8,2 %). Материалы раскопов VI, VII у оборонительных укреплений дали относительно небольшое количество культурных остатков, выборки керамики не представительны (в таких выборках посуда группы «джукетау» составляет 12–14,2 %) [Набиуллин 1998: 219–223]. Основу настоящей работы составили новые материалы наших исследований на раскопе IX в северо-восточной части городища, где доля посуды группы «джукетау» составляет 53,5 % [Набиуллин 2017; Бахматова, Набиуллин 2021: 43–54] с привлечением материалов раскопов V и VII. Всего было изучено 686 сосудов группы «джукетау». Культурный слой городища сильно переработан в позднее время, материалы из заполнения котлованов объектов отложились после окончания их функционирования и практически не отличаются от материалов непосредственно из культурного слоя вне объектов.

Методика исследования

Для характеристики керамического комплекса проведено изучение морфологии и технологии сосудов «джукетау». Изучение морфологических особенностей осуществлялось на основе построения типологической структуры, которая базируется на принципе анализа формы и соотношения главных размерных характеристик [Русанова 1976: 31–35; Хлебникова 1984]. Поскольку основная масса материалов сильно фрагментирована, основное внимание уделялось форме верхних частей сосудов. Для описания орнамента использована четырехчастная структура, предложенная Е. В. Волковой [Волкова 2010: 88–106]. Технологический анализ керамики проводился в соответствии с историко-культурным подходом, основы которого сформулированы А. А. Бобринским [Бобринский 1978; Бобринский 1999: 5–109].

Морфология сосудов

Для изучения морфологических особенностей сосудов разных категорий ассортимента было привлечено 174 сосуда различной степени сохранности (развалы сосудов, крупные фрагменты верхних частей). В результате изучения было выделено 3 варианта оформления шеи, 5 вариантов оформления венчиков. Анализ размерных характеристик сосудов позволил оценить пропорции сосудов в целом и их отдельных частей. Сочетания тех или иных характеристик позволили выделить и охарактеризовать категории ассортимента керамики «джукетау» (см. рис. 1).

Ассортимент керамики «джукетау» на данном памятнике представлен категориями кухонной и столовой посуды (см. табл. 1).

Преобладает кухонная посуда, основу составляют *горшки* — до 79 % от всего изученного комплекса, они представлены сосудами с округлым дном, шейей, одной или двумя ручками. Большинство горшков орнаментированы. Размеры горшков разнообразны: диаметр по краю венчика составляет от 8 до 22 см, диаметр наибольшего расширения тулова — 11–27 см. О высоте горшков можно судить только по двум полным развалам сосудов — их высота 14 и 16 см. В оформлении верхней части сосудов этой категории зафиксировано две формы шеи и пять форм венчика. Морфологическую основу составляют сосуды с блоковидной формой шеи и прямыми формами венчиков (до 64 %). Наиболее распространены горшки со средней высотой шеи и плеча, средним горлом. Горшки с низкой блоковидной шейей представлены меньше. Горшки с раструбообразной формой шеи и прямыми формами венчиков составляют порядка 15 %.

Среди проанализированного комплекса горшков выделены сосуды двух морфологических типов. По общей пропорциональности это горшки низких и средних пропорций. Оба типа схожи по форме и пропорциям верхних частей, но отличаются по относительной высоте придонной части, форме тулова, соотношению размеров плеча и придонной части. Сосуд типа 2 обладает более вытянутыми общими пропорциями за счет увеличения относительной высоты придонной части (см. рис. 2).

ФОРМА ШЕИ											
					<p>I – блоковидная II – раструбообразная III – без шеи</p>						
ФОРМА ВЕНЧИКА											
					<p>1 – прямой закруглен 2 – закруглен отогнут 3 – прямой заужен 4 – заужен отогнут 5 – прямой скошен внутрь</p>						
ГЛАВНЫЕ РАЗМЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОСУДА											
					<p>D – диаметр венчика D1 – диаметр тулова H – общая высота сосуда H1 – высота тулова H2 – высота шеи H3 – высота придонной части H4 – высота плеча</p>						
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОСУДОВ											
D:H2 высота шеи		D1:H4 высота плеча		D1:H3 высота придонной части		D1:D ширина горла		D1:H1 форма тулова		H:H1 высота тулова	
до 10%	<i>низкая</i>	до 10%	<i>низкое</i>	до 10%	<i>низкая</i>	до 60%	<i>узкое</i>	70-100%	<i>шаровидное</i>	от 80%	<i>высокое</i>
11 – 30 %	<i>средняя</i>	11 – 30 %	<i>средняя</i>	11 – 30 %	<i>средняя</i>	61- 80 %	<i>средне расширенное</i>			71-80%	<i>средневысокое</i>
31-35%	<i>высокая</i>	31-35%	<i>высокое</i>	31-35%	<i>высокая</i>	81 – 100 %	<i>широкое</i>	до 70%	<i>реповидное</i>	61-70%	<i>среднее</i>
										до 60%	<i>низкое</i>

Рис. 1. Формальные и размерные характеристики сосуда, учитываемые в морфологическом анализе

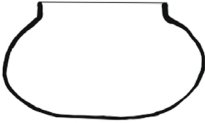
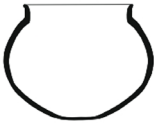

Таблица 1. Категории сосудов и их морфологические характеристики

ФОРМА ШЕИ, ВЕНЧИКА ¹	МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ										ВСЕГО (%)
	низкая шея	низкая шея, среднее горло	низкая шея, среднее плечо, широкое горло	средняя шея	средняя шея, среднее плечо, узкое горло	средняя шея, среднее плечо, среднее горло	средняя шея, среднее плечо, широкое горло	высокая шея	среднее плечо, широкое горло		
Г-11	2	1	39	7						48 (27,6 %)	112 (64,4 %)
Г-12	1		3							4 (2,3 %)	
Г-13	3	1	39	6	1		2			51 (29 %)	
Г-14	1		1							2 (1,15 %)	
Г-15			4	1						6 (3,4 %)	
Г-III			10	1						12 (6,9 %)	25 (14,4 %)
Г-IIIз			11							12 (6,9 %)	
ВСЕГО (%)	7 (4)	1 (0,57)	107 (61,5)	15 (8,6)	1 (0,57)		2 (1,15)			137 (78,7 %)	

ЧАШИ (Ч)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ											ВСЕГО (%)
ФОРМА ШЕИ, ВЕНЧИКА ¹	низкая шея	низкая шея, среднее плечо, среднее горло	низкая шея, среднее плечо, широкое горло	средняя шея	средняя шея, среднее плечо, узкое горло	средняя шея, среднее плечо, среднее горло	средняя шея, среднее плечо, широкое горло	высокая шея	среднее плечо, широкое горло		
	Ч-П1	2			1						
Ч-П3	2						1				3 (1,7 %)
Ч-П1	2			4							6 (3,4 %)
Ч-П3	4			3							7 (4 %)
Ч-П5											1 (0,57 %)
Ч-П1											2 (1,15 %)
Ч-П2											1 (0,57 %)
Ч-П4											1 (0,57 %)
ВСЕГО (%)	10 (5,7)			8 (4,6)			1 (0,57)				23 (13,2 %)
<i>ГОРШКИ / ЧАШИ (Г / Ч)</i>											
Г / Ч-П3			1								1 (0,57 %)
											1 (0,57 %)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ											ВСЕГО (%)	
ФОРМА ШЕИ, ВЕНЧИКА ¹	низкая шея	низкая шея, среднее горло	низкая шея, среднее плечо, широкое горло	средняя шея	средняя шея, среднее плечо, узкое горло	средняя шея, среднее плечо, среднее горло	средняя шея, среднее плечо, среднее горло	средняя шея, среднее плечо, широкое горло	высокая шея	среднее плечо, широкое горло		
	Г / Ч-ПЗ						1					1 (0,57%)
ВСЕГО (%)			1 (0,57)			1 (0,57)					2 (1,15 %)	1 (0,57 %)
<i>КРЫШКИ (КШ)</i>											1 (0,57 %)	
<i>ЧАШИ / МИСКИ (Ч / М)</i>												
Ч / М-П1										2	2 (1,15 %)	
Ч / М-П2										2	2 (1,15 %)	5 (2,9 %)
Ч / М-П4											1 (0,57 %)	
ВСЕГО (%)										4 (2,3 %)	5 (2,9 %)	5 (2,9 %)
ВСЕГО (%)											174 (100 %)	

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗМЕРОВ СОСУДОВ ПО ТИПАМ	ТИП 1	ТИП 2
		
Орнамент		

Форма шеи и венчика	П1	П2
Высота шеи D:H2	средняя (12 %)	средняя (15 %)
Высота плеча D1:H2	средняя (29 %)	средняя (24 %)
Высота придонной части D1:H3	средняя (25 %)	высокая (35 %)
Форма тулова D1:H1	реповидная (54 %)	шаровидная (85 %)
Высота тулова H:H1	высокое (87 %)	высокое (84 %)
Относительная высота плеча и придонной части H4:H3	плечо выше (85 %)	плечо ниже (145 %)
Ширина горла D1:D	средняя (71 %)	средняя (74 %)
Общие пропорции (ОПП) D1:H	низкие (63 %)	ниже средних (70 %)

Рис. 2. Морфологические типы горшков

Столовая посуда представлена чашами и чашами / мисками. Количество их небольшое — порядка 15 %. Более распространены *чаши*. Выявлены чаши с блоковидной и раструбообразной формой шеи. Преобладают сосуды с раструбообразной формой. Высота шеи может быть как низкой, так и средней, высота плеча средней, горло широким. Выявлены также чаши без шеи. Формы венчиков такие же, что и у горшков (см. табл. 1). Диаметр сосудов по краю венчика составляет от 12 до 19 см, в месте наибольшего расширения тулова — 22–23 см.

Для *чаш / мисок* в данном случае характерно отсутствие шеи, средняя высота плеча и широкое горло. Венчик по форме может быть закругленным прямым (1) или отогнутым (2), зауженным отогнутым (4). В материалах городища выявлены чаши / миски двух

размеров: большие с диаметром по краю венчика до 22 см, высотой 5–6 см и средние с диаметром по краю венчика от 11 до 17 см, диаметр в месте наибольшего расширения тулова составляет 13–18 см.

Зафиксировано несколько невыразительных фрагментов от сосудов переходной формы *горшки/чаши*. Это сосуды с блоковидной или раструбообразной шейей и прямым зауженным венчиком (3). По сочетанию относительных размеров функциональных частей сосуда могут быть: с низкой шейей, средним плечом и широким горлом; средней высотой шеи и плеча, средней шириной горла (см. табл. 1). Диаметр сосудов по венчику составляет от 13 до 18 см, диаметр тулова в месте наибольшего расширения от 15 до 19 см.

Кроме основных категорий посуды зафиксирована одна вспомогательная — в материалах городища представлена одна *крышка* в форме широкого низкого конуса с диаметром основания 19–20 см, которая предназначалась для горшков или других сосудов с диаметром по краю венчика не более 20–21 см.

Орнамент

Зафиксирован только один способ декорирования керамики «джукетау» — это нанесение графического орнамента. В рамках данного исследования проанализированы орнаменты 69 сосудов. В большинстве случаев орнамент нанесен по плечу (87 %), редко по шее или краю венчика. Сосуды без орнамента единичны. Все элементы орнамента по виду инструмента, которым они нанесены, можно разделить на несколько групп:

- палочка с заостренным концом — одинарная линия, одинарная волна;
- гребенка или зубчатый штамп — многорядная линия, многорядная волна, расчески-ромбы, диагональные оттиски;
- гладкий штамп — диагональные оттиски;
- руки гончара — ногтевые вдавления.

По способу нанесения орнамента выделены статичные (изображение, полученное простым оттиском инструмента о поверхность) и динамичные элементы (прочерчивание инструментом ко-

ротких линий по поверхности или протаскивание инструмента по периметру сосуда). К статичным отнесены: оттиски гребенки или зубчатого штампа, оттиски гладкого штампа, ногтевые вдавления. Среди динамичных в технике протаскивания зафиксированы многорядная или одинарная волна и линия. Выделен только один динамичный элемент в технике прочерчивания — расчески-ромбы, полученные путем прочерчивания гребенкой в диагональном направлении. Все динамичные элементы совпадают с образом. Среди образов выделяются простые и сложные. Оттиски гребенки образуют один простой образ — диагональные оттиски с наклоном в одну сторону. Расчески-ромбы образуют один простой образ — выстроены в горизонтальную цепочку. Ногтевые вдавления выстроены в ряд в диагональном положении (см. рис. 3).

По сочетанию образов и элементов выделено 16 полных мотивов. Самым распространенным является мотив из многорядной волны, нанесенной в один пояс по плечу (65 %), единично по шее или краю венчика. Мотивы из многорядной волны в два или три пояса встречаются значительно реже и нанесены только на плечо сосуда. Остальные мотивы встречаются редко, главным образом в орнаментации плеча. Отсутствуют мотивы, в которых присутствуют образы из статичных и динамичных элементов. В каждом мотиве присутствуют элементы, нанесенные только одним видом инструмента (см. рис. 3).

Все композиции по количеству орнаментированных зон можно разделить на однозонные (92,5 %) и двухзонные (4,5 %). Всего зафиксировано 17 композиций. Основу составляют однозонные композиции с орнаментацией плеча мотивами из динамичных протасканных элементов (87 %). Преобладающей является композиция — многорядная волна в один пояс по плечу (66 %). Среди двухзонных композиций зафиксированы комбинации орнаментации края венчика и плеча, шеи и плеча. В композициях с орнаментацией шеи и плеча зафиксированы только мотивы из одинарных линий и одинарной волны. В композиции с орнаментацией края и плеча зафиксирован только мотив — многорядная волна в один пояс (см. рис. 3).

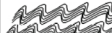
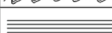

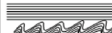

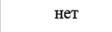
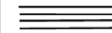

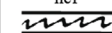
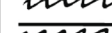
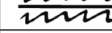

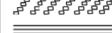

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОЗИЦИИ				ВСЕГО (%)		
1-зональные/ плечо	статичные элементы	1		1	59 (87%)	62 (91%)
		2		46 (66%)		
		3		6 (8,7%)		
		4		1		
		5		2		
		6		1		
		7		1		
		8		1		
		9		1		
		Динамичные протащенные элементы	10			
1-зональные/ край венчика	Динамичные протащенные	11		1	1 (1,5)	1 (1,5)
2-зональные/ край+ плечо	Динамичные протащенные	12	нет 	1	1 (1,5)	1 (1,5)
2-зональные/ шея + плечо	Динамичные протащенные	13	нет 	1	2 (3)	2 (3)
		14	нет 	1		
Неполные / шея	Динамичные протащенные	15		1	2 (3)	2 (3)
		16		1		
Неполные/ край+шея	Статичные и динамичные протащенные	17	 	1	1 (1,5)	1 (1,5)
ВСЕГО				69 (100%)		

Рис. 3. Характеристика орнаментальных композиций сосудов

Технологическое изучение

Выделение технологической информации по каждому сосуду и обобщение информации о гончарной технологии проводились в рамках естественной структуры гончарной технологии [Бобринский 1999: 9–11].

Стадия I — подготовительная (проанализировано 146 сосудов). Ступени 1–3 — отбор и добыча исходного сырья (ИС). Характеристике исходного пластичного сырья (ИПС), применяемого гончарами при изготовлении керамики «джукетау», посвящена отдельная статья [Бахматова, Набиуллин 2020: 126–150]. Здесь стоит указать лишь то, что в качестве исходного пластичного сырья гончары городища Джукетау использовали преимущественно запесоченную очень пластичную глину в сухом раздробленном или увлажненном размятом состоянии (99 %). Результаты поиска сырьевой базы, экспериментальные и естественнонаучные исследования позволили соотнести данное сырье с бентонитовыми глинами. Данное сырье добывалось гончарами в русле р. Килевки, протекающей по дну оврага, отделяющего городище от его западного посада [Бахматова, Набиуллин 2020: 126–150]. Единично в материалах городища зафиксированы традиции использования слабозапесоченной и сильнозапесоченной глины.

В качестве исходного непластичного сырья (ИНС) зафиксированы материалы минерального, органического и органоминерального происхождения. Минеральные примеси представлены песком в очень мелкой фракции (размер зерен 0,1–0,5 мм). Зерна песка имеют полуокатанную и угловатую форму. Большей частью песок представлен узким фракционным диапазоном, редко встречаются зерна размером до 0,6–0,8 мм и крупные галечные включения размером до 1,5 см. В качестве органических примесей зафиксированы выжимка из навоза и органический раствор неизвестного происхождения. Выжимка в свежих изломах сосудов представлена единичными отпечатками и углифицированными остатками сильно измельченной растительности размером до 0,5–1,5 мм, иногда встречаются более крупные отпечатки до 2 мм. Редко фиксируются скопления таких отпечатков. Часто отпечатки сопровождаются полостями различной формы с углифицированным органическим

веществом, размер полостей до 2–5 мм. Органический раствор в изломах представлен полостями щелевидной, звездчатой или каплевидной формы с матовыми и блестящими пленками от бурорыжего до углисто-черного цветов, а также отдельными пленками и налетами. Размер пустот составляет от 0,5 до 5 мм. Вид и происхождение раствора определить не удалось.

Органоминеральные примеси диагностируются как раздробленные раковины пресноводных моллюсков с разной формой раковины. Определить вид моллюска точно невозможно. В изломах сосудов включения раковины фиксируются как пластинчатые не окатанные включения молочно-белого цвета с размером основной части до 1 мм, редко попадаются включения 1,5–2 мм.

Степень 3 — обработка ИС. Для этой ступени выявлялись признаки состояния сырья (сухого или влажного), в котором оно находилось непосредственно перед составлением формовочной массы, а также определение возможных способов подготовки сырья: высушивания, дробления, просеивания и т. д. Методика позволяет фиксировать состояние сырья, дробленного в сухом виде (по не растворившимся комочкам глины, линзам разной цветности и др.). В случае отсутствия таких признаков предполагается использование ИПС во влажном состоянии. В контексте изучения особенностей ИПС керамики «джукетау» и проведения серии экспериментов с пластическим сырьем примерно такого же качества не удалось четко разграничить признаки, характерные для сырья в том или ином состоянии.

Наличие редких включений гальки и более крупных зерен в примеси песка позволило нам предположить, что песок предварительно не калибровался — использовались залежи с такими морфометрическими характеристиками основной фракции. Выжимка представляет собой жидкую составляющую навоза жвачных животных. Эксперименты по ее получению неоднократно проводились Н. П. Салугиной, И. Н. Васильевой, В. В. Илюшиной [Васильева, Салугина 2015: 8–27; Илюшина 2016: 78–81]. Морфология включений раковины моллюсков позволяет предполагать отсутствие предварительной их обработки перед дроблением. Фракционный диапазон включений позволил предположить просеивание

с калибровкой верхней границы. Реконструкция способов подготовки этой примеси сделана на основании результатов экспериментальных исследований Н. П. Салугиной [Салугина 2016: 65–67].

Ступень 4 — составление формовочной массы (ФМ). В навыках подготовки ФМ зафиксировано только одно направление — связано с введением в пластичное сырье различных по происхождению примесей. По тому влиянию, которое оказывает на керамический сосуд вводимая примесь, все ФМ можно разделить на два класса.

Класс I — ФМ с примесями, уменьшающими вредное влияние усадки глины. К таким примесям относятся компоненты органического и органоминерального происхождения. По виду неглинистого компонента зафиксирован только один рецепт — ИПС + выжимка. Встречается единично. В основе рецепта сильнозапесоченная глина (см. рис. 4).

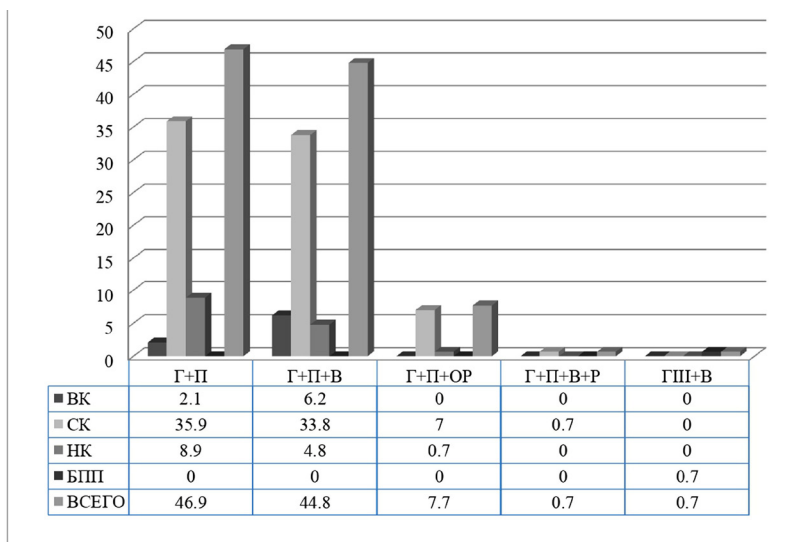

Рис. 4. Рецепты формовочных масс (ФМ), в %

Условные обозначения: Г — незапесоченная глина,

ГШ — сильнозапесоченная глина, П — песок, В — выжимка,

ОР — органический раствор, Р — раковина, ВК — высокая концентрация песка, СК — средняя концентрация песка, НК — низкая концентрация песка,

БШП — без примеси песка

Класс II — ФМ с примесями, увеличивающими огнестойкость керамических изделий. К таким примесям относятся отощители минерального происхождения. По виду неглинистого компонента зафиксирован рецепт — ИПС + песок. Данный рецепт является одним из основных — 47 %. В его основе незапесоченная глина (см. рис. 4).

Наряду с простыми двухкомпонентными рецептами зафиксированы сложные трехкомпонентные, в которых присутствуют одновременно примеси органического и минерального происхождения. Зафиксировано два таких рецепта: ИПС + песок + выжимка (45 %) и ИПС + песок + органический раствор (7,5 %). Зафиксирован один сложный четырехкомпонентный рецепт, в котором присутствуют примеси органического, минерального и органоминерального происхождения — ИПС + песок + выжимка + раковина. В основе всех сложных рецептов незапесоченная глина (см. рис. 4).

Ввиду специфики органических примесей сложно адекватно оценить их концентрацию. Однако небольшое количество идентифицирующих следов позволяет говорить о незначительной концентрации органических примесей во всех рецептах. Концентрация песка во всех рецептах оценивается главным образом как средняя (содержание песка 17–25 % от общего объема ФМ), значительно реже встречаются высокая (от 30–35 % до 50 %) или низкая концентрации (менее 17 %). По единичным включениям обломков раковины в изломе сосуда, изготовленного из ФМ по сложному четырехкомпонентному рецепту, можно предположить незначительную концентрацию данной примеси.

Стадия II — созидательная (проанализировано 119 сосудов). Данная стадия характеризуется конкретными приемами конструирования сосуда: изготовление начина и полого тела, формообразование, обработка поверхности. Общие навыки конструирования сосудов «джукетау» этого городища характеризуются изготовлением начина и полого тела способом скульптурной лепки с использованием форм-моделей и использованием гончарного круга для частичного формообразования или заглаживания сосудов — уровень РФК не выше 3 или 4.

Ступени 5–6 — изготовление начина (Н) и полого тела (ПТ). Начины изученных сосудов из материалов городища изготовлены приемами скульптурной лепки с использованием форм-основ или форм-емкостей. Состояние источника позволяет определить вид начинов для большинства сосудов как неполные глубокие. Для единичных сосудов было сделано предположение о полных начинах. В качестве строительных элементов зафиксированы лоскуты, а способом конструирования являлся лоскутный налеп. Достоверно не удалось выделить лоскуты как порции, оторванные от жгута, или комки — порции, оторванные от общего объема ФМ. Способ наложения строительных элементов, вероятнее всего, был хаотичным — представлял собой бессистемное наклеивание лоскутов внахлест поверх формы-основы или внутри формы-емкости, проложенной прокладкой, по донно-емкостной или емкостно-донной программе.

Способы конструирования полого тела идентичны тем, что зафиксированы в изготовлении начина. Начин и полое тело изготовлялись по отдельности и в дальнейшем соединялись в одну емкость. Четкие следы коротких спаев в местах соединения начина и полого тела зафиксированы в вертикальных изломах сосудов «джукетау». Часто фиксируются соединительные элементы (жгуты, лоскуты), использованные для укрепления места стыка.

Характер спаев на продольных и поперечных изломах шеи, следы на ее внутренней поверхности позволяют предположить такой способ конструирования этой части сосуда — отдельное изготовление шеи с помощью модели или на плоскости лоскутным налепом и дальнейшее присоединение полученной ленты из лоскутов к основной части сосуда.

Ступень 7 — формообразование (Ф). В навыках придания формы сосудам «джукетау» зафиксированы как ручные способы, так и использование для частичного формообразования гончарного круга. В комплексе приемов формообразования зафиксировано три направления. Для первого направления характерно использование специальных форм-моделей — зафиксировано сращивание операций по конструированию приданию формы сосудам. Второе

направление — это навыки выбивания сосудов гладкой колотушкой без твердой основы. Навыки этих двух направлений зафиксированы для всех сосудов. Третье направление проявляется в использовании вращения гончарного круга для профилирования верхних частей сосудов. Такие сосуды составляют большинство среди всего изученного комплекса сосудов.

Ступень 8 — обработка поверхности (ОП). Среди приемов обработки поверхности керамики «джукетау» выделены разные способы заглаживания. Наличие динамических следов на разных частях сосудов, полученных вследствие работы на гончарном круге, позволяет отнести все сосуды к уровням РФК (развитие функций круга) от 2 до 3/4: 2 — использование круга для заглаживания только края венчика; 3 — не только для заглаживания, но и формообразования верхней части; 2/3 — следы формообразования в области шеи и плеча не явные; 3/4 — формообразование верхней части сосуда и вероятно придонной и донной части, сопровождающееся некоторым уплощением дна. Для всех сосудов выделен такой способ обработки поверхности как обстругивание или заглаживание ножом в горизонтальном или горизонтально-диагональном направлении. Обстругиванию подвергалось в большинстве случаев только тулово, но иногда фиксируется повреждение нижнего края орнаментального пояса в зоне плеча во время обстругивания. Признаки этих приемов, машинно-ручное заглаживание пальцами и ручное заглаживание ножом (обстругивание), присутствуют в совокупности и выделены для всех сосудов.

Анализ совокупности навыков на созидательной стадии позволил выделить *группы сосудов по способам конструирования и формообразования*. В основе выделения группы навыки изготовления начина и полого тела. Всего выделено три основные группы.

Группа 1 — это группа сосудов, конструирование которых осуществлялось по донно-емкостной программе конструирования с использованием формы-основы лоскутным налепом. Сосуды этой группы составляют большинство — до 50 %. Основой являются сосуды с уровнем РФК 3. Сосуды с другими уровнями РФК составляют не более 2–3 % (см. табл. 2).

Таблица 2. Группы сосудов по навыкам конструирования и формообразования

Группа	Навыки конструирования	РФК 3/4	РФК 3	РФК 2/3	РФК 2	Всего
1	ЛН, Д-Ё на Ф-О	1 (0,84 %)	52 (43,7 %)	2 (1,68 %)	4 (3,4 %)	59 (49,6 %)
2	ЛН, Д-Ё в Ф-Ё		1 (0,84 %)	2 (1,68 %)	2 (1,68 %)	5 (4,2 %)
3	ЛН, Ё-Д на Ф-О		4 (3,4 %)		1 (0,84 %)	5 (4,2 %)
	<i>Лоскутный налеп</i>		25 (21 %)		3 (2,5 %)	28 (23,5 %)
	<i>Неопределенный</i>		18 (15,1 %)		4 (3,4 %)	22 (18,5 %)
	Всего	1 (0,84 %)	100 (84 %)	4 (3,4 %)	14 (11,76 %)	119 (100 %)

Группа 2 объединяет сосуды, изготовленные также лоскутным налепом по донно-емкостной программе, но с использованием формы-емкости. Сосуды этой группы представляют около 4 % во всем комплексе. Количество сосудов с разными уровнями РФК примерно одинаковое (см. табл. 2).

Группа 3 представлена сосудами, изготовленные лоскутным налепом по емкостно-донной программе с применением формы основы. Комплекс сосудов этой группы минимален — около 4 %. Главным образом, это сосуды с уровнем РФК 3 (см. табл. 2).

Стадия III — закрепительная (проанализировано 686 сосудов). В рамках данной стадии определялись основные приемы придания сосудам прочности и влагонепроницаемости — ступени 9–10. Воздушное высушивание является первым этапом в выполнении задачи по приданию сосудам прочности. При изучении керамики «джукетау» также выявлены горячие приемы придания сосудам прочности — обжиг. Производился анализ цветовых характеристик поверхностей и изломов сосудов. Также был проведен тест на остаточную пластичность [Бобринский 1999: 85–105]. Результаты анализа позволили реконструировать некоторые виды обжига посуды «джукетау», а также предположить, какое тепло-

техническое устройство использовалось для обжига посуды. Было выделено три основных режима обжига.

Во-первых, высокотемпературный (выше 650–700 С°) обжиг сосудов в горне в окислительной газовой среде. Для этого режима характерно медленное поднятие температуры, длительная выдержка сосудов при этой температуре и постепенное их остывание в обжиговом устройстве — вид 5 [Бобринский 1999: 85–105; Цетлин 2012: 116–120; Цетлин 2017: 142]. Обычно сосуды с таким режимом обжига характеризуются равномерной окрашенностью поверхностей в оттенки красно-коричневого цвета и полной прокаленностью излома. Для керамики «джукетау» горнового обжига характерно также наличие в изломе серой прослойки, обусловленной, вероятно, высокой плотностью исходного пластичного сырья [Бахматова, Набиуллин 2020: 147]. Количество керамики с таким обжигом в материалах городища значительно — до 41 % (см. рис. 5).

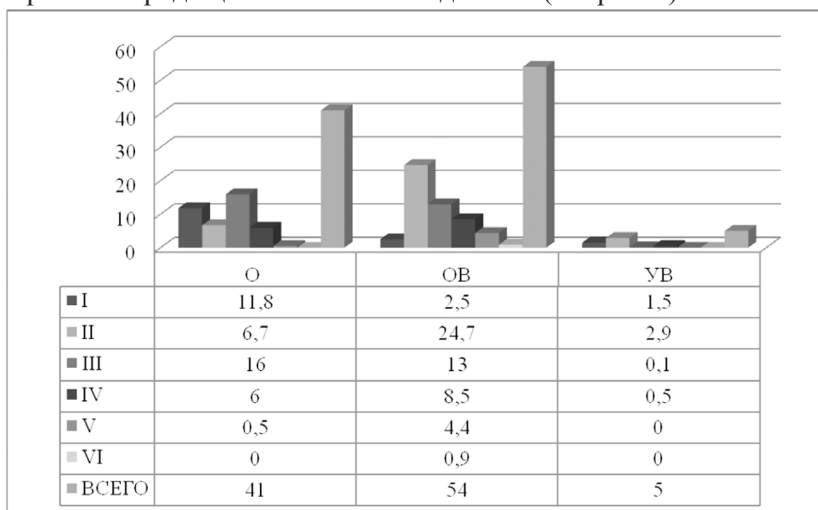

Рис. 5. Режимы обжига сосудов (в %)

Условные обозначения: О — окислительная среда, ОВ — окислительно-восстановительная среда, УВ — условно-восстановительная среда, I — равномерная окраска излома, II — неравномерная окраска излома, III — в середине излома прослойка с четкими границами, IV — в середине излома прослойка с размытыми границами, V — прослойка в изломе с внутренней стороны сосуда, VI — прослойка в изломе с внешней стороны сосуда

Во-вторых, высокотемпературный обжиг в очаге или костре в условиях окислительно-восстановительной газовой среды. Такой режим обжига характеризуется быстрым поднятием температуры, кратковременной выдержкой при высоких температурах и медленным остыванием изделий в обжигательном устройстве — вид 3 [Бобринский 1999: 85–105; Цетлин 2017: 141–142]. Сосуды с таким режимом обжига характеризуются пятнистой серо-коричневой окрашенностью поверхностей и неравномерной прокаленностью излома черепка. Сосуды с такими характеристиками составляют большинство среди керамики «джукетау» изученного комплекса — 54 % (см. рис. 5).

В-третьих, обжиг керамики в очаге или кострище в условно-восстановительной газовой среде. Сосуды имеют черную, черно-серую или серую окраску поверхности, иногда с глянцем или более осветленными участками. Зафиксировано некоторое количество посуды с окраской внешней поверхности сосудов в черный цвет, а внутренней — в буро-серый. Окраска излома равномерная или неравномерная. Иногда встречается трехслойность или двуслойность: с окраской центральной части светлее или темнее краевых участков излома. Границы между прослойками могут быть как четкими, так и размытыми. Равномерная серая или черная окраска поверхностей сосудов обычно свидетельствует об обжиге в восстановительной газовой среде с длительной выдержкой при температурах ниже температур каления глины — вид 1а [Цетлин 2017: 143]. Экспериментально такие обжиги реконструированы в очаге с изоляцией слоем золы [Волкова, Цетлин 2015: 56–62]. Наличие неравномерности в окраске изломов может свидетельствовать о нарушении восстановительного режима обжига. Сосуды «джукетау», обожженные в таком режиме, составляют около 5 % в изученном комплексе (см. рис. 5).

В результате корреляции между технологическими и морфологическими характеристиками сосудов были выделены *типолого-технологические группы (ТТГ) сосудов*. В основе выделения группы — комплекс навыков конструирования сосудов (группа по конструированию), подгруппы — морфологические особенности.

Комплекс признаков, на основании которых выделена та или иная ТТГ, ассоциирован нами с комплексом навыков, определяющих традиции изготовления керамики «джукетау» условной «группой гончаров». В комплексе керамики городища Джукетау выделены три такие группы (табл. 3).

Таблица 3. Типолого-технологические группы керамики «джукетау»

№ группы / рецепт ФМ	ИПС + В	ИПС + П	ИПС + П + В	ИПС + П + ОР	ИПС + П + В + Р
ТТГ 1.1	нет	Г-11, Г-12, Г-13; шея низкая, плечо среднее, горло среднее или широкое			нет
	нет	Г-11, Г-12, Г-13, Г-14, Г-15; шея средняя, плечо среднее, горло среднее. Тип 1 и 2			нет
	нет	Г-11, Г-13; шея средняя, плечо среднее, горло среднее			Г-11, шея средняя
	нет	нет	Ч / М-111, Ч / М-112, Ч / М-114; плечо среднее, горло широкое	нет	нет
ТТГ 2.1	нет	Г-11, Г-12, Г-13, Г-15; шея средняя, плечо среднее, горло среднее		нет	нет
	нет	нет	Г / Ч-13; шея средняя, плечо среднее, горло среднее	нет	нет
	нет	Ч / М-111, Ч / М-112; плечо среднее, горло широкое		нет	нет
ТТГ 3.1	нет	нет	Г-11, Г-13; шея средняя		нет
	нет	Г-11; шея средняя, плечо среднее, горло среднее		нет	нет
ЛН	нет	Г-11, Г-13; шея низкая		нет	нет
	Г-11, Г-13; шея средняя	Г-11, Г-12, Г-13; шея средняя, плечо среднее, горло среднее			нет
	нет	нет	Г-13, шея высокая	нет	нет
	нет	Ч-11, Ч-13; шея низкая		нет	нет

Продукция *первой группы гончаров* (ТТГ 1.1) составляла большинство во всем комплексе посуды этой группы — 49,6 %. Гончары этой группы изготавливали свою посуду, руководствуясь такими навыками. Начин и полое тело изготовлены одинаково — способом лоскутного налепа с использованием формы-основы в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. Зафиксированы три массовых рецепта (ИПС + песок, ИПС + песок + выжимки, ИПС + песок + органический раствор) и один единственный — ИПС + песок + выжимка + раковина. Основу ассортимента составляли горшки, кроме них, изготавливались и чаши / миски (см. табл. 3). Именно эта группа гончаров изготавливала оба морфологических типа горшков группы «джукетау» на этом городище. Большинство посуды этой группы гончаров соответствует уровню РФК 3 — 43,7 %, т. е. гончарный круг использовался для частичного формообразования и заглаживания верхней части сосуда. Продукция *второй и третьей групп* гончаров малочисленна — составляет не более 4,2 % каждая.

Анализ технологических навыков позволил выявить *технологические традиции и этапы их смешения* в производстве керамики группы XIII в среде гончаров городища Джукетау. Традиции отбора, добычи и обработки ИПС достаточно однородны с одной массовой традицией выбора запесоченных глин. В результатах анализа технологии сосудов данной выборки не зафиксировано признаков смешения первого этапа, проявляющихся обычно в использовании в качестве ИПС смесей глин и связанных с процессом адаптации гончаров к местному сырью в случае переселения в другое место.

В навыках подготовки ФМ для изготовления керамики «джукетау» выявлено всего два вида рецептов, которые однозначно можно охарактеризовать как несмешанные — это глина + песок и глина + выжимка. Первый рецепт является массовым, а второй единичен. Насколько вероятно, что эти рецепты стали основой для другого массового рецепта — глина + песок + выжимка. Примесь очень мелкого песка зафиксирована в небольшом количестве в нескольких образцах керамики групп VII / XIII и VIII / XIII.

В формовочные массы сосудов этих групп песок является вторичным компонентом — появился в результате смешения «прикамско-приуральских» традиций и традиций изготовления керамики «джукетау» [Бахматова, Набиуллин 2018: 253–274]. Ни в каких других группах керамики городища Джукетау и других памятников Волжской Болгарии песок в такой фракции не выявлен [Васильева 1993: 89–90, 137–139].

Второй этап смешения технологических традиций проявился в рецепте ФМ — глина + песок + выжимка + раковина. Данный рецепт мог появиться в результате смешения гончарных традиций гончаров-носителей «прикамско-приуральских» традиций в гончарстве (это керамика групп VII и VIII в классификации Т. А. Хлебниковой), для которых весьма характерна примесь дробленой раковины. В технологических традициях производства сосудов этих групп также зафиксирована массовая традиция отбора незапесоченных глин. Вероятно, это обстоятельство объясняет факт отсутствия смесей ИПС при смешении — представления о пластичном сырье у обеих групп гончаров были схожими [Бахматова, Набиуллин 2018: 253–274].

Спорным является наличие третьего и четвертого этапов смешения технологических традиций, которые обычно проявляются в навыках обработки поверхности сосудов и их формообразовании. На всех сосудах «джукетау» в разной степени присутствуют следы от заглаживания поверхности с помощью гончарного круга (РФК от 2 до 3/4) в сочетании с ручными способами обработки поверхности — простое заглаживание пальцами и обстругивание тулова. В навыках формообразования повсеместно зафиксировано использование форм-моделей и выбивания, для большинства сосудов зафиксировано использование гончарного круга для формообразования верхних частей (РФК 3 — 84 %). Перечисленные обстоятельства затрагивают один очень важный сюжет об освоении гончарного круга мастерами, изготавливавшими керамику «джукетау». Ранее уже было высказано предположение об освоении навыков работы на гончарном круге через механизм «встраивания», а не через механизм смешения традиций. Источник заимстования

ния — среда гончаров-ремесленников, изготавливавших керамику группы I «общеболгарскую» [Бахматова 2019: 120–127].

«Встраивание» не влекло за собой разрушение действующей системы навыков в формообразовании и обработке поверхности, а только дополняло ее [Бобринский 1999: 53]. Таким образом, в изготовлении керамики «джукетау» для формообразования и заглаживания гончары используют ручные способы (форма-модель, выбивание, ручное заглаживание, обстругивание), а также возможности гончарного круга в выполнении узких задач частичного заглаживания (РФК 2, 2/3) и формообразования верхних частей (РФК 3 и 3/4). Такая смешанная система навыков стала устойчивой и передавалась из поколения в поколение. В комплексе керамики этой группы на городище Джукетау не выявлена керамика с уровнем РФК 0. Из этого следует, что производство керамики «джукетау» на этом памятнике изначально осуществлялось с использованием гончарного круга.

В результате корреляции данных режима обжига и уровня РФК керамики «джукетау» выявлено достаточное количество керамики с уровнем РФК 3 и с признаками обжига в горне (до 35 %), что позволяет отнести эту керамику к продукции ремесленного производства на заказ или для реализации на местном рынке. Сосуды с уровнем РФК 3 и обжигом в очаге или кострище (48–49 %) с большой степенью уверенности можно считать также посудой ремесленного производства. Некоторую часть керамики (порядка 15 %) с уровнем РФК 2 и 2/3 сложно соотносить с производством ремесленного уровня (см. рис. 6). Вероятно, керамика «джукетау» с такой характеристикой иллюстрирует этап перехода к ремесленной форме производства.

Выводы

Изучение морфологии и технологии керамики группы XIII городища Джукетау позволило сделать следующие наблюдения. На основании соотношения в процентах керамики можно полагать, что население, изготавливавшее и использовавшее в быту керамику этой группы, составляло культурное большинство среди на-

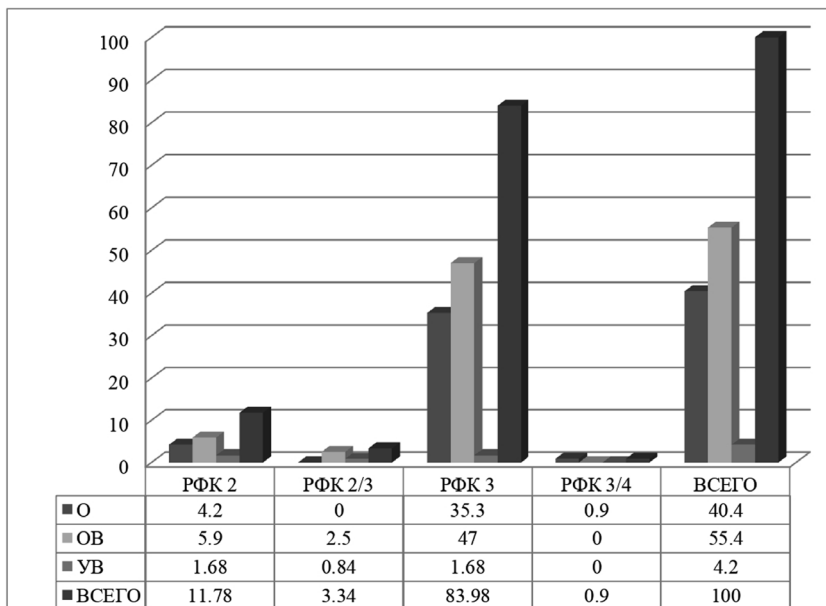

Рис. 6. Корреляция данных по обжигу (по вертикали) и уровню РФК (по горизонтали), в %

Условные обозначения: О — окислительная среда обжига, OB — окислительно-восстановительная среда обжига, UB — условно-восстановительная среда обжига, РФК — уровень развития функций гончарного круга

селения городища. Обладая изначально архаичным комплексом навыков по изготовлению керамики (использование лоскутного налепа и форм-моделей для изготовления керамики), гончары через механизм «встраивания» перенимают некоторые технические средства (гончарный круг и горн для обжига посуды) из среды более развитых гончарных систем. Это обстоятельство позволяет им перейти на качественно новый уровень в изготовлении посуды — ремесленное производство на заказ или для реализации на местном рынке. Ядро традиций ремесленного производства керамики «джукетау» характеризуется использованием в качестве пластичного сырья незапасоченных глин, использование примеси очень мелкого песка в значительной концентрации. Сосуды изготовля-

лись способом лоскутного налепа с использованием формы-основы по донно-емкостной программе и частичным формообразованием на гончарном круге. Обжиг производился в горне или в очаге. Основу ассортимента составляли горшки, пропорции которых с освоением приемов работы на гончарном круге вытягиваются. Наряду со стандартизацией производства, особенно в орнаментации сосудов, более четкими становятся идентифицирующие признаки категорий ассортимента — форма и высота шеи, ширина горла.

Сокращения

ИПС — исходное пластичное сырье; ИС — исходное сырье; ИНС — исходное непластичное сырье; ФМ — формовочная масса; Н — начин; ПТ — полое тело; Ф — формообразование; ОП — обработка поверхности; РФК — развитие функций гончарного круга; ЛН — лоскутный налеп; Е-Д — емкостно-донная программа; Д-Е — донно-емкостная программа; Ф-О — форма-основа; Ф-Е — форма-емкость; ТГ — технологическая группа; ТТГ — типолого-технологическая группа.

Источники

- Набиуллин 2017 — *Набиуллин Н. Г.* Отчет об археологических раскопках городища Джукетау в Чистопольском муниципальном районе Республики Татарстан в 2013 г. Т. 1–5. Казань, 2017 // Научный фонд и библиотека Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 450. 183 л.
- Хлебникова 1971 — *Хлебникова Т. А.* Отчет об исследовании в 1970 году комплекса города Джукетау. Казань: ИИЯЛИ КФАН, 1971 // Научный фонд и библиотека Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. 65 л.
- Хлебникова 1972 — *Хлебникова Т. А.* Отчет об исследовании остатков города Джукетау за 1971 год. Казань: ИИЯЛИ КФАН, 1972 // Научный фонд и библиотека МАРТ Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 5. Оп. 2. Д. 331. 76 л.
- Хлебникова 1973 — *Хлебникова Т. А.* Отчет об археологических работах на Джукетау в 1972. Казань: ИИЯЛИ КФАН, 1973 // Научный фонд и библиотека Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 5. Оп. 2. Д. 160. 65 л.

Литература

- Бахматова 2016 — *Бахматова В. Н.* К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор) // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 125–143.
- Бахматова 2019 — *Бахматова В. Н.* Наблюдения по проблеме формирования традиций ремесленного гончарства населения Волжской Болгарии // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. научн. ст. IV междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 120–126.
- Бахматова, Набиуллин 2018 — *Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г.* Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из до-монгольских комплексов Джукетау // Поволжская археология. 2018. № 1(23). С. 253–274.
- Бахматова, Набиуллин 2020 — *Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г.* Об использовании незапасоченных глин в гончарстве населения Среднего Поволжья X–XV вв. // Вестник «История керамики». Вып. 2 / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2020. С. 126–150.
- Бахматова, Набиуллин 2021 — *Бахматова В. Н., Набиуллин Н. Г.* Новые материалы исследований городища Джукетау // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 43–54.
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский 1999 — *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / ред. А. А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева 1993 — *Васильева И. Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, Урал. изд. фирма, 1993. 246 с.
- Васильева, Салугина 2015 — *Васильева И. Н., Салугина Н. П.* Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. № 3(12). С. 8–27.
- Волкова 2010 — *Волкова Е. В.* Орнаментальные традиции фатьяновских гончаров // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / отв. ред. Ю. Б. Цетлин, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 88–106.
- Волкова, Цетлин 2015 — *Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б.* Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. №3 (12). С. 56–62.

- Илюшина 2016 — *Илюшина В. В.* К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Мат-лы междунар. науч. конф. (24–27 мая 2016 г., г. Санкт-Петербург) / ред. О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 78–81.
- Кокорина 2002 — *Кокорина Н. А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань: Институт истории, 2002. 383 с.
- Набиуллин 1998 — *Набиуллин Н. Г.* Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат-лы Междунар. конф. (2–5 сент. 1998 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1998. С. 219–223.
- Набиуллин 2001 — *Набиуллин Н. Г.* Город Джукетау в XIII–XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // Татарская археология. 2001. № 1–2 (8–9). С. 53–74.
- Набиуллин 2011 — *Набиуллин Н. Г.* Джукетау — город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
- Русанова 1976 — *Русанова И. П.* Один из методов классификации раннеславянской керамики // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 148. М.: Наука, 1976. С. 31–35.
- Салугина 2016 — *Салугина Н. П.* Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Мат-лы междунар. науч. конф. (24–27 мая 2016 г., г. Санкт-Петербург) / ред. О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 65–67.
- Хлебникова 1975 — *Хлебникова Т. А.* К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // Советская археология. 1975. № 1. С. 234–251.
- Хлебникова 1984 — *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
- Хузин, Набиуллин 1999 — *Хузин Ф. Ш., Набиуллин Н. Г.* Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 90–113.
- Цетлин 2012 — *Цетлин Ю. Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Цетлин 2017 — *Цетлин Ю. Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода: монография. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С. Н. Синякина и Е. Ю. Лукина

*Олег Олегович Путило*¹

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Путило О. О., 2022

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть художественные особенности царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов в произведениях Евгения Лукина и Сергея Синякина. *Результаты.* Несмотря на общность географических координат, приемы создания локальных текстов в реалистической и фантастической прозе данных авторов различны. Изображение реалистически достоверного пространства Сталинграда обусловлено в первую очередь патриотической трактовкой образа города, не допускающей сатирического снижения, в то время как волгоградский и царицынский тексты могут включать те или иные элементы комического. В фантастических произведениях Евгения Лукина и Сергея Синякина локальный текст строится с использованием контаминации подлинных пространственных образов и их комических трансформаций как следствия постмодернистской «игры с читателем».

Ключевые слова: локальный текст, царицынский текст, сталинградский текст, волгоградский текст, локус, фантастика, Е. Ю. Лукин, С. Н. Синякин

Для цитирования: Путило О. О. Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С. Н. Синякина и Е. Ю. Лукина // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 94–109. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-94-109

Evgeny Lukin and Sergey Sinyakin: The Means Employed by Volgograd-Based Writers to Create Local Text Revisited

Oleg O. Putilo¹

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005, Volgograd, Russian Federation).

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Putilo O. O., 2022

Abstract. *Goals.* The article aims to examine works of Evgeniy Lukin and Sergey Sinyakin for artistic features inherent to Tsaritsyn, Stalingrad, and Volgograd local texts. *Results.* Despite the commonness of geographical coordinates, the techniques employed by the two authors to create local texts relating to both realistic and fantastic fiction are different. The realistic depiction of Stalingrad's contexts is primarily determined by patriotic interpretations of the city's image that afford no satirical depreciation, while the Volgograd and Tsaritsyn texts may include some particular elements of the comic. In fantastic narratives of Evgeniy Lukin and Sergey Sinyakin, local text is organized through the contamination of original spatial images and their comic transformations as a result of the postmodern 'game with the reader'.

Keywords: local text, Tsaritsyn text, Stalingrad text, Volgograd text, locus, fantastic, E. Lukin, S. Sinyakin

For citation: Putilo O. O. Evgeny Lukin and Sergey Sinyakin: The Means Employed by Volgograd-Based Writers to Create Local Text Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 94–109. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-94-109

Введение

Понятие локального текста перекликается с такими ключевыми литературоведческими терминами, как «хронотоп», «топос» и «локус». И если под топосом понимают «открытые» пространственные образы (мир, степь, море и др.), то термин «локус» обыч-

но применяется к конкретному культурному фрагменту пространства (город, дом и др.) [Прокофьева 2005: 91].

Локальный текст представляет собой группу текстов, выстроенных «вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> это корпус „текстов о месте“, благодаря которым само „место“ наделяется рядом дополнительных характеристик» [Баянбаева 2016: 77]. Пожалуй, самое точное определение этому понятию дает в своем диссертационном исследовании В. В. Коркунов: «Локальный текст — это совокупность гетеростереотипных и автостереотипных текстуальных воплощений локуса, имеющих не случайный характер, в которых проявляются культурные константы края (или личное его восприятие), воспроизводящие образ места» [Коркунов 2015: 5].

Как разновидность сверткста локальный текст обладает такими параметрами, как кросс-жанровость (сочетание разных жанров), кросс-темпоральность (использование различных временных характеристик) и кросс-персональность (принадлежность к разным авторам) (см. [Топоров 2003: 26]). Ему также свойственны:

1) кумулятивная функция, связанная с накоплением информации исторического, культурологического, географического, краеведческого и социологического характера о локусе, в результате чего «локус генерирует определенное концептуальное пространство, особый фрагмент картины мира, репрезентованный в текстах» [Баянбаева 2016: 80];

2) мифогенетическая функция, связанная с формированием мифов, преданий, пророчеств и т. п., основная задача которых — обоснование исключительности явления, что делает это место «особым, единственным, непохожим на остальные» [Топоров 2003: 267];

3) символическая функция, связанная с формированием локальных атрибутов-символов, что способствует узнаваемости локуса;

4) аксиологическая функция, связанная с формированием локальных норм и ценностей;

5) интертекстуальная функция, заключающаяся в возникновении связей между литературными произведениями.

Методология исследования

В отечественном литературоведении сложилась обширная исследовательская практика, посвященная изучению локальных текстов. Значительный вклад в разработку теории данного вопроса внесли Ж. А. Баянбаева [Баянбаева 2016], Д. Н. Замятин [Замятин 2004; Замятин 2019], В. Л. Каганский [Каганский 2014], А. А. Кораблев [Кораблев 2019], В. В. Коркунов [Коркунов 2015], О. А. Лавренева [Лавренева 2004], Н. Е. Меднис [Меднис 2003], Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов [Потанина, Гололобов 2012], Е. К. Созина [Созина 2010], В. Г. Щукин [Щукин 2010], В. И. Юдина [Юдина 2013] и др.

В первую очередь исследователей интересовали «столичные» локальные тексты: «петербургский» (Ю. М. Лотман [Лотман 1992], В. Н. Топоров [Топоров 2003]) и «московский» (В. В. Калмыкова [Калмыкова 2012], М. Е. Селеменова [Селеменова 2015]), в то время как «провинциальным» локальным текстам уделялось значительно меньше внимания, хотя список их весьма обширен: «ивановский» (Н. А. Голубев [Голубев 2014]), «калининградский» (Л. М. Гаврилина [Гаврилина 2016]), «кимрский» (В. В. Коркунов [Коркунов 2015]), «крымский» (А. П. Люсый [Люсый 2003]), «муромский» (М. В. Ахметова [Ахметова 2009]), «новгородский» (И. С. Абрамовская [Абрамовская 2010]), «пермский» (В. В. Абашев [Абашев 2000]), «сибирский» (Д. Н. Замятин [Замятин 2004], В. И. Тюпа [Тюпа 2002]), «симбирский» (Л. А. Сапченко [Сапченко 2019]), «тверской» (А. Ю. Сорочан [Сорочан 2010]). Царицынский локальный текст рассматривался в работах волгоградских ученых: Е. С. Бирючевой [Бирючева 2012], А. Х. Гольденберга [Гольденберг, Бирючева 2014], Н. Е. Рябцевой и Н. Е. Тропкиной [Рябцева, Трокпина 2015]. Локальный «казачий» текст Волго-Донского края анализировал известный волгоградский лингвист В. И. Супрун [Супрун 2019].

Материалы исследования

Выбор в качестве материала исследования произведений волгоградских писателей Евгения Юрьевича Лукина (1950) и Сергея Николаевича Синякина (1953–2020) был продиктован целым рядом факторов. Во-первых, оба автора неоднократно становились

номинантами и лауреатами как государственных, так и жанровых премий¹, что свидетельствует о всероссийском признании их писательского таланта. Во-вторых, прожив долгое время в городе-герое на Волге, они не могли не отразить в своем творчестве присущие данному месту историко-культурные константы, являющиеся своеобразным «базисом» для создания локального текста. В-третьих, хотя и Е. Ю. Лукин, и С. Н. Синякин — авторы многих реалистических произведений, прежде всего, они известны как фантасты, поэтому рассмотрение приемов контаминации образов вымышленного и реального пространства в их прозе представляет особый интерес. Все вышесказанное, а также отсутствие литературоведческих трудов, посвященных анализу способов создания локального текста в творчестве данных писателей, и обусловило актуальность нашей статьи.

В рамках данной работы мы обратились к широкому ряду произведений, воплотивших географические образы Царицына-Сталинграда-Волгограда: «Баклужинскому циклу» [Лукин 2000; Лукин 2003; Лукин 2012а] и рассказу «День дурака» [Лукин 2012б] Е. Ю. Лукина, повестям С. Н. Синякина «Злая ласка звездной руки» [Синякин 2002а], «И поверг ангел серп» [Синякин 2005б], «Перекресток» [Синякин 2002б], «Феникс» [Синякин 2005в], «Точка в розыске» [Синякин 2021], а также к «повести в рассказах» «Сталинградские зернышки» [Синякин 2005а].

Проблема дифференциации царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов

Вопрос о том, следует ли различать царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты или же все они явля-

¹ Е. Ю. Лукин: «АБС-премия» (1999, 2005, 2009), премии «Бронзовая улитка» (1996, 1998–2000, 2008), «Великое кольцо» (1986, 1990–1992), «Еврокон» (1990, 2015), «Звездный мост» (2000, 2004, 2008), «Интерпресскон» (1997–2002, 2004, 2005, 2009, 2013, 2014, 2016–2018), «РосКон» (2001–2003, 2008–2017). С. Н. Синякин: премии «Интерпресскон» (2000), «Бронзовая улитка» (2000, 2002), «Странник» (2000), «АБС-премия» (2000), «Сигма-Ф» (2000), «Мраморный фавн» (1999), «Полдень» (2010).

ются разновидностью одного локального сверхтекста, носит дискуссионный характер. Несомненно, каждое из вышеназванных понятий обладает собственным историческим наполнением. Так, образ Царицына связан с основанием города как пограничной крепости, с походами Степана Разина, Булавинским и Пугачевским восстаниями и, конечно, Гражданской войной 1918–1922 гг. Поскольку в обороне Царицына важную роль сыграл И. В. Сталин, в 1925 г. город был переименован в Сталинград. Ключевым историческим событием, ассоциирующимся с этим названием, стала Сталинградская битва: «При употреблении онима Сталинград речь идет не столько о населенном пункте, пространстве для проживания людей, сколько о роли обозначаемого им географического объекта в Великой Отечественной войне и истории человечества» [Ильин 2013: 66–67]. В 1961 г. восстановленный город получает новое наименование — Волгоград: этот топоним, по мнению Д. Ю. Ильина, также унаследовал концептуальный оценочный смысл «герой» [Ильин 2013: 66–67].

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты имеют «общие закономерности функционирования, связанные с историко-культурным, климатическо-метеорологическим и ландшафтными факторами, пространственными и темпоральными отношениями» [Сапченко 2019: 170]. Это классические варианты регионального, «провинциального», текста, находящиеся в оппозиции тексту центральному, «столичному». Вместе с «нижегородским», «саратовским», «астраханским» они образуют волжский локальный текст, характеризующийся «прежде всего, духом вольности и удалства, а не апологией ритмичной трудовой деятельности. По всей вероятности, это самое адисциплинарное пространство России» [Люсый 2014: 230]. Центральным топосом всех «волжских» текстов является река Волга — образ, объединяющий в том числе царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты.

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты в прозе С. Н. Синякина

Характерным способом создания царицынского, сталинградского и волгоградского локальных текстов является использование оригинальных локусов, связанных с теми или иными реальными историческими местами, в первую очередь, с упоминанием «подземного города». Главным «царицынским» мифом является легенда о тайных разветвленных ходах, построенных мятежным настоятелем Свято-Духова монастыря Илиодором. По преданию они вели от обители в овраг, где протекала река Царица, а также в ряд других мест. О катакомбах Сталинграда, в частности о подземных коммуникациях под Комсомольским садом, упоминает С. Н. Синякин в своей повести «Точка розыска», эти же ходы использует для совершения убийства и герой его повести «Феникс»: «В прошлый раз он стрелял в Кувалду на улице Гоголя, днем и при большом стечении народа. Отступив в сквер перед площадью Павших Борцов, он нырнул в заранее открытый люк тепловой сети, задвинув за собой тяжелый чугунный диск, а еще через десять минут выбрался на поверхность в административном дворе драмтеатра и спокойно ушел из довольно быстро оцепленного района» [Синякин 2005в: 255].

Свой мифологический локус есть и у современного Волгограда — это подземный скоростной трамвай. Его парадоксальная сущность с иронией описывается С. Н. Синякиным в повести «Перекресток» (хотя автор и изменил название города): «В Царицыне функционировало невероятное чудо техники — скоростной трамвай или, как его здесь называли, метротрам. Выглядело это так, если бы в одну упряжку, невзирая на изречение классика, впрягли коня и трепетную лань. Часть своего пути трамвай совершал по подземным туннелям» [Синякин 2002б: 2]. Евгений Лукин также пародийно упоминает своеобразие данного вида транспорта, отражающее стремление местных обывателей к столичному размаху. В романе «Алая аура протопарторга», описывая противостояние провинциальных городов-полисов Лыцка и Баклужино, он отмечает: «Подземная линия трамвая имела только в Лыцке (на ме-

тро у Патриархии не хватило средств). Станции, правда, были самые настоящие, облицованные мрамором, с электронными табло, со скульптурами в нишах и даже с коротенькими эскалаторами в одиннадцать ступенек. Лыцк, как известно, стоял на семи холмах, и поэтому идущий по кольцевому маршруту трамвай то выскакивал на поверхность, то снова нырял под землю» [Лукин 2000: 108–109]. Это описание создает ощущение абсурдности попыток Лыцка и Баклужино преодолеть провинциальный статус за счет объявления себя «столицами» крошечных суверенных территорий и подчеркивает иллюзорность их претензий на славу «вечного города», стоящего на семи холмах — Четвертого Рима.

Для каждого локального текста характерны свои, хорошо узнаваемые, образы-символы. Так, для современного Волгограда — это Мамаев курган, Аллея Героев и Центральная набережная, вокзал и уже упоминавшийся выше метротрам. Рядом с Аллеей Героев находится Площадь Павших Борцов, в центре которой возвышается памятник-обелиск защитникам Царицына и горит вечный огонь. В повести «И поверг ангел серп» С. Н. Синякин замещает топонимы «Аллея Героев» и «Площадь Павших Борцов» новыми, на первый взгляд, синонимичными названиями — «площадь Жертв Революции» и «Аллея Храбрецов» [Синякин 2005б]. Первое наименование придает локальному мифу об обороне Царицына новую интерпретацию: если «павшие борцы» — это защитники города от белогвардейских войск, то «жертвы революции» — это люди, пострадавшие от действий обеих сторон. В повести «Перекресток» С. Н. Синякин и вовсе сравнивает памятник с фаллосом, что окончательно нивелирует пафосность образа. В то же время наименование «Аллея Храбрецов» не умаляет ценности оригинального локуса, посвященного памяти участников Великой Отечественной войны.

К ней у С. Н. Синякина особое отношение, неслучайно своим вершинным произведением писатель считал цикл рассказов «Сталинградские зернышки», в котором воссоздал как неизвестные страницы битвы на Волге, так и историю послевоенного города. Сталинградский локальный текст в представлении автора нераз-

рывно связан с такими ценностями, как патриотизм, самопожертвование и память о подвигах предков. Отличительной его чертой является контраст мирных и военных локусов: школа, завод, кинотеатр, танцплощадка противопоставляются окопу, землянке и концлагерю. Мирные образы проступают только в воспоминаниях о прошлом. Так, в рассказе «Тоска любви» мы наблюдаем, как «в городском саду, неподалеку от зоопарка играл оркестр», «из бильярдной доносились азартные возгласы», а «в кинотеатре „Север“ показывали кинофильм» [Синякин 2005а: 14]. Только во сне можно увидеть «довоенный город и еще живых ребят, с которыми бежали на Волгу удить юрких окуней и красноперок. <...> Поэтому <...> и не хотелось теперь выбираться из этого сна в мир, где мертвых было больше, чем живых» [Синякин 2005а: 82]. С приходом боевых действий атрибуты гражданской жизни не просто исчезают, а уничтожаются: символично, что в рассказе «Вертинский и ночь» бойцы слушают патефон «рядом с костром, в котором догорали обломки довоенной сталинградской жизни — детская кроватка, остатки шифоньера, два табурета, случайно уцелевшие на верхних этажах» [Синякин 2005а: 57].

Однако самая страшная трансформация происходит с главным топосом Сталинграда — Волгой. Если в рассказе «Первые бомбежки» поверхность воды лишь полыхает огнем, то в рассказах «Иосиф Сталин» и «Уловы сорок второго» Волга окончательно превращается в реку смерти — своеобразную братскую могилу для пассажиров катеров, курсирующих между ее берегами. Вниз по реке плывут тела, «их было много и почти все гражданские, даже дети...» [Синякин 2005а: 62]. Поэтому так резко воспринимается контраст между Волгой «сталинградской» и «волгоградской», когда герой повести «Перекресток» спускается по широкой лестнице к набережной и обращает внимание на то, что «волжская вода не казалась синей и прозрачной, на ее поверхности радужно расплывались нефтяные пятна, и вниз по течению плыли окурки» [Синякин 2002б: 1]. Упоминает С. Н. Синякин и расхожий миф о «городе, построенном на костях»: «Говорят, что и гостиница „Турист“ над Волгой стоит на костях — когда-то на ее месте был овраг и туда после боев свозили трупы и

кости со всего города. Если это правда, то я понимаю теперь, как страшен мой город в чреве своем» [Синякин 2005а: 131].

Отметим, что С. Н. Синякину не нравится само название «Волгоград»: неслучайно он заменяет его на «Царицын» и в повести «Перекресток», и в романе «Бузулуцкие игры»². К такому же приему прибегает и Евгений Лукин в рассказе «Прометей прикопанный». Однако, несмотря на изменение имени города, эти произведения по-прежнему относятся к волгоградскому локальному тексту.

Если Сталинград, как город-герой, не может быть объектом критики и злословия, то пространство Волгограда сатирически изображается обоими авторами. Например, Е. Ю. Лукин в рассказе «День дурака» с нескрываемой иронией излагает историю неудачной борьбы Волгоградского отделения Союза писателей за помещения в Доме литератора: «Когда-то владевшие нераздельно первым этажом, а ныне ютящиеся в двух кабинетах, писатели держались за пресловутый бар, как белые за Перекоп. Сдача его буржуинам означала бы гибель культуры в целом» [Лукин 2012б: 237]. Гротескность образа Дома литераторов, в котором творческая элита вынужденно соседствует с бизнесменами, подчеркивает традиционный конфликт высокого и низкого в современном городском пространстве.

В фантастических произведениях Е. Ю. Лукина и С. Н. Синякина знакомые волгоградские локусы преобразуются, создавая хронотоп мира, где действуют иные, сверхъестественные законы. Писатели создают метагеографию вымышленных пространств «с активно разрабатываемой символикой, которая во многом может заимствовать характерные черты и знаки реальных городов и их географических образов» [Замятин 2019: 306].

В фантастическом детективе «Феникс» С. Н. Синякин, воссоздавая маршрут генерал-лейтенанта милиции, за которым охотится убийца, упоминает реально существующие объекты: кинотеатр «Победа», кафе «Огонек», малолюдную зеленую улицу Ленина, здание драмтеатра, ресторан «Волгоград». Несомненно, реалисти-

² В конце почти всех своих произведений С. Н. Синякин указывал в качестве места их создания «г. Царицын».

ческая пространственная картина позволяет читателям еще глубже погрузиться в мир произведения, убедившись в достоверности описываемых писателем событий.

Царицынский, сталинградский и волгоградский локальные тексты в «Баклужинском цикле» Е. Ю. Лукина

Интересную контаминацию реального и ирреального локусов можно наблюдать в «Баклужинском цикле» Е. Ю. Лукина. В центре внимания автора находится вымышленное пространство осколка Российской Федерации — бывшей Суловской области, которая в свою очередь распалась на отдельные города-государства. Поскольку «в локальных текстах значимо не только выраженное в нем инобытие, но и отраженное бытие, послужившее художнику материалом и моделью для художественного воплощения» [Кораблев 2019: 26], за основу природных и антропогенных географических образов фантаст берет хорошо знакомые ему и жителям города волгоградские пейзажи, прекрасно подходящие для постмодернистской игры.

Характеризуя Баклужино, Лыцк и другие населенные пункты бывшей Суловской области, Е. Ю. Лукин отдает предпочтение архетипичным локусам, символизирующим привычный глазу вариант волжской провинции: набережную, городской парк, краеведческий музей и т. п. Эти образы призваны подчеркнуть провинциальность вымышленных городов, которые «есть воплощение срединности во многих разных отношениях» [Каганский 2014: 113].

Главным локусом, маркирующим принадлежность города к волжскому локальному тексту, является набережная. В облике суловской набережной можно увидеть аллюзию на знаменитую волгоградскую набережную с центральной лестницей, пропилениями и фонтаном «Искусство»: «С верхней площадки лестницы, откуда четыремя каскадами ступеней Центральная набережная ниспадала в Сусла-реку, разлив был особенно красив. Но милостивая нудипедалка с белой ушастой розой в руке стояла спиной к вешним водам и, глядя на парящее над фонтаном изваяние, терпеливо ждала, когда схлынет толпа иностранных туристов, окру-

живших скульптуру» [Лукин 2003: 331]. Неустроенность же антиутопического пространства в Суслово подчеркивают городские долгострои: мост и гостиница, «имевшая привычку при малейшем ветерке возвещать о своем существовании листовым железом» [Лукин 2003: 335]. В этих образах легко угадываются возводившиеся в течение нескольких десятилетий Танцующий мост³ и многоэтажное здание на Предмостной площади, в итоге переделанное в жилой дом. Часть локусов в фантастической прозе меняет свой функционал: например, трехэтажное розовое здание музыкальной школы, прототипом которой является Детская музыкальная школа № 14 г. Волгограда, в Баклужино становится консерваторией. Повышение статуса заведения при сохранении его прежних размеров свидетельствует о несоответствии содержания форме и еще раз подчеркивает необоснованность претензий маленького провинциального города на глобализм.

Некоторые фантастические образы содержат аллюзию сразу на несколько локусов-прототипов, наделенных подчас противоположными функциями. Так, в повести «Лечиться будем» глава государства, по совместительству врач-психиатр, заявляет: «В Желтый Дом!», — чем вызывает у героя недоумение: «Вот и гадай теперь! Здание Правительства в Сызново тоже ведь желтого цвета...» [Лукин 2012а: 68]. Действительно, «желтый дом» — это парафраз, традиционно связанный с упоминанием психиатрических лечебниц и одновременно являющийся отсылкой к наименованиям многих волгоградских госучреждений: областной Думы, Городской администрации или Главного управления МВД по Волгоградской области. Данная двусмысленность подчеркивает антиутопичность города Сызнова, в котором норма и отклонение поменялись местами. Однако некоторые аллюзии на реальное волгоградское пространство не всегда могут быть поняты без соответствующего комментария. Так, например, когда американский десантный вертолетоносец «Тарава», известный достаточно глу-

³ По собственному признанию Е. Ю. Лукина, еще одним прототипом был мост через Днестр в г. Тирасполе (Приднестровье), где фантаст бывал в начале 90-х гг. XX в.

бокой осадкой, на пути к Лыцку заходит в «Щучий проран», комичность ситуации может оценить только коренной волгоградец, знающий, что из-за мелководья данного узкого протока Волги это физически невозможно, а значит — фантастично!

Заключение

Несмотря на то, что царицынский, сталинградский и волгоградский тексты повествуют о едином географическом пространстве, их локусы ассоциируются с тем или иным периодом в жизни этого места. Царицын — это мифический, полупоупендарный провинциальный город с размеренным течением жизни; Сталинград — символ подвига и боли, центральным образом которого выступает Мамаев курган; Волгоград — современный город, с одной стороны, сохраняющий традиции героического прошлого, а с другой — наполненный стереотипными бытовыми проблемами: от «квартирного вопроса» до экологии. Данный контраст и обуславливает ироничное, а местами даже саркастичное, отношение писателей к волгоградскому пространству.

В ряде фантастических текстов Е. Ю. Лукина и С. Н. Синякина вымышленные локусы полностью совпадают с реально существующими объектами, что создает ощущение гиперреалистичности хронотопа художественного произведения. Однако чаще всего пространственные образы претерпевают определенные трансформации, целью которых является постмодернистская игра с читателем, обусловленная авторскими интенциями.

Источники

- Лукин 2000 — *Лукин Е.* Алая аура протопарторга. М.: АСТ, 2000. 400 с.
- Лукин 2003 — *Лукин Е.* Чуть собачья [электронный ресурс] // URL: <https://www.litres.ru/evgeniy-lukin/chush-sobachya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.10.2022).
- Лукин 2012а — *Лукин Е.* Лечиться будем // *Лукин Е.* Бытие наше дырчатое: сборник. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 7–133.
- Лукин 2012б — *Лукин Е.* День дурака // *Лукин Е.* Бытие наше дырчатое: сборник. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. С. 237–254.

- Синякин 2002а — *Синякин С. Н.* Злая ласка звездной руки // Синякин С. Н. Злая ласка звездной руки: сборник повестей. М.: АСТ, 2002. С. 137–297.
- Синякин 2002б — *Синякин С. Н.* Перекресток [электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/read/sinyakin_serгей/perekrestok.html#0 (дата обращения: 05.10.2022).
- Синякин 2005а — *Синякин С. Н.* Сталинградские зернышки: рассказы. Волгоград: Издатель, 2005. 160 с.
- Синякин 2005б — *Синякин С. Н.* И поверг ангел серп // *Синякин С. Н.* Обратная сторона добра: повести. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. С. 5–142.
- Синякин 2005в — *Синякин С. Н.* Феникс // *Синякин С. Н.* Обратная сторона добра: повести. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. С. 205–280.
- Синякин 2021 — *Синякин С. Н.* Точка в розыске // *Синякин С. Н.* Горькая соль войны: повести, очерки. М.: Вече, 2021. С. 182–249.

Литература

- Абашев 2000 — *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Пермский ун-т, 2000. 404 с.
- Абрамовская 2010 — *Абрамовская И. С.* Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста) // Записки филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород. Вып. 8. Великий Новгород: Визонт, 2010. С. 218–225.
- Ахметова 2009 — *Ахметова М. В.* «Русскость» как топос «локального текста»: случай Муромы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2009. № 9. С. 207–215.
- Баянбаева 2016 — *Баянбаева Ж. А.* Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.
- Бирючева 2012 — *Бирючева Е. С.* Творчество И. Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.
- Гаврилина 2016 — *Гаврилина Л. М.* Диалог культур в пространстве калининградского локального текста // Диалог культур: поэтика локального текста: мат-лы V междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.) / под. ред. П. В. Алексеева : в 2-х тт. Т. 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2016. С. 45–54.

- Голубев 2014 — *Голубев Н. А.* Формирование локального текста (ивановский опыт): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 26 с.
- Гольденберг, Бирючева 2014 — *Гольденберг А. Х., Бирючева Е. С.* Жизнь и литературная судьба И. Д. Сазанова. Волгоград: Перемена, 2014. 161 с.
- Замятин 2004 — *Замятин Д. Н.* Социокультурное развитие Сибири и его образно-географические контексты // Проблемы сибирской ментальности. СПб.: Астерион, 2004. С. 45–60.
- Замятин 2019 — *Замятин Д. Н.* Пространство, город и текст: коммуникативные стратегии постурбанизма // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 304–310.
- Ильин 2013 — *Ильин Д. Ю.* Динамические процессы в региональном топонимиконе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 63–69.
- Каганский 2014 — *Каганский В. Л.* Краеведение – самосознание провинции и ее локальный текст // Диалог культур: поэтика локального текста: мат-лы IV Междунар. науч. конф. / под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. С. 110–114.
- Калмыкова 2012 — *Калмыкова В. В.* Московский локальный текст в проищведениях немосквичей // В зеркале путешествий: Мат-лы междунар. науч. конф. «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. М.: Русский импульс, 2012. С. 134–142.
- Кораблев 2019 — *Кораблев А. А.* Онтология и аспектология локальных текстов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 20–27.
- Коркунов 2015 — *Коркунов В. В.* Кимрский локальный текст в русской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 22 с.
- Лавренева 2004 — *Лавренева О. А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 413–426.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Радуга. 1991. № 5. С. 29–44.
- Люсый 2003 — *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
- Люсый 2014 — *Люсый А. П.* География текстуальной революции: междисциплинарные исследования локальных текстов культуры // Человек: образ и сущность. 2014. № 1 (25). С. 214–236.

- Меднис 2003 — *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
- Потанина, Гололобов 2012 — *Потанина Н. Л., Гололобов М. А.* Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.
- Прокофьева 2005 — *Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского университета. 2005. № 11. С. 87–94.
- Рябцева, Тропкина 2015 — *Рябцева Н. Е., Тропкина Н. Е.* Царицынский текст в творчестве русских поэтов первой трети XX века // Язык и культура юга России: аспекты толерантного взаимодействия: сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Перемена, 2015. С. 121–129.
- Сапченко 2019 — *Сапченко Л. А.* Симбирский текст русской культуры // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 169–175.
- Селеменова 2015 — *Селеменова М. В.* Образ Москвы в русской литературе начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 93–103.
- Созина 2010 — *Созина Е. К.* Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 288–290.
- Сорочан 2010 — *Сорочан А. Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. 171 с.
- Супрун 2019 — *Супрун В. И.* Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. С. 193–204.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
- Тюпа 2002 — *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Щукин 2010 — *Щукин В. Г.* Локальный текст // Гуманитарная география. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 290–293.
- Юдина 2013 — *Юдина В. И.* Региональный текст в контексте художественной корреляции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 91–99.

Особенности пространственно-временной организации в повести В. С. Токаревой «Одна из многих»

Дарья Сергеевна Пога¹

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация) аспирант

 0000-0003-1713-6062. E-mail: dpoga@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Пога Д. С., 2022

Аннотация. *Цель статьи* — исследовать специфические черты хронотопа в повести представительницы «женской» прозы В. С. Токаревой «Одна из многих», позволяющие выявить позицию автора, доказывающего необходимость бытования высших духовно-нравственных ценностей в обществе нового тысячелетия, возлагающего надежды на молодое поколение, целеустремленное и талантливое. *Результаты.* Особенности пространственно-временной организации произведения неразрывно связаны с раскрытием индивидуальных черт главной героини из провинции, чья жизнь находится под пристальным вниманием современной писательницы. В. С. Токарева усваивает опыт литературных предшественников: А. П. Чехова, В. В. Вересаева и Э. Хемингуэя, обращаясь к традиционным образам и сюжетам и трансформируя их с учетом веяний новой эпохи, при этом пространственные ориентиры и образы времени составляют неотъемлемую часть художественного мира и философской концепции представительницы «женской» прозы» и выходят в ее творчестве на новый идейно-смысловой уровень.

Ключевые слова: автор, персонаж, заглавие, пространственные ориентиры, образы времени, «женская» проза

Для цитирования: Пога Д. С. Особенности пространственно-временной организации в повести В. С. Токаревой «Одна из многих» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 110–129. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-110-129

One of the Many by Viktoriya Tokareva: Analyzing Characteristics of the Chronotope

Daria S. Poga¹

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)

 0000-0003-1713-6062. E-mail: dpoga@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Poga D. S., 2022

Annotation. *Goals.* The article aims to examine some specific features of the chronotope in *One of the Many* by V. Tokareva — a vivid representative of the women’s prose — for the author’s viewpoint confirming that the new millennium’s society must retain supreme moral values, and placing hopes on the young generation characterized as purposeful and talented. *Results.* Features of the spatial-and-temporal structure are inextricably linked with the exposition of individual features inherent to the main character — a village girl who is taking her first faltering steps under close attention of a contemporary female writer. V. Tokareva learns experiences of her literary predecessors — A. Chekhov, V. Veresaev, and E. Hemingway — and addresses traditional images and plots to transform them with due regard of the new era’s trends, while the spatial landmarks and images of time are integral to the artistic world and philosophical agenda characterizing the contemporary representative of women’s prose — only to reach further ideological and semantic levels in her work.

Keywords: author, character, title, spatial landmarks, images of time, women’s prose

For citation: Poga D. S. *One of the Many* by Viktoriya Tokareva: Analyzing Characteristics of the Chronotope. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 110–129. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-110-129

Введение

Вопросы пространственно-временной организации литературного произведения всегда находятся в центре внимания многих филологов, поскольку хромотопические координаты служат для передачи психологического состояния героев, представляют со-

бой культурный фон, отражают реалии эпохи, способствуют выявлению авторской позиции.

М. М. Бахтин, предложивший понятие «хронотоп», под которым он понимает формально-содержательную категорию литературы, говорит о взаимосвязи пространственных ориентиров и образов времени, позволяющих углубиться в индивидуально-стилевые особенности авторов или отдельного корпуса произведений, увидеть типические черты определенных литературных жанров, периодов и течений. Хронотоп охватывает все стороны текста: в первую очередь влияет на жанровую специфику текста, композиционную структуру, играет ключевую роль в раскрытии образной системы произведения, эстетических взглядов писателя и его мировидения. Исследовали категорию хронотопа такие выдающиеся ученые, как В. Н. Топоров [Топоров 1983], Ю. М. Лотман [Лотман 1988], Д. С. Лихачев [Лихачев 1968], Ю. Н. Караулов [Караулов 1970]. В литературоведческих работах подробно анализируются пространственно-временные особенности в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова. Произведения же современных авторов открыты для исследователей и представляют особый интерес, поэтому в данной работе мы обратимся к повести «Одна из многих» В. С. Токаревой, наследующей литературные традиции в изображении хронотопа и трансформирующей уже известные образы и сюжеты с учетом веяний новой эпохи.

Повесть В. С. Токаревой «Одна из многих»

Виктория Токарева — современная писательница, хорошо известная многим поколениям читателей: представляя литературное течение русской «женской» прозы, она «гендерно» не ограничивает проблематику своих произведений, на протяжении всего творческого пути постоянно обращаясь к непреходящим духовно-нравственным ценностям: жизнь, любовь, правда, милосердие. Так, и в повести нового тысячелетия — «Одна из многих» (2007) — она, сосредоточивая внимание на образе своей Анжелы, провинциальной девушки, родом из «казачьей станицы», «любившей петь»

[Токарева 2008: 3], затрагивает общественно значимые вопросы всей современной шоу-индустрии с ее «диктатурой» денег, препятствующей стремлению талантливой молодежи «пробиться» к аудитории.

В самом начале произведения читатели узнают о том, что взрослеющей героине хочется «стать звездой. Петь на сцене. Как Кристина Орбакайте» [Токарева 2008: 5], вот почему ей становится тесно в родном селе Мартыновка. Ориентация В. С. Токаревой на реалистические литературные традиции проявляется в «привязанности» сюжета повести к действительности: на карте легко можно обнаружить это географическое название, ведь в повести упоминается Ейск — «ближайший от Мартыновки городок» [Токарева 2008: 4], основанный в 1848 г. по указу Николая I, а с 2007 г. являющийся административным центром Ейского района Краснодарского края.

Стоит отметить, что специфика географических названий в художественном произведении заключается прежде всего в том, что «имя, формируемое под влиянием социальных и исторических факторов развития общества, должно одновременно определять и называть объект. Таким образом, топоним как бы осуществляет связь «человек – объект» [Сизова 2004: 18]. Использование географического «кода» позволяет писательнице придать достоверность изображаемым событиям, а также продемонстрировать на примере оппозиций «верх – низ» стремление Анжелы из «низа» — Мартыновки, которую «перерос» талант девушки, — на «верх» — в Москву, дающую, по ее представлениям, шансы реализоваться юным дарованиям. В связи с этим представляется справедливым утверждение Ю. М. Лотмана, определяющего именно категорию пространства как одно из ведущих средств «осмысления действительности» [Лотман 1988: 186], как важный компонент художественного мира, «населенного» литературными персонажами.

В. С. Токарева не ограничивается «географическим» указанием места действия, она воссоздает и «райский» пейзаж курортного побережья: «небо с землей целуются на горизонте», «изумрудная трава», «коровы — добрые, простодушные и красивые, как дети»

и даже рассекающие воздух «осы — тоже божьи твари, у них своя трудовая жизнь, свое предназначение» [Токарева 2008: 7]. Подобные картины вполне можно назвать «идеальным» пейзажем, «полностью гармонирующим с природой человека» [Эпштейн 1990: 132]. Важно, что в анализируемой повести зарисовки картин природы представлены несобственно-прямой речью, так что они, «с одной стороны, связанные с героями, с другой, — носят „обобщенный характер“» [Ковтунова 1993: 402], выступая формой «присутствия автора», по определению Е. Н. Себиной [Себина 2004: 214]: «Три летних месяца солнце палило, как в Африке. Фрукты зрели. Коровы размножались. Вода — безо всяких вредных примесей, живая и вкусная. При этом прозрачная и холодная. Рай. Эдем» [Токарева 2008: 6]. Это замечание, свидетельствующее о близости автора к героине повести, подкрепляется многочисленными интервью В. С. Токаревой, преклоняющейся перед божественным замыслом творца и его главным детищем — природой: «А потом наступает момент, когда все ненужное „отшелушивается“ и ты понимаешь, какой молодец Создатель, что создал вот такое небо, вот такие деревья и тебя» [Токарева 2020].

Однако в повести «Одна из многих» обитатели «рая» в Мартыновке 1990-х гг. не замечают красоты природы: у родителей героини, «склонных к тоске и тревоге» [Токарева 2008: 5], — едва ли не средневековый быт (они — словно «в пятнадцатом веке, вернее, в первые пятнадцать веков» [там же]) да глаза, «стеклянные от водки» [Токарева 2008: 6]. По мнению В. С. Токаревой, это последствия непродуманной, поспешной «перестройки» в нашей стране, в результате которой предприятия, где «раньше трудились мартыновские мужчины, развалились», и вчерашние «трудяги», лишённые жизненных перспектив, предпочли «жрать водку <...> и ничего не делать и ни за что не отвечать» [Токарева 2008: 7].

Анжела не хочет повторения судьбы своих родителей, она не имеет на это права, поскольку понимает, что талантлива, что природа наградила ее богатыми вокальными способностями, которые нельзя «зарывать в песок» даже «райских» мест у моря: «Надо расти, куда-то двигаться...» [Токарева 2008: 8]. Но и в большом

городе ее встречает немало разочарований: она впервые понимает, что такое шоу-бизнес: «бизнес — значит, бабло, в смысле деньги» [Токарева 2008: 16]. Героиня повести «Одна из многих» живет в обществе, «где нередко материальные ценности отодвигают в личности на последний план творческое, созидательное начало, на первый выступает культ силы, не признающий „табели о рангах“, и культ денег, особенно опасный для молодых сердец» [Перевалова 2018: 182].

Начинающим певцам предстоит либо найти спонсора, согласного оплачивать «раскрутку» восходящей звезды (иначе: «А кто узнает про ее талант? Будет петь в кругу семьи. Чтобы выбиться, нужен спонсор» [Токарева 2008: 13]), либо согласиться на грабительские условия продюсеров, наживающихся на безвыходности положения молодых эстрадных исполнителей: «Первые пять лет мы будем работать по схеме: 75 процентов мои, 25 — твои. А потом наоборот: 25 — мои, а 75 — твои» [Токарева 2008: 32]. Неслучайно в статье «Шоу-бизнес застыл» музыкальный критик Вадим Пономарев характеризует состояние музыкальной индустрии две тысячи седьмого года как «тотальный формат» [Пономарев 2008], диктующий кабальные «правила игры» для всех исполнителей без исключения, поскольку «тренд един» [Пономарев 2008]. Тому же, кто обладает талантом и не желает подстраиваться под шаблоны, путь к славе заказан.

Именно в таких суровых реалиях оказывается главная героиня В. С. Токаревой Анжела, с толкования имени которой начинается повесть: «Имя Анжела — производное от ангела. Она и вправду была похожа на ангела...» [Токарева 2008: 3]. В словаре имен Н. А. Петровского имя Анжела является производным от «Анжелика» [Петровский 1966: 50]. Выбор имени для девочки, родившейся в «перестроечные» годы (это нетрудно вычислить, если принять во внимание тот факт, что в 2007 г. ей было чуть больше двадцати лет), не представляется удивительным. Ее мать Наташка, работавшая учительницей в селе, в пору своей молодости вполне могла быть поклонницей вышедшего в 1964 г. романтического фильма «Анжелика — маркиза ангелов» режиссера Б. Бордери,

экранизовавшего первую книгу из серии романов об Анжелике писателей Анн и Сержа Голон, и назвать ребенка в честь знатной дочери барона. Тем более что подчеркивается и портретное сходство между актрисой Мишель Мерсье, перевоплотившейся во француженку, покоровшую сердце короля, и «беленькой, голубоглазой» [Токарева 2008: 3] девушкой из Мартыновки. Однако В. С. Токарева, которая в 1960-е гг. обучалась на сценарном факультете ВГИКа и, несомненно, была осведомлена об успехе «Анжелики — маркизы ангелов», намеренно «отводит» читателя от параллели с этим кинопродуктом «массовой» культуры, подчеркивая «ангельское» происхождение своей героини. Видимо, это связано с интересом современных писателей к «духовным темам» в непростое время «социальной и нравственной нестабильности» [Сосновская 2011: 317], когда мастера слова ищут опору и поддержку в «проявлениях Божественного начала, того, что спасало человечество и, ежели будет на то Господня воля, спасет и сейчас» [Сосновская 2011: 317]. Соответственно, авторский выбор формы имени, обусловленный обращением к Библии, позволяет судить о нарастании христианских мотивов в творчестве представительницы «женской прозы». Токарева подчеркивает важность религиозной составляющей со своим вневременным характером в сознании человека, обретающего в Боге и следовании заповедям прочную основу духовного бытия, вот и названия произведений зрелой писательницы говорят сами за себя: «Ни сыну, ни жене, ни брату» (1993), «Не сотвори» (1995), «Ангел-хранитель» (2014). Что касается анализируемой повести «Одна из многих», то уместным представляется обращение к «Библейской Энциклопедии» Ф. А. Брокгауза, где под ангелами понимаются те, которые «обозначают небесных посланников Бога» [Библейская энциклопедия Брокгауза 1999: 125].

Важно, что село Мартыновка находится рядом с Таганрогом, навсегда укорененным в представлении читателя с именем А. П. Чехова — любимого автора В. С. Токаревой и ее творческого учителя. Писательница часто вспоминает эпизод из своего детства, когда, услышав «Скрипку Ротшильда» в материнском прочтении,

испытала потрясение: «Я помню что-то внутри меня произошло, включилось, видимо, я тогда поняла, что кроме обычных слов на свете существует магия литературы» [Токарева 2004]. Подобное «магическое» влияние испытывает и героиня повести «Одна из многих»: как-то раз, обнаружив интересную книжку без первой страницы, «задумалась и долго не понимала: как это другой человек смог ухватить ее мысли?» [Токарева 2008: 21]. Анжела решает найти «адрес писателя, прийти к нему домой и вымыть окна» [Токарева 2008: 22], выразив таким способом благодарность за испытанные эмоции, ведь ей кажется, что написано «про нее, но очень тактично. Без хамства и высокомерия» [Токарева 2008: 22]. Однако выясняется, что этот писатель умер в 1904 г., чего далекая от литературного мира юная героиня не знала. В. С. Токарева же намеренно не раскрывает интригу, предполагая, что ее читатели все-таки обнаружат А. П. Чехова в «тактичном», «магическом» авторе, чье имя, должно быть, значилось на первой странице заинтересовавшей Анжелу книжке «про нее». Вполне вероятно, героиня узнала себя в знаменитых «Трех сестрах» (1900), где талантливые Ольга, Маша и Ирина Прозоровы не могут найти себе достойного занятия в небольшом городке, где люди только «едят, пьют, спят и, чтобы не оступеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством» [Чехов 1983: 7]. Единственный выход вырваться из обывательского мира — уехать «в Москву!» [Чехов 1983: 19], представляющую собой «символ лучезарного идеала, к которому в тоске направляются думы страдающих» [Игнатов 1901: 6]. «Я уеду в Москву» [Токарева 2008: 6], — вторит чеховским сестрам токаревская Анжела из Мартыновки, ведь, «когда нет дела, жить становится нечем» [там же], а ей так хочется стать известной в «нарядной и праздничной» [Токарева 2008: 11] столице, занять свое место под «эстрадным» солнцем.

Заслуживает внимание то, что героиня В. С. Токаревой следует «обратным курсом» в сравнении с Верой Кардиной из рассказа А. П. Чехова «В родном углу» (1897), которая недавно «кончила в институте, выучилась говорить на трех языках, много читала, путешествовала с отцом» [Чехов 1977: 313]. Но ей не хватало степ-

ного «простора и свободы» [Чехов 1977: 320], знакомых с детства, поэтому, оставшись сиротой («мать умерла уже давно, отец, инженер, умер три месяца назад в Казани, проездом из Сибири» [Чехов 1977: 313]), девушка решает поселиться в провинции, в родовой усадьбе, в «родном углу», тесно связанном с воспоминаниями о счастливых годах. Вот здесь степь представляет собой символическое пространство перехода, самоопределения, «жизненной реализации человека» [Разумова 2001: 68], которая, как ни досадно автору и читателям, сводится к унылому времяпрепровождению чеховской героини: «танцы, фанты, ужины» [Чехов 1977: 317], где некогда «отдохнуть от разговоров и табачного дыма» [там же]. Поначалу Вера ропщет на судьбу, предложившую ей жить рядом с близкими людьми, но «в глухой степной усадьбе и изо дня в день, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад и потом сидеть дома и слушать, как дышит дедушка» [Чехов 1977: 316]. Как отмечает И. Н. Сухих, «чужой, „чуждый“ мир часто оказывается у Чехова не где-то далеко, а совсем рядом, в соседней точке пространства» [Сухих 1987: 142], в анализируемом же рассказе герои соприкасаются в одной пространственной точке, в этом унылом «родном углу», где Кардина первое время с ужасом наблюдает за нравами и бытом домочадцев, как оказалось, не близких, а бесконечно далеких от нее.

Однако постепенно она смиряется со своей участью и даже принимает предложение безликого доктора Нецапова выйти за него замуж (это партия, которую давно пророчит девушке ее тетя). Довольно быстро отказавшись от мечты подвижницы — дыша свободой, «служить народу, облегчать муки, просвещать» [Чехов 1977: 319], Вера становится в ряд чеховских героинь «своего времени» — времени прощания с народническими идеалами, являя собой «вид противоречия эпохи» [Стенина 2005: 16]. В этот период, обозначенный историками как «глухое безвременье 80-х» [Лебедев 2010: 156] и 90-х гг. XIX в. происходит кризис народнических взглядов и либеральных теорий, превращение их «в схемы и догмы, лишённые окрыляющего внутреннего содержания» [Лебедев 2010: 158]. А. П. Чехов с грустной иронией и долей скепти-

цизма отзывается об этой поре: «Похоже, что все были влюблены, разлюбили и теперь ищут новых увлечений» [Чехов 1977: 283]. Будучи человеком, не признававшим «ярлыки», классик отвергает шаблоны и рамки мышления, «как бы боясь потерять свободу личности, утратить точность и искренность чувства и мысли» [Лебедев 2010: 159]. Но его Вере Кардиной не удастся отстоять свою независимость и встать на верный путь. Душевный разлад героини рассказа органически соотносится с широтой пространства, с одной стороны, являющегося у А. П. Чехова одним из условий внутренней свободы человека (ведь вначале для главной героини степь олицетворяет безграничность стремлений), с другой же стороны, вселяющего ощущение угнетенности, «загнанности в угол». Царственный мир степи «порождает чувство заброшенности и одиночества» [Разумова 2001: 458], поэтому Вера начинает воспринимать себя ничтожно маленькой, потерянной, бесполезной. Заглушая в себе эти безрадостные представления, она, расставшись с былыми надеждами, решает «слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, как вечность» [Чехов 1977: 323], и постепенно вживается в «болото» провинциальной жизни, привыкает «делать все, что делают другие женщины ее круга» [Чехов 1977: 322] и даже перенимает привычки и манеры поведения своих родственников, совсем недавно раздражающие ее. Интеллигентная, образованная, «умная, красивая, молодая» [Чехов 1977: 313], героиня в конце произведения говорит раздраженно, «не своим голосом» [Чехов 1977: 322], временами даже иступленно кричит на прислугу так, как кричали ее предки и сородичи по «родному углу»: «Гоните ее вон, она меня замучила! <...> Розог! Бейте ее!» [Чехов 1977: 322].

«Детальному анализу характерных духовных коллизий эпохи» [Акимова 2019: 412] посвящает свою повесть «Без дороги» (1895) В. В. Вересаев, современник А. П. Чехова, по образованию — тоже врач, понимающий хрупкость человеческой природы. Прозаик-реалист В. В. Вересаев выдвигает в центр своего произведения Дмитрия Чеканова, молодого доктора, от лица которого ведется рассказ. Увлеченный в студенчестве народническими идеями, он

«сознательно отказался от довольной и обеспеченной жизни» [Вересаев 2022: 15], предпочтя тяжелую работу в земстве, сопряженную не только с непосредственной профессиональной деятельностью, но и с ежедневной борьбой против невежества мужиков, видящих в докторе не спасителя от смертоносного заболевания, а врага: «Завелись, говорят, доктора у нас, так и холера пошла» [Вересаев 2022: 23]. Они испытывают «глубокое, слепое недоверие» [Вересаев 2022: 21] к тем, кто пытается остановить вспышку эпидемии холеры, однако даже случаи выздоровления больных не могут убедить их в пользе работы врачей. Распалая себя распространением нелепых слухов (якобы Чеканов «сыпал какой-то порошок» [Вересаев 2022: 24] в колодезь, а в барак, где содержались пациенты, врачи привезли «целый обоз гробов и крьючев» [там же]), жители «грозного Заречья» [Вересаев 2022: 34] со всей яростью обрушивают «сжатые кулаки» [Вересаев 2022: 51] на доктора. Главный герой умирает в больнице, но, не озлобившись, а собрав последние силы, дает наставление двоюродной сестре Наташе: «Говорю ей, чтоб она любила людей, любила народ; что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много» [Вересаев 2022: 53].

Образ этой девушки, которая «лишь нащупывает иные пути из тупика бездорожья» [Акимова 2019: 412] по сравнению с теми, что приводят чеховскую Веру Кардину к «омещаниванию» и полному отказу от идеалов молодости, намеченный В. В. Вересаевым в повести «Без дороги», со всей полнотой раскрывается в своеобразном продолжении этого произведения — в рассказе «Поветрие» (1897). Здесь именно Наташа, которая в повести «Без дороги» представлена как «девушка-сорвиголова, с бродившими в душе смутными, широкими запросами, вся — порыв, вся — беспокойное искание» [Вересаев 2022: 55], по прошествии четырех лет, обретя спокойствие и мудрость, уверившись в ложности народнических идеалов, становится убежденной сторонницей марксистской идеологии. Героиня, прежде не отстававшая от Чеканова с «вечным» вопросом: «Что мне делать?» [Вересаев 2022: 17], — в «Поветрии» осознает необходимость кардинального изменения системы общественного

устройства, тех условий, которые не дают полноценно развиваться личности и всему российскому обществу: «В окружающей жизни <...> выдвигаются совершенно новые задачи» [Вересаев 2022: 61]. Наташа «переросла» идеи народничества о «пользе малых дел», что привели к гибели Чеканова в повести «Без дороги», она, становясь на марксистские позиции, «нашла дорогу и верит в жизнь» [Вересаев 2022: 58]. Вместе с ней и В. В. Вересаев «к концу 90-х годов приходит к выводу, что будущее — за пролетариатом, марксизм — единственно верное учение» [Фохт-Бабушкин 1986: 7].

Таким образом, русская литература «переломных» времен, для которой свойственно отражение «глубинных идеологических процессов» [Акимова 2019: 412], не обходит стороной вопрос о роли женщин активного возраста в социально значимых процессах. При этом писатели не единодушны во мнениях: А. П. Чехов относится к любого рода увлеченности заемными «идеями» скептически, поэтому героиня его рассказа «В родном углу» не без внутреннего сопротивления, но все-таки «врастает» в «болото» равнодушия и социальной апатии, а Вересаев «вооружает» свою Наташу более радикальными воззрениями — «ломать» всю систему несправедливого государственного устройства изнутри. В отличие и от чеховской мечтательницы, решившей, что «счастье и правда существуют где-то вне жизни» [Чехов 1977: 323], и от Наташи из рассказа Вересаева «Поветрие», вместе со своими единомышленниками грезившей о «всеобщем преобразовании общества» на обломках «старого мира», литературная героиня начала XXI-го в., Анжела из повести В. С. Токаревой «Одна из многих», не склонна брать на веру заемные «спасительные» идеи: она надеется только на себя. Анжела не «затеряется» в азовской степи, не «завязнет» в болоте провинциальной жизни, ее не влекут и революционные «чертежи» всеобщего счастья. Музыкальное дарование Анжелы, неуклонно ведущее к вершинам Килиманджаро, позволяет предположить: и сама героиня, и ее создательница верят в действенную силу высокого искусства, питаемого лучшими образцами национальной культуры, как в единственный способ гармонизации противоречий в личности и в обществе.

Открытый финал «Одной из многих», произведения, созданного через сто с небольшим лет после рассказа А. П. Чехова «В родном углу», звучит более оптимистично: несмотря на преграды, «подтаявшие» и уже не кажущиеся такими ослепительно белыми снежные вершины Килиманджаро все равно остаются неизменным ориентиром для нашей современницы. Оставив свою деревню, свой «родной угол», Анжела в большом городе постоянно «вспоминает высокий берег над морем» [Токарева 2008: 54], сохраняя в сердце «кусочек родины» [Токарева 2008: 42]. Осознавая провинциальную «затхлость» приазовских земель, она мечтает о преображении своей малой родины, о возрождении привлекательности и самобытности этого песенного края. Не случайно мотивы музыкальной композиции «Под окном черемуха колышется» упоминаются в повести — фольклор «звучит» со страниц книги, предлагая вспомнить о берущих за душу и проникновенных шедеврах, тесно связанных с ментальностью русского народа, его историей и духовными ценностями.

Главная героиня, Анжела, имеющая только «напор и серебряное звучание» [Токарева 2008: 3] голоса, поначалу мечтающая попасть на «Фабрику звезд», неспроста вызывает симпатию автора: она не забывает о своих истоках и сокровищах народной песни. По мере развития сюжета планы девушки претерпевают изменения, в соответствии с чем и в читательском сознании смещаются смысловые акценты, заложенные в заглавии произведения: Анжела не «еще одна», она — «единственная» среди многих других, «наштампованных» всякого рода конкурсами и «Фабриками», созданными не во благо — действительно открывать новые имена и помогать талантам из глубинки, — а призванными обогатить продюсеров или поднять рейтинги телепередач. Именно этот смысловой оттенок названия произведения заставляет пристально следить за начинающей певицей. Примечательно, что и сама Анжела не покладая рук пытается воплотить в реальность свою мечту: устраивается на незавидную работу то сиделкой, ухаживающей за «полусумасшедшей старухой» [Токарева 2008: 18], то служанкой в доме богатых хозяев: «Анжела уставала. Во сне ей снились

уборка, глажка и крахмальные сорочки» [Токарева 2008: 23]. Но ее неизменно вдохновляет мечта, «сверкающая, как снега Килиманджаро» [Токарева 2008: 25]. Такое «нарядное словосочетание» [Токарева 2008: 5] — «снега Килиманджаро» — не единожды встречается в повести В. С. Токаревой, отсылая читателей к одноименному рассказу Э. Хемингуэя (1936), который был для самой писательницы и для всего поколения «шестидесятников» кумиром: «В его книгах советские читатели нашли идеалы, сформировавшие мировоззрение целого поколения. Стиль его прозы определил стиль шестидесятников» [Вайль, Генис 2001: 66]. Главное, конечно, в том, что в упомянутом рассказе ключевой темой также является сложнейший путь к мечте, преодолеваемый талантливым человеком, бессознательно загубившим свой талант. Здесь в центре — писатель Гарри, охотившийся на отдыхе в Африке, умирает от нелепой случайности: забывает «прижечь йодом царапину на колене» [Хемингуэй 2014: 171], рана воспаляется, дезинфицирующих средств рядом нет, в результате — гангрена, не оставляющая шансов на выздоровление. Осознавая приближение смерти, Гарри начинает анализировать прошлое, память приближает к нему тех, казалось, давно забытых людей, перед которыми он чувствует себя должником, но основной долг — перед нереализованным даром: «Загубил свой талант, не давая ему никакого применения, загубил изменой самому себе и своим верованиям, загубил пьянством, притупившим остроту его восприятия, ленью, сибаритством и снобизмом, честолюбием и чванством, всеми правдами и неправдами» [Хемингуэй 2014: 179].

Подобная ретроспекция позволяет Э. Хемингуэю не просто воссоздать прошлое Гарри, но и показать незамеченную самим героем утрату таланта как его духовную смерть, пришедшую раньше физической. Все истории, которые он хотел воплотить в творениях, так и остаются в списке намеченных замыслов: «Теперь он уже никогда не напишет о том, что раньше всегда приберегалось до тех пор, пока он не будет знать достаточно, чтобы написать об этом как следует» [Хемингуэй 2014: 177]. Пытаясь оправдать себя, Гарри обвиняет жену в том, что именно «проклятые деньги» [Хе-

мингуэй 2014: 175] Эллиен виноваты в обывательском образе его жизни. В финале автор не оставляет Гарри шансов на спасение, потому что тот и сам понимает: пришло время расстаться с «давно кончившейся жизнью» [Хемингуэй 2014: 184] и так освободиться от душевных мук. В предсмертном видении персонажа возникает «заслоняющая весь мир, громадная, уходящая ввысь, невысказанно белая под солнцем, квадратная вершина Килиманджаро» [Хемингуэй 2014: 203]. Этот образ символизирует высоту искусства, к которой неизменно должен стремиться творец, сквозь «водопад» и «ливень» [Хемингуэй 2014: 203], нередко отбрасывающих вниз, к подножью, и размывающих бесценный дар — талант. Выявлению этой идеи произведения помогают особенности его пространственно-временной организации, на которые указывает критик Е. С. Пристром, отмечая, что в рассказе Э. Хемингуэя по мере развертывания топографического, психологического и социального хронотопов возникает и «метафизический — это хронотоп вечности: человеку предназначено жить в двух мирах, мире физическом, житейском, дольном и мире духовном, бытийном, горном. Но именно последний составляет подлинную жизнь человека и является ее целью, смыслом» [Пристром 2010: 174].

По-видимому, В. С. Токарева в повести «Одна из многих» усваивает уроки литературного мастерства, связанные с прозой Э. Хемингуэя, однако привносит свое видение затронутой американским писателем темы. Гарри из «Снегов Килиманджаро» отправляется на охоту, не задумываясь, что величайшая вершина мира находится совсем близко. Сафари — всего лишь экзотическое развлечение для богатых туристов, приезжающих «убить скуку». Вот и Гарри, поначалу мечтающий в Африке «начать все сызнова» и «согнать жир с души» [Хемингуэй 2014: 190], все-таки не замечает могущества природы и довольствуется тем, что «под рукой», не поднимая глаз к небу. В. С. Токарева же, акцентируя внимание на истоках формирования личности Анжелы, «возвращает» ее в родную станицу, считает, что вершины — рядом, только о них следует помнить. «Отшлифовать» талант и покорить, казалось, недостижимые высоты мастерства можно и оставаясь на своей земле, сберегая фи-

зические и духовные силы не для горного «марш-броска», а для преодоления невзгод и достойной реализации дара. Так, не пройдя в третий тур «Фабрики звезд», Анжела, обладающая «чистым и сильным» голосом, который «захлестывал как угодно высоко и летел вольно» [Токарева 2008: 6], начинает догадываться, как ей повезло — она не станет безликим продуктом «инкубатора», а сохранит творческую индивидуальность. Окружению Анжелы, этой девушки, «будившей воспоминания о мазурке» [Токарева 2008: 15], тоже трудно представить ее извивающейся на сцене и невнятно лепечущей строчки какого-нибудь нового хита, состоящего из пяти слов. Для писательницы является ценным тот факт, что героиня черпает силы и вдохновение, ориентируясь на «вечное» в мире звучания — не на «фабричные» хиты, где «ни ноты без банкноты» [Токарева 2008: 44], а на народные песни. В Анжеле отсутствие «харизмы Пугачевой» [Токарева 2008: 27] с лихвой окупается знанием мелодий, отзывающихся в сердцах и душах слушателей разных поколений. Писательница не только испытывает симпатию к этой стойкой девушке, но и связывает с ней светлую надежду: ее дар не должен дать «мечте разбиться о бабло» [Токарева 2008: 44].

Вот почему героиня повести все чаще вспоминает знакомые с детства песни («На муромской дорожке» и другие), применительно к ней в произведении возникает образ Фроси Бурлаковой из кинофильма Е. Ташкова «Приходите завтра» (1963): образ талантливой, открытой миру Фроси воплотила на экране Екатерина Савинова — провинциалка с трагической судьбой, покорившая актерским мастерством, голосом в три октавы и манерой исполнения, близкой к истокам славянской певческой культуры (не зря ее называли «певучей крестьянкой») [Трубиновская 2013], сердца тысяч советских зрителей. Бурлакова — фамилия подруги самой Савиновой, вместе с которой она отправилась покорять Москву. Она, как и В. С. Токарева позднее, с первого раза не поступила во ВГИК, однако несколько позднее все-таки добилась своего, не поддавшись отчаянию. Вот и Анжела не сдастся и приближается к цели, выбрав жизненный девиз: «Сражаться и побеждать» [Токарева 2008: 42].

Даже преодолев материальные затруднения, позволяющие в мире шоу-бизнеса «стремительно подняться, взбежать к снегам Килиманджаро» [Токарева 2008: 51], Анжела не соглашается с грабительскими условиями продюсера, для которого она — всего лишь «горло со свистком» [Токарева 2008: 51]; он еще и уточняет: «Вас, пардон, как грязи», а «ты — одна из многих» [там же]. На такую пренебрежительную оценку Анжела отвечает достойно, как уверенная в своих силах личность: «У себя я — единственная. А у вас — одна из многих. Смотря с чьей стороны смотреть» [Токарева 2008: 51].

Оставляя финал открытым, В. С. Токарева предлагает читателю додумать будущее героини: сможет ли она выжить в жестоких условиях «шоу-бизнеса»? Возвращение же в конце произведения к географической точке, ставшей в произведении «отправной» — к селу Мартыновка, отсылает читателей к нашумевшему в 2007 г. событию — к планам по строительству «Лас-Вегаса» или «Азов-Сити», игровой зоны, на приморской территории Ростовской области и Краснодарского края, недалеко от Ейска, «куда все пороки большого города стекутся» [Токарева 2008: 55], уже не ассоциируется с «островком рая» на земле, однако, может быть, именно Анжела, посланная Богом (не случайно ее имя — производная форма мужского имени Ангел, «из греч. *aggelos* вестник» [Суперанская 2005: 34], а полная форма Анжелика восходит к [лат. *angelica* ангельская» [Суперанская 2005: 256]), в силах возродить интерес к русской певческой традиции. В. С. Токарева со свойственной ей «тоской по идеалу» верит в то, что среди молодого поколения обязательно найдутся таланты, способные противостоять засилью «одноруких» бандитов и поклонению «золотому тельцу» и вместе с этим пробудить светлое в душах, направив людские помыслы к созиданию, а не «прожиганию» жизни.

Заключение

Поанализировав хронотопические особенности в повести В. С. Токаревой «Одна из многих», мы пришли к выводу, что современная российская писательница учитывает опыт классиков

как отечественной, так и зарубежной литературы. Творчество А. П. Чехова для представительницы «женской» прозы является ориентиром: она следует за ним и в стилистической манере письма, и в идейном плане, давая развитие уже известным сюжетам. Выявление параллелей, «перекличек» с рассказами и повестями других авторов позволяет обнаружить взаимосвязь с литературной традицией, предстающей как сложный и многоуровневый механизм. При этом следует отметить, что образы времени и пространства в творчестве В. С. Токаревой выходят на новый идейно-смысловой уровень и служат средством передачи авторской позиции.

Источники

- Вересаев 2022 — *Вересаев В. В.* Без дороги // Вересаев В. В. Без дороги. М.: АСТ, 2022. С. 5–79.
- Токарева 2008 — *Токарева В. С.* Одна из многих // Токарева В. С. Одна из многих. М.: АСТ, 2008. С. 3–56.
- Хемингуэй 2014 — *Хемингуэй Э.* Снега Килиманджаро // Хемингуэй Э. Снега Килиманджаро. М.: АСТ, 2014. С. 165–203.
- Чехов 1977 — *Чехов А. П.* В родном углу // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 313–324.
- Чехов 1983 — *Чехов А. П.* Три сестры // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1983. С. 3–74.

Литература

- Акимова 2019 — *Акимова С. К.* Народ и интеллигенция в творчестве В. В. Вересаева // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 411–412.
- Библейская энциклопедия Брокгауза 1999 — Библейская энциклопедия Брокгауза / Ринекер Ф., Майер Г. М.: Российское Библейское Общество, 1999. 1120 с.
- Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 58–81.
- Игнатов 1901 — *Игнатов И.* Театр и музыка. «Три сестры», драма в 4-х действиях, соч. А. П. Чехова // Русские ведомости. 1901. 2 февраля. С. 3–6.

- Караулов Ю.Н. Языковое время и языковое пространство // Вестник МГУ. Сер. 10. Филология. 1970. №1. С.61–73.
- Ковтунова 1993 — *Ковтунова И. И.* Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1993. № 2. С. 18–27.
- Лебедев 2010 — *Лебедев Ю. В.* Литература (учебное пособие для учащихся 10 класса средней школы в двух частях). М.: Просвещение, 2010. 367 с.
- Лихачев 1968 — *Лихачев Д. С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–88.
- Лотман 1988 — *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
- Первалова 2018 — *Первалова С. В.* Пространство детства в отечественной прозе второй половины XX – начала XXI века // Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века / С. В. Первалова, Л. Н. Савина, Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2018. С. 127–190.
- Петровский 1966 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. Около 2600 личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 366 с.
- Пономарев 2008 — *Пономарев В.* (Гуру Кен). «Шоу-бизнес застыл» // Персональный сайт Гуру Кена. 2008. 9 января [электронный ресурс] // URL: https://guruken.ru/Show_biznes_zasty1 (дата обращения: 8.08.2022).
- Пристром 2010 — *Пристром Е. С.* Освоение художественной действительности через понимание ее метасмысла // Язык и социум: теоретические и прикладные аспекты исследования: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (г. Минск, 3–4 дек. 2010 г.) / под общ. ред. Л. Ф. Гербик. Минск: РИВШ, 2011. С.172–174.
- Разумова 2001 — *Разумова Н. Е.* Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: ТГУ, 2001. 522 с.
- Сизова 2004 — *Сизова Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 20 с.
- Себина 2004 — *Себина Е. Н.* Пейзаж // Введение в литературоведение: учебное пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. школа, 2004. С. 251–259.
- Сизова 2004 — *Сизова Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 20 с.

- Сосновская 2011 — *Сосновская Н. Н.* Духовные мотивы современных ивановских авторов // Духовно-нравственные основы русской литературы—III: сб. науч. статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. С. 311–317.
- Стенина 2005 — *Стенина В. Ф.* Мифология болезни в прозе А. П. Чехова: женские образы // Культура и текст. 2005. № 9. С. 14–22.
- Суперанская 2005 — *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- Сухих 1987 — *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: ЛГУ, 1987. 184 с.
- Токарева 2004 — *Токарева В. С.* Ее постоянно кусали собаки и не слушались дети / Интервью с Викторией Токаревой // Argoros. 2004. 2 марта [электронный ресурс] // URL: <http://argorospace.ru/lit/tokareva.html> (дата обращения: 9.10.2022).
- Токарева 2020 — *Токарева В. С.* «Мне стало лучше жить с годами» / Интервью с В. Токаревой // Ревизор. 2020. 14 февраля [электронный ресурс] // URL: <http://rewizor.ru/literature/interviews/viktoriya-tokareva-mne-stalo-luchshe-jit-s-godami/> (дата обращения: 09.04.2022).
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Трубиновская 2013 — *Трубиновская Н.* Екатерина Савинова — «чудо природы» // Хронотоп. 2013. 6 ноября [электронный ресурс] // URL: <https://chronoton.ru/bio/ekaterina-savinova> (дата обращения: 9.03.2022).
- Фохт-Бабушкин 1986 — *Фохт-Бабушкин Ю. В. В.* Вересаев и его публицистические повести. М.: Правда, 1986. 560 с.
- Чехов 1977 — *Чехов А. П.* Письмо Суворину А. С., 27 марта 1894 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-и тт. Письма: В 12-и тт. Т. 5. Письма. Март 1892–1894. М.: Наука, 1977. С. 283–284.
- Эпштейн 1990 — *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.

Жанр проклятия (*харал*) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Фольклорный жанр проклятия (калм. *харал*) имел локальные авторские образцы в жанровой парадигме калмыцкой поэзии XX в., находившиеся на периферии литературного процесса. Среди таких обращений — стихотворения А. И. Сусеева, М. Д. Басангова, Б. Б. Сангаджиевой, Д. Н. Кугультинова, ставшие объектом и предметом исследования в наших статьях. *Актуальность и новизна* статьи определена *целью* — выявить в лирике В. Д. Нурова произведения в жанре проклятия, рассмотреть поэтику двух стихотворений «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973), «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980) в историко-литературном, историко-функциональном и сравнительно-типологическом аспектах, а также русские переводы второго текста. *Результаты.* Первое стихотворение поэта имеет два варианта, незначительно отличающиеся по стилю. Принцип противопоставления двух фольклорных жанров в этом стихотворении передал мировоззрение и мировосприятие предков-ойратов, их приоритет духовного над материальным, когда превыше всего ценилось благое слово. Во втором стихотворении философия добра и зла актуализированы в парадигме древнего обряда, способствующего, как представлялось предкам, снятию негативного воздействия вредоносного посыла. Стихотворение «Хар кел керчүлнэв», переведенное в разное время Ю. М. Нейман (1981) и В. А. Шошиным (1992), показывает восприятие формы и содержания калмыцкого текста русскими переводчиками в ракурсе имагологии: свой / другой. *Выводы.* Фольклорная традиция жанра проклятия в сти-

хотворениях В. Д. Нурова трансформирована в философском дискурсе, не воспроизводит формул проклятий, определенных действий, несмотря на то, что во втором стихотворении указан, но не описан обряд «отрезания черного языка». Калмыцкая пословица о благопожелании и проклятии, введенная в первое стихотворение, становится отправной точкой авторских размышлений о добре и зле.

Ключевые слова: проклятие (*харал*), фольклорный обряд снятия проклятия, благопожелание (йорял), калмыцкая поэзия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанр проклятия (харал) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151

Lyrics of Vladimir Nurov: The Genre of Curse (Kharal) and Ritual of Its Removal Analyzed

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. *Introduction.* Within the genre paradigm of twentieth-century Kalmyk poetry, the folklore-derived one of curse (Kalm. kharal) used to be represented by few local and original samples that remained in the periphery of the literary process. The latter include poems by A. Suseev, M. Basangov, B. Sangadzhieva, D. Kugultinov to have been and yet to be examined in our articles. *Goals.* The paper aims to identify V. Nurov's works clustering with the genre of curse, and consider the poetics of two poems — Well-Wish and

Curse (Kalm. Ёрэл болн харал, 1973), I Cut the Black Tongue off (Kalm. Хар кел керчүлнэв, 1980) — in historical / literary, historical / functional, and comparative / typological aspects, as well as Russian translations of the second text. *Results*. The first poem has two versions slightly different in style. The principle of contrasting two folklore genres in this poem conveys worldviews and perceptions of the Oirat ancestors, their inclination to prioritize the spiritual over the material, when the good word was valued above all. In the second poem, the philosophemes of good and evil are actualized in the paradigm of the ancient rite that served, as ancestors believed, to annihilate negative effects of the harmful message. The poem I Cut the Black Tongue off (Kalm. Хар кел керчүлнэв) was translated by Yu. Neiman (1981) and V. Shoshin (1992), and is instrumental in showing how Kalmyk text's form and content tend to be perceived by Russian translators in the perspective of imagology — 'us and them'. *Conclusions*. The folklore tradition inherent to the curse genre in V. Nurov's poems gets transformed in philosophical discourse, those reproduce neither formulas of curse nor any certain actions, despite the latter poem mentions the rite of 'cutting off the black tongue' never to describe it. The Kalmyk proverb about well-wishing and damnation introduced in the first poem becomes a starting point for the author's reflections on good and evil.

Keywords: curse (kharal), folklore-based curse removal ritual, well-wish (yöräl), Kalmyk poetry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. Lyrics of Vladimir Nurov: The Genre of Curse (*Kharal*) and Ritual of Its Removal Analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 130–151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151

Введение

Фольклорный жанр проклятия (калм. *харал*) имел локальные авторские образцы в жанровой парадигме калмыцкой поэзии XX в., находившиеся на периферии литературного процесса. Среди первых обращений назовем произведения Аксена Сусеева (1905–1995) «Цаһачудыг харасн харал» («Проклятие, проклиняющее белых», 1929) [Сусеев 1967], Мукебюна Басангова «Харал»

(«Проклятие», 1942) [[Басңа М. 1962](#)], передавшие трагический характер событий Гражданской и Великой Отечественной войн. У Боси Сангаджиевой (1921–2001) два одноименных стихотворения «Харал» («Проклятие»), созданные в 1966 и 1991 гг., — о древнем обычае, связанном с магической поэзией предков, веровавших в вербальную силу слова и действия против враждебной стихии природы и людей [[Саңҗин Б. 1967](#); [Саңҗин Б. 1991](#)]. Два разных стихотворения Б. Б. Сангаджиевой передают авторские интенции об истории и культуре калмыцкого народа, о йоряле-благопожелании и харале-проклятии в жизни человека, о защите и противодействии негативному посылу, о необходимости мира и согласия между людьми. Стихотворение Давида Кугультинова (1922–2006) «Кезэнэс нааран эндр күртл...» («С давних пор и до наших дней...», 1982) — размышления о жертвах репрессий и войны, проклятие палачам [[Көглтин Д. 1982](#)].

Методология исследования, связанная с малоизученностью избранной темы, основана на историко-функциональном и сравнительно-типологическом подходах. Историко-функциональный подход обусловлен материалом исследования, современным прочтением текстов калмыцкого поэта Владимира Нурова (г. р. 1929), опубликованных в конце прошлого столетия: стихотворения «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973) и «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980). Первое произведение не было переведено на русский язык, второе имеет два перевода: «Отрежь черный язык» Владислава Шошина и «Разрезаю черный язык» Юлии Нейман. Сравнительно-типологический метод определил сопоставление избранных стихотворений указанного поэта с произведениями других авторов на ту же тему и в том же жанре.

Актуальность и новизна данной статьи вызваны тем, что авторский жанр проклятия в калмыцкой лирике XX в. не был объектом и предметом исследования, за исключением наших статей [[Ханинова 2022а](#); [Ханинова 2022б](#)], в которых рассмотрены харалы в лирике А. И. Сусеева, М. Д. Басангова, Б. Д. Сангаджиевой.

Стихотворение Владимира Нурова «Йөрэл болн харал» (1973)

В лирике Владимира Нурова к жанру проклятия (*харал*) можно отнести два стихотворения: в первом из них — «Йөрэл болн харал» («Благопожелание и проклятие», 1973) — показаны по принципу контраста противоположные понятия, а во втором — «Хар кел керчүлнэв» («Я разрезаю черный язык», 1980) — древний обряд, способствующий, как представлялось предкам, снятию негативного воздействия вредоносного посыла.

Первое стихотворение имеет два варианта — газетный 1973 г. и книжный 1976 г. — с одинаковым заглавием и сходной структурой: 5 строф, из которых первая строфа включает 6 строк, остальные — по 4 строки, со свободной рифмовкой и рифмой, в основном с парной и перекрестной анафорой, с аллитерацией на «х», «h», «р».

Незначительные различия в тексте касаются лишь первой строфы, где слово *өөрднр* ‘ойраты’ в газетном варианте дано со строчной, а в книжном — с заглавной буквы *Өөрднр*, глагол *жирхлэ* ‘жили’ в газетном варианте использован в прошедшем времени, а в книжном — *жирхнэ* ‘живут’ в настоящем времени; приведенная в тексте калмыцкая пословица отличается синтаксической конструкцией (*Йөрэлин экн — тосн, / Харалин экн цусн, — гихэд = Йөрэлин экн — тосн, / Харалын экн — цусн гихэд*).

Йөрэл болн харал

*Йөрэлин экн — тосн,
Харалин экн цусн, — гихэд,
Өсхэс өтлх куртл өөрднр
Өлг-эдэс үгэн доталж,
Харалиг «үснэ үзүрэр» хархж,
Йөрэлэр жирхлэн кеерүлжэ жирхлэ.*

Благопожелание и проклятие

Начало благопожелания — масло,
Начало проклятия — кровь, — считая так,
Ойраты, от рождения до старости,
Превыше материального ценили слово,
Проклятие отведя от себя
(букв. на «кончике волоса»),
Жизнь украшали благопожеланием.

ник проклятия — кровь’ [КРС 1977: 281] приводится в конце авторского размышления в обратном порядке (*Харалин экн — цусн, / Йөрәлин экн — тосн* [Саңһжин Б. 1991а: 3]), т. е. приемом от противного, то в стихотворении Владимира Нурова, поскольку в названии обозначены оба понятия *Йөрәл болн харал* (‘Благопожелание и проклятие’), т. е. позитивное и негативное, пословица приведена в ее традиционном виде в первой же строфе [Нуров 1973: 4]. В первой части пословицы существительное *тосн* ‘масло’ в переносном смысле означает «богатство», во второй части пословицы существительное *цусн* ‘кровь’ в переносном смысле передает значение ‘смерть, горе, беда, несчастье’. Ср. с пословицей астраханских и донских калмыков: *Керулин экн — цусн, эвин экн — тосн* ‘Начало ссоры — кровь, начало мира — масло’ [Котвич 1972: 96].

Харал, с одной стороны, означая «проклятие, проклинание», с другой — «ругательство, брань» [КРС 1977: 577], по древним представлениям, активизировал посредством прежде всего вербальной магии негативное воздействие на жизнь человека и его окружение, которое можно было избежать посредством защитных ритуальных практик, в том числе при помощи благопожелания, таким образом можно было перекрыть путь злу. В словаре Жижиан Эрднибаяра существительное *харал* дополнено другим обозначением: *хөөлһ* [Жижэн 1994: 110]. Глагол *харах* передает два значения: 1) проклинать 2) бранить [КРС 1977: 578].

В первой строфе В. Д. Нуров рассуждает о мировоззрении и мировосприятии предков-ойратов, об их приоритете духовного над материальным, когда превыше всего ценилось благое слово, причем в двух последних строках о нравственно-этическом постулате автор указывает на вездесущность проклятия в контексте пожелания, чтобы зло миновало, не задев человека («*үснә үзүрәр*» *һарһж* ‘букв. на кончике волоса’) [Нуров 1973: 4], а заканчивает строфу философемой добра: благопожелание украшает (улучшает) жизнь. Фразеологизм *үснә үзүрәр һартха (давтха)*

означает ‘пусть грехи обходят’ [Фразеологический словарь 2019: 212], что, на наш взгляд, неточно, поскольку имеется в виду что-либо негативное в целом, не только собственные грехи. По нашему мнению, строку *Харалиг «үснә үзүрәр» һарһәж* можно трактовать и в аспекте языческого защитного ритуала во избежание зла. Но в этом стихотворении нет конкретизации и описания харала, как, впрочем, и в другом стихотворении «Хар кел керчүлнәв» («Я разрезаю черный язык»).

Нет формул проклятия и в начале второй строфы: *Йөрәлин ормд харасн хөөн* ‘Когда вместо благопожелания произносишь проклятие’ [Нуров 1973: 4]. Здесь нет и адресации: кому, какое проклятие. Ср. с «Харалом» Б. Б. Сангаджиевой, где во время ссоры двух женщин произносится харал и совершаются усиливающие злобные слова соответствующие действия (выливается вслед вода, мажется сажей собственный язык).

Дав моральную оценку неблагоприятному поступку, В. Д. Нуров усиливает ее метафорой: *Һәрд гисн нерән бузрһад* ‘Маяя свою честь ‘букв. орлиное имя’ [Нуров 1973: 4]. Сравнение с орлом — одной из сакральных птиц в орнитологическом пантеоне предков, — по мысли автора, спускает такого недостойного высоты человека на землю.

Две следующие строфы противопоставляют харалу йорял. Прием параллелизма (пустыня = проклятие, материнское благопожелание — на всю жизнь) в третьей строфе передает безлюдность пространства после проклятия и наполненность личностного пространства после материнского благопожелания, несмотря на то, что это благопожелание также не сформулировано, не сопровождается обязательными определенными ритуальными действиями. Развивая сравнение йоряла с чистым родником, со светом, автор актуализирует символику и витальную семантику благих слов в противовес зною без необходимой прохлады. По-калмыцки *булг* — это родник, определение *хар* обозначает чистоту родника. Ср. *хар усн* ‘чистая вода’ [КРС 1977: 577].

В заключительной, пятой, строфе поэт уточняет проступок: *Газр-усан урвсн хөөнэн* ‘Когда изменишь родной земле’ [Нуров 1973: 4], за которым последует справедливое проклятие: *Харал, хасн сумн метэр, / Хама йоввчн күүэд авна* ‘Проклятие, подобно пуле, / Настигнет тебя, где бы ты ни был’ [Нуров 1973: 4]. Хотя здесь также не артикулируется проклятие, оно понимается автором как возмездие предателю. Недостойное поведение человека усилено дополнительной характеристикой: *Һаран уһажэ бултхар седсинь* ‘Умыв руки, захочешь скрыться’ [Нуров 1973: 4]. Использование русского фразеологизма «умывать руки» (*һаран уһах*) расширяет семантическое поле в значении «снять с себя ответственность». Ср. «умывать руки, умыть руки» означает «отстраняться, уклоняться от участия в каком-либо деле; снимать с себя ответственность за что-либо» [Фразеологический словарь 1978: 495].

Глагольная связка «скрыться / спрятаться» — «настигнет» акцентирована в сравнении проклятия с вещественной деталью — пулей (*сумн*). Существительное *сумн* в калмыцком языке имеет два значения: 1) пуля; заряд; патрон; снаряд; 2) стрела [КРС 1977: 461]. В этом плане оба значения сближают временные категории прошлого и настоящего (история и современность): скорость, быстроту возмездия отступнику.

В стихотворении 6 раз используется слово *харал* в следующем виде: существительное в разных падежах (*харал; харалин; харалиг*), глагол (*харасн*), слово *йөрэл* — 5 раз как существительное в разных падежах (*йөрэл; йөрэлин; йөрэлэр*).

Таким образом, у В. Д. Нурова доминирует понятие проклятия (*харал*) как враждебное миру и согласию, а в гендерном плане манифестируются мужское начало, мужское поведение, мужская честь. Ср. в этом аспекте женскую ссору в «Харале» (1991) Б. Б. Сангаджиевой, причем причина ее не указана, скорее, она бытового характера.

Стихотворение Владимира Нурова «Хар кел керчүлнэв» (1980) и обряд снятия проклятия

«Хар кел керчүлнэв»

*Эврэн эн делкэн
Кеермжэс эс болвчн,
Эрин билгтэ гиснлэ,*

Эмин сээхлэнь харһсан

Хөвд тоолж ханад,

*Хорта кели, нүднэс
Хальч болхар седж,
«Хар кел керчүлнэв»...
Билг, седклин цаһанд
Кели күрн гихлэ,*

*Күүрг эн тоотыг
Күдр чолуһар харсх
Зөрг күрсн хөөн, —
Зеткр давснь тер...
Жирһлин кеермжүр худл
Жидэн зөвлжэ бээхлэнь,
Тоһрун шовуниң эһрэд,
Теврэд киисхэр седнэв.
Эврэн эн делкэн
Кеермжэс эс болвчн,
Эрднин экнэ төлэ,
Эрин сээхлэнь боснав.*

Я отрежу черный язык,

Хотя я сам не являюсь
Украшением этого мира,
Но от того, что встретил в жизни лучших
из мужчин и
самых красивых из женщин,
благодарен судьбе за это,
Чтобы стать защитником от ядовитого языка
и глаза,

«Я отрежу черный язык».
Когда речь касается
Таланта, светлой души,
Их хрупкой сути,
Буду накрепко защищать
(букв. крепким камнем),

Проявляя мужество,
Тогда опасность минует их.
Если ложь своим копьем
Пронзит красоту жизни,
То я, словно журавль, горюя,
Обняв ее, упаду.
Хотя я сам не являюсь
Украшением этого мира,
Но ради его сокровищ
Встану с лучшими из мужчин.

[Нуура В. 1980: 20–21].

Во втором стихотворении В. Д. Нурова «Хар кел керчүлнэв» («Я отрежу черный язык», 1980) взаимосвязь с указанным первым стихотворением поэта проявляется в его готовности противостоять

злу, чтобы защитить добро в жизни. Вопреки тому, что в названии произведения есть отсылка к обряду противодействия проклятию (на что указывают кавычки), сам ритуал в тексте не показан, кроме того, не дифференцирована его характеристика: языческий или буддийский. Обряд «отрезания черного языка» (*хар кел утулһн*) исследован в научных трудах калмыцких ученых разных лет, например, Н. О. Очирова [Очиров 2002], Б. А. Бичеева [Бичеев 2006; Бичеев 2014], Т. Г. Борджановой, [Борджанова 2007; Борджанова 2011], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2008], Д. Н. Музраевой [Музраева 2018], Ю. Ю. Эрендженовой [Эрендженова 2022] и др.

Так, Б. А. Бичеев дал комментарии старинному обряду, описанному в ранней статье Н. О. Очирова «Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд „хара келе утулган“ у калмыков» (1909), в аспекте органичного освоения буддизмом традиционных добуддийских верований: буддизм, придав им новый импульс, перерабатывал их и выдавал за наследие самого Будды с использованием сутры (молитвы). «Ритуальная часть заключалась в символическом отрезании черного языка, который, как правило, был представлен в виде веревки, сплетенной из черной и белой шерсти» [Бичеев 2006: 360–361]. И при этом веревка сплеталась в противоположную солярному движению сторону [Бичеев 2014: 88], магический принцип перевернутости. Черная нить выступает символом проклятия, а белая нить — символом лстивого языка, что является заменой, «в которой черно-белая нить, с точки зрения человека, инициировавшего обряд, символизирует проклятие вообще, а не конкретного человека» [Бичеев 2014: 88]. «По мере произнесения главного в этом заклинании слова „утлму“ („отрежу“) отрезалась часть веревки. В данном случае специфические ритуальные действия выступают своего рода защитными механизмами, направленными на преодоление конкретной угрозы вовне. Люди усматривали причинную связь между явлениями, но заменяли отношение причин и следствий при ее интерпретации действием „подобное подобным“. Главный смысл обряда заключался в достижении такого состояния, в котором человек психологически не чувствует себя больше беззащитным перед угрозами извне» [Бичеев 2006:

361]. Как указывают исследователи, со временем защитная функция этого обряда воспринималась суеверным человеком шире, чем просто защита от проклятия, простираясь на любые дурные знамения, нехорошие сновидения, болезни людей, падеж скота, зависть и т. п. [Очиров 2006: 33–36; Бичеев 2014: 87–101]. По уточнению Т. Г. Борджановой, суть обряда заключалась в том, «чтобы с помощью магического заклинания обрезать кончик языка (келнэ му үзүр — „плохой кончик языка“) противника. Вероятно, по представлениям калмыков, магическая сила вредоносных заклятий находилась на кончике языка» [Борджанова 2011: 259]. Этот обряд сохранился в современной обрядовой традиции калмыков и ойратов Китая [Борджанова 2011; Бичеев 2014: 87–101].

Во втором стихотворении «Хар кел керчүлнэв» («Я отрежу черный язык»), структурно не разделенном на строфы, В. Д. Нуоров называет язык ядовитым (*хорта келн*), прибавляя сглаз. *Хорта келн, нүднэс / Хальч болхар седж, / «Хар кел керчүлнэв»* ‘Чтобы стать защитником от ядовитого языка и сглаза, / «Я отрежу черный язык»’ [Нуура В. 1980: 20]. Ср. с калмыцкой пословицей: *Күүнэ келн хорта, курнин махн заарта*, т. е. «Человеческий язык язвительный (букв. ядовитый), мясо хорька мускусное» [КРС 1977: 291]. Глагол *керчх* имеет два значения: 1) мелко резать; 2) делать зарубки, надрезать; глагол *утлх* — резать, разрезать [КРС 1977: 296; 540].

Чтобы спасти талант и светлую душу людей, лирический субъект готов мужественно защищать эти хрупкие субстанции. Автор использовал метафору: *Күдр чолуһар харсх* [Нуура В. 1980: 20], букв. защищать крепким камнем, т. е. здесь не упоминаются конкретные действия обряда отрезания черного языка. Если же поэт бессилён в каких-то действиях, выступая против лжи, то горюет, словно журавль, упав на землю. Сравнение с журавлем возникает по аналогии — прощание с перелетными степными птицами, гибель одного из журавлиной пары. Рефреном повторяется авторская мысль о том, что, не являясь безупречным в жизни, тем не менее, он готов ради сокровищ мира встать с лучшими из мужчин на борьбу: *Эрднин экнэ төлэ, / Эрин сгэнлэнь боснав* ‘Но ради его

сокровищ / Встану с лучшими из мужчин' [Нуура В. 1980: 21]. Диалектика силы и бессилия, по мнению поэта, преодолевается сплоченностью людей (мужчин) в противодействии злу. Здесь вновь превалирует гендерный прием: настоящий мужчина должен защитить слабых и беззащитных, талантливых и порядочных людей.

В обряде отрезания черного языка главная роль отводилась буддийскому священнику, проводившему соответствующие ритуальные действия и читавшему подобающие молитвы-сутры (например, «Сутра, отвращающая воздействие проклятия»), но в его отсутствие это мог сделать и знающий человек (*медлгч*). Подобную функцию возлагает на себя в стихотворении В. Д. Нурова лирический субъект, *alter ego* (второе «я») автора. Но, как нам представляется, отсутствие подробностей самого обряда в тексте свидетельствует о том, что поэт не напрямую апеллирует к обычаю в магической вере предков, а метафорически, символически передает в образной форме свое отношение к злу в мире, необходимость борьбы с ним.

Обратим внимание на русские переводы этого стихотворения, осуществленные в разное время двумя переводчиками, в связи с проблемой соотношения формы и содержания в передаче обряда «отрезания черного языка».

Начнем с перевода В. А. Шошина «Отрежь черный язык», в названии которого императив *отрежь* равным образом может быть адресован любому человеку, между тем в оригинале личная форма глагола будущего времени *Хар кел керчүлнэв 'Я отрежу* черный язык'. Перевод изобилует восклицательными знаками, передающими эмоциональный порыв лирического субъекта, тогда как в стихотворении калмыцкого поэта восклицательные знаки отсутствуют. Ср. «Разрежь его, отрежь! <...> Скорей разрежь его, отрежь! <...> Как злой язык, ты их отрежь!» [Нуров 1992: 36–37]. Кроме того, переводчиком введены дополнительные образы: цветок, на который капает слюной ядовитый язык; копье, нацеленное в грудь любимой женщины, клеветнический язык сравнивается с мятежом черного ада. Самое главное же в том, что В. А. Шошину не удалось передать ни форму, ни основное содержание оригинала.

нального текста. Если у В. Д. Нурова 22 стихотворные строки без названия, то у В. А. Шошина — вдвое меньше: 12 строк без названия. Из такого перевода русскоязычному читателю не ясно, что речь идет о калмыцком обряде «отрезания черного языка». Скорее, возникает ассоциация с русским фразеологизмом «укоротить язык» (просторечие), т. е. «заставить кого-либо поменьше болтать, разговаривать, быть менее дерзким» [[Фразеологический словарь 1978: 492](#)].

Первый перевод был сделан Ю. М. Нейман еще в 1981 г., вскоре после публикации оригинального стихотворения калмыцкого поэта в 1980 г., на десять лет раньше неудачного перевода В. А. Шошина. Если в целом переводчица придерживается основной темы и смысла первоисточника, то в отношении формы наблюдаем изменения. В отличие от авторского единого текста ее перевод структурирован 4 строфами, в которых по 6 строк, всего 24 строки (у В. Д. Нурова 22 строки).

В заглавии перевода нуровского произведения отсутствует местоимение «я», важное для актуализации авторской позиции.

Нетрудно заметить, что первая строфа перевода не совпадает с началом стихотворения. «Обычай к нам из древности проник: / Чтоб оборвать потоки злобы вздорной, / Бараний надо разрубить язык / Одновременно с длиной нитью черной, / И этим клеветническую речь, / Как заверяют, навсегда пресечь» [[Нуоров 1981: 21](#)].

Остановимся на этом фрагменте подробнее. В оригинальном тексте нет упоминания ни о древности обряда, ни об использовании в этом обряде бараньего языка и длинной черной нити. Вероятно, при работе над переводом этого произведения Ю. М. Нейман указала калмыцкому поэту на необходимость пояснить читателю, о чем идет речь. После возможного разъяснения автором сути упомянутого обряда переводчик по согласованию ввел отсутствующие до того подробные детали, на которых мы остановимся ниже. Правда, вызывает недоумение: поэт не создал вторую редакцию или второй вариант своего стихотворения, это сняло бы заметную разницу в опубликованных текстах В. Д. Нурова и Ю. М. Нейман.

Разрезаю черный язык

Обычай к нам из древности проник:
Чтоб оборвать потоки злобы вздорной,
Бараний надо разрубить язык
Одновременно с длинной нитью черной,
И этим клеветническую речь,
Как заверяют, навсегда пресечь.

И, хоть я сам — отнюдь не идеал,
Хоть, может быть, немного я стою,
Все ж я не раз мучительно страдал
От столкновенья с черной клеветою,
И, чтоб спасти добро от низких слов,
«Язык разрезать» был всегда готов.

Когда от зависти иль так — со зла
Талант чернят впрямую иль намеком,
Когда на ту, чья красота светла
Струится сплетня гнилостным потоком,
Без промедления берусь за нож
И пересекаю низость, подлость, ложь.

И пусть я сам — отнюдь не идеал,
Пусть у меня грехов хватает ныне,
Но я бы, не колеблясь, жизнь отдал,
Чтоб мира драгоценные святыни
От умысла дурного защитить
И злой язык навеки обрубить.

Перевод Ю. М. Нейман

[Нуров 1981: 21].

Отрежь черный язык

К цветку язык протянут черный,
К цветку, что словно утро свеж,
Слюною капает тлетворной
Язык... Разрежь его, отрежь!
Копьем нацелен в грудь любимой,
Как ада черного мятеж,
Клевет язык неистребимый...
Скорей разрежь его, отрежь! (с. 36)
Покоя не было и нету,
Враги извечные все те ж:
Хула, предательство, наветы...
Как злой язык, ты их отрежь! (с. 37)

Перевод В. А. Шошина

[Нуров 1992: 36–37].

Обычно при описании обряда «отрезания черного языка» есть детализация цветов — черная и белая шерстяные нити, а в переводе стихотворения фигурирует только черная нить. Кроме того, у Ю. М. Нейман уточняется, что одновременно с обрезанием черной

нити разрубают бараний язык. Действительно ли такая процедура осуществляется одновременно? Или это разные версии анализируемого обряда?

Как отмечает Б. А. Бичеев, «обряд „отрезания черного языка“ (*хар / цаһан келн ам керчх йосн*) сохранился в современной обрядовой традиции ойратов (торгутов, олетов, хошутов) Китая. По свидетельству исследователей, он бытует во всех районах проживания ойратов и является определенным защитным действием против вредоносного воздействия как „черного“, так и „белого языка“ [Namdjil 2010: 190¹]. Несмотря на функциональную однозначность этого обряда, исследователи отмечают некоторые вариации в самом ритуальном действии» [Бичеев 2014: 88–89].

Среди этих вариаций нас интересует такие, в которых используются языки домашних животных и зверей, поскольку в переводе стихотворения В. Д. Нурова речь идет о бараньем языке.

Так, в некоторых районах Синьцзяна «при совершении обряда используют язык черной или черноголовой овцы, который нарезают тонкими полосками и вплетают в черно-белую нить. Один конец нити находится в руках у лица, совершающего обряд. Другой конец нити держит во рту инициатор обряда, а середина нити обматывается вокруг больших пальцев его рук. По мере перечисления каждого из десяти черных прегрешений произносится формула „Отрезаю язык завистника!“ (*Күүнэ үзн ядг келиг керчму!*) и отрезается часть веревки. По завершении обряда куски веревки собирают и закапывают внутри кибитки под дверью.

Синьцзянские олеты вплетают в черно-белую нить тонко нарезанные куски волчьего или коровьего языка. По завершении обряда куски веревки кладут в вырытую под дверью яму. Сверху наливают воду из чаши, в которую кладут семь черных камней. Затем поверх отрезанных кусков веревки кладут плоский камень, по которому наносят семь ударов ногой, и произносят фразу: „Да будет погребено все вредоносное моей стопой!“ (*Өшэтэ бүкн өскэ дорм даргдтха!*).

¹ Речь идет о работе: Namdjil T. Oyirad mongol-un jang üyile-yin soyol. Šitulga biširel-un boti. Šinjang-un arada-un keblel-un horiyi-a, 2010. 292 n.

В отсутствие священнослужителя обряд может совершить и обычный человек. В этом случае действие закрепляется произнесением встречной формулой проклятия, нейтрализующего негативное воздействие „черного“/„белого“ языка. <...>

После окончания обряда хозяин дома трижды плюет на собранные воедино куски обрезанной черно-белой веревки с вплетенными в нее кусочками языка животного. Затем все это выбрасывают в северо-западную сторону от дома» [Бичеев 2014: 89–90].

Ср. в статье Н. О. Очирова (1909) указывается, что в то время, как один буддийский священник отрезает веревку, начиная от своей руки, другой священник читает краткую молитву под названием «хара келни бичиг» («письмо черного языка»), распространенную среди народа в рукописном виде. «Веревка отрезается столько раз, сколько вполне законченных по смыслу предложений заключается в молитве, и отрезывание производится тотчас же за чтением каждого предложения. Обрезки веревки, собранные священником, кладут на куски кошмы, куда плюют все члены семьи; вслед за этим старший из священников произносит трехкратное заклинание и трижды плюет на кошму. После этого обрезки выносятся на двор и зарываются вместе с какой-нибудь одеждой хозяина» [Очиров 2006: 267].

Общее в калмыцком и ойратском обрядах: отрезание черно-белой веревки, молитвы, плевки, закапывание в землю обрезков веревки. Различие в обряде у ойратов Китая заключается во вплетении в черно-белую нить полосок языка животного или зверя, а у калмыков — зарывание в землю обрезков вместе с какой-нибудь хозяйской одеждой.

Одежда в культуре монгольязычных народов воспринимается как телесная часть ее хозяина, поэтому попавшую под воздействие «черного языка» одежду тоже надо уничтожить, чтобы лишиться злой силы.

По сведениям некоторых наших информантов, раньше они были свидетелями того, как их отцы, когда резали овцу / барана, обязательно отрезали кончик языка этого животного, т. е. так совершался короткий обряд «отрезания черного языка» [ПМА:

М. Б. Б.; ПМА: Х. Н. С.]. По воспоминаниям нашего информанта, его отец, когда детям давал вареный бараний язык, отрезая его кончик, приговаривал, обращаясь к ребенку: *Келмрч бол! Керүлч бичэ бол!* ‘Стань сказителем! Не будь скандалистом!’ [ПМА: Х. Н. С.].

Возвращаясь к переводу, созданному Ю. М. Нейман, заметим, что со второй строфы наблюдается приближение к оригинальному тексту. Но и здесь есть некоторые смысловые отличия. Если в переводе сформулирована категоричность самохарактеристики лирического субъекта («И, хоть я сам — отнюдь не идеал, / Хоть, может быть, *немногого я стою*»²), то в первоисточнике этого самоуничтожения нет («Хотя я сам не являюсь / Украшением этого мира»). Напротив, лирический субъект благодарит судьбу за встречу с лучшими из мужчин и с красивейшими из женщин, поэтому, чтобы стать защитником от злословия и сглаза, готов совершать своеобразный обряд «отрезания черного языка». В переводе же подчеркиваются страдания человека от столкновения с черной клеветой, т. е. во главу угла ставится собственный опыт лирического субъекта, побуждающего его бороться со злом за добро. В третьей строфе перевода защита таланта сопрягается с защитой женщины, хотя у поэта далее речь идет о красоте жизни, вместо крепкого камня появляется нож как средство, используемое в обряде «отрезания черного языка». Переводчица также нивелирует и слабость человека в противодействии злу, сравнение с журавлем, манифестируя его готовность даже отдать жизнь ради святых истин, несмотря на то, что такой самоотверженности в оригинале не наблюдаем. Там утверждается готовность человека встать в одном ряду с лучшими из мужчин, т. е. нет привычного героического пафоса борца со злом, погибающего на этом поприще.

Заключение

По мнению Ю. Ю. Эрендженовой, «Обряд отрезания „черного языка“ — это защита от экзистенциальных проблем (болезней, неудач в учебе и работе, проблем в личных отношениях, потери

² Выделено мной. — Р. Х.

имущества и т. д.), вербально спровоцированных недоброжелателями. Определено, что в системе буддийских защитных ритуалов обряд отрезания „черного языка“ приобретает черты не столько религиозного действия, сколько духовной практики, совершаемой для обретения буддийской мудрости и развития альтруистической интенции. В том случае, когда верующий не понимает сущности обряда, он прибегает к нему с целью устранения реальных препятствий, якобы спровоцированных другими. И только тогда практика данного обряда обретает видимые противоречия с буддийской этикой. <...> С учетом буддийского подхода к толкованию смысла защитных ритуалов становится очевидной непротиворечивость обряда отрезания „черного языка“ буддийской этике. При такой интерпретации и соответствующем практическом применении защитный обряд может быть одним из способов личностного развития верующих» [Эрендженова 2022: 777–778].

В лирике Владимира Нурова обращение к фольклорной традиции жанров благопожелания (*йөрөл*) и проклятия (*харал*) в стихотворении «Йөрөл болн харал» (1973) демонстрирует авторское отношение к философемам добра и зла в жизни человека с опорой на народное мировоззрение и мироощущение, на калмыцкую поговорку о сути этих двух дилемм. Во втором стихотворении «*Хар кел керчүлнэв*» («Я разрезаю черный язык», 1980) поэт апеллирует к древнему обряду монголоязычных народов — к защитной ритуальной практике снятия плохого вербального воздействия и сглаза на жизнь человека, к обряду «отрезания черного языка». Характерно при этом, что в текстах не используются формулы проклятий, не приводится описание данного обычая предков. Тем не менее, в калмыцкой лирике прошлого столетия второе стихотворение В. Д. Нурова является, насколько нам известно, единственным в таком роде.

Если первое стихотворение не переведено на русский язык, то второе стихотворение имеет два перевода, осуществленных в промежутке десяти лет. При этом второй перевод В. А. Шошина можно считать неудачным как по форме, так и по содержанию, а первый перевод Ю. М. Нейман обнаруживает явные расхождения

по структуре текста, так и по включению в первую строфу дополнительных деталей, отсутствующих в оригинале. Стихотворение «Хар кел керчүлнэв», переведенное в разное время Ю. М. Нейман (1981) и В. А. Шошиным (1992), показывает восприятие формы и содержания калмыцкого текста русскими переводчиками в ракурсе имагологии: свой / другой. Фольклорная традиция жанра проклятия в стихотворениях В. Д. Нурова трансформирована в фило-софском дискурсе, не воспроизводит формул проклятий, определенных действий, несмотря на то, что во втором стихотворении указан, но не описан обряд «отрезания черного языка». Калмыцкая пословица о благопожелании и проклятии, введенная в первое стихотворение, становится отправной точкой авторских размышлений о добре и зле.

Оба произведения калмыцкого поэта созданы в атеистическую эпоху советской поэзии, когда внимание к религиозной теме не поощрялось, а литераторы не особенно демонстрировали свои конфессиональные предпочтения ни в жизни, ни в творчестве, имея те или иные знания в определенной области.

Источники

Информант М. Б. Б., 1970 г. р., дербетка.

Информант Х. Н. С., 1953 г. р., дербет.

Литература

Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 161–200.

Басңа М. 1962 — Басңа М. Харал // Антология калмыцкой поэзии / сост. С. К. Каляев, И. М. Мацаков, Л. С. Сангаев. Элиста: Калмгосиздат, 1962. С. 192.

Бичеев 2006 — *Бичеев Б. А.* Хар келнэ судр оршв // *Очиргов Н.* Живая старина / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 359–361.

Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 87–101.

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Борджанова 2011 — *Борджанова Т. Г.* Жанр проклятий у калмыков и обрядники «отрезание черного языка» // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 253–260.
- Жижэн 1994 — *Жижэн Э.* Краткий калмыцко-русский словарь «Угин эрке». Элиста: АПП «Джангар», 1994. 190 с.
- Котвич 1972 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 91 с.
- Көглтин Д. 1982 — *Көглтин Д.* «Кезэнэс нааран эндр күртл...» // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураңһу. Нурвн ботьта. 2-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. X. 170.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Музраева 2018 — *Музраева Д. Н.* Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 2(13). С. 74–85. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85
- Нуров 1973 — *Нуров В.* Йөрэл болн харал // Хальмг үнн. 1973. Октябрин 5. X. 4.
- Нуров 1981 — *Нуров В.* Разрезаю черный язык // Нуров В. Д. Солнечный колодец: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 21.
- Нуров 1992 — *Нуров В.* Отрежь черный язык // Аврора. 1992. № 1. С. 36–37.
- Нуура В. 1976 — *Нуура В.* Йөрэл болн харал // Нуура В. Булгин амтн: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. X. 74–75.
- Нуура В. 1980 — *Нуура В.* «Хар кел керчүлнэв» // Нуура В. Улан ханзһта залус: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1980. X. 20–21.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36.
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Йорэлы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» — у калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 33–36.
- Саңһжин Б. 1967 — *Саңһжин Б.* Харал // Саңһжин Б. Үннд үкл уга: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 44–46.
- Саңһжин Б. 1991 — *Саңһжин Б.* Харал // Хальмг үнн. 1991. Хөн сарин 29. X. 3.
- Сангаджиева 2022 — *Сангаджиева Б.* Харал // Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 429–430.

- Саңҗин Б. 1997 — *Саңҗин Б. Харал* // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 6. X. 4.
- Сусеев 1967 — *Сусеев А. Цаһачудыг харасн харал* // Сусеев А. (Дендэн Айс). Дууна дееж: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 34–36.
- Фразеологический словарь 1978 — Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. 3-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
- Фразеологический словарь 2019 — Фразеологический словарь калмыцкого языка / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: РИА «Калмыкия», 2019. 286 с.
- Ханинова 2022а — *Ханинова Р. М. Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в.* // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440
- Ханинова 2022б — *Ханинова Р. М. Жанр харал в лирике Аксена Сусеева* // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века: Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» Мат-лы XIV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (20–21 апреля 2022 г., г. Пятигорск) / под ред. А. М. Казиевой. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Эрендженова 2022 — *Эрендженова Ю. Ю. Обряд отрезания «черного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований)* // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 777–787. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787

Экфрасис в современной калмыцкой поэзии (монумент Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение»)

Римма Михайловна Ханинова¹, Эльза Гаряевна Валетова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., Валетова Э. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Актуальность и новизна исследования обусловлены малоизученностью экфрасиса в творчестве калмыцких поэтов на тему депортации, ссылки и возвращения народа (1943–1957). *Цель* статьи определяется выявлением функции экфрасиса в поэзии, адресованной этому историческому периоду. Объектом исследования стали поэмы народного поэта Калмыкии Е. А. Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (1997) и «„Маска Скорби“ бумб» (1996), посвященные монументам Э. И. Неизвестного в Элисте и Магадане. Кроме того, стихи Р. М. Ханиновой, В. Н. Лиджиевой, В. Г. Хотлина, П. А. Дарваева. Предмет исследования — экфрасис в современной калмыцкой поэзии на тему исторической памяти. *Методы:* историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, описательный. *Результаты.* В современной калмыцкой поэзии тема монумента, созданного Э. И. Неизвестным, в Элисте отражена в двух поэмах Егора Буджалова, а также в стихотворениях русскоязычных калмыцких поэтов Риммы Ханиновой «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентины Лиджиевой «Монолог

отца» (1997), Валерия Хотлина «Исход» (1998) и Петра Дарваева «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). *Выводы.* Несмотря на то, что Е. А. Буджалов создал две указанные поэмы, будучи на открытии данных монументов известного скульптора в Магадане и Элисте, экфрасис в его произведениях описан минималистскими приемами, лаконично, сюжетообразующая функция экфрасиса как скульптурного артефакта заключается в отправном стимуле для размышлений автора, пережившего сибирскую ссылку, на тему геноцида народов в эпоху сталинских репрессий. Стихи русскоязычных калмыцких поэтов, родившихся в период или на исходе сибирской ссылки, П. А. Дарваева, В. Г. Хотлина, Р. М. Ханиновой, или после возвращения народа на родину, В. Н. Лиджиевой, в разной мере являют экфрасис — вербальное воссоздание монумента в связи с его автором. На родном языке калмыцкие поэты, судя по всему, не запечатлели в своей лирике столь значимое событие, вероятно, из-за сложности воспроизведения такого артефакта через призму экфрасиса.

Ключевые слова: экфрасис, монумент «Исход и Возвращение», скульптор Эрнст Неизвестный, современная калмыцкая поэзия, депортация, сибирская ссылка, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Валетова Э. Г. Экфрасис в современной калмыцкой поэзии (монумент Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 152–173. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-152-173

Ekphrasis in Contemporary Kalmyk Poetry: Exodus and Return Memorial by Ernst Neizvestny

Rimma M. Khaninova¹, Elsa G. Valetova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., Valetova E. G., 2022

Abstract. *Introduction.* The relevance and novelty of the study be determined by that Kalmyk poetic ekphrases dealing with the deportation, exile and return of the people (1943–1957) remain underinvestigated. *Goals.* The article aims to identify the function of ekphrasis in poetry addressing the mentioned historical period. *Materials and methods.* The work focuses on two poems of Kalmykia’s national poet Ye. Budzhalov — Exodus and Return (Kalm. Буйслһн болн Босхлһн, 1997) and The Mask of Sorrow (1996) — dedicated to the monuments of E. Neizvestny in Elista and Magadan, these be supplemented with poems by R. Khaninova, V. Lidzhieva, V. Khotlin, and P. Darvaev. The subject of research is ekphrasis in contemporary Kalmyk poetry on the topic of historical memory. The employed methods include the historical / literary, historical / functional, comparative, and descriptive ones. *Results.* In contemporary Kalmyk poetry, the theme of the Elista-based monument created by E. Neizvestny is reflected in two poems by Yegor Budzhalov, as well as in narratives of other Russian–language Kalmyk poets, such as Rimma Khaninova (Neizvestny — A Requiem Two Steps away from the One Who Authored the Exodus and Return Memorial, 1996), Valentina Lidzhieva (Monologue of the Father, 1997), Valery Khotlin (Exodus, 1998), and Pyotr Darvaev (To the Exodus and Return of Ernst Neizvestny, 2009). *Conclusions.* Despite that Ye. Budzhalov created the two poems having attended the opening ceremonies of those monuments by the renowned sculptor in Magadan and Elista, ekphrasis in his works is reduced to some minimalist and laconic techniques, its plot-forming function as one depicting the sculptural artefacts serving rather a starting point for the author’s thoughts on personal experiences of the Siberian exile and ethnic genocides in the era of Stalinist repressions. The poems of the Russian–language Kalmyk poets born during and at the end of the Siberian exile (P. Darvaev, V. Khotlin, R. Khaninova), or after the people’s return to their homeland (V. Lidzhieva) articulate ekphrasis to varying degrees — through verbal depictions of the monument in connection with its author. So, the Kalmyk poets have evidently created no mother-tongue ekphrases to capture such a significant event, which may be explained by that the artefact is

actually too difficult to describe through the prism of ekphrasis and its tools.

Keywords: ekphrasis, monument Exodus and Return, sculptor Ernst Neizvestny, contemporary Kalmyk poetry, deportation, Siberian exile, historical memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M., Valetova E. G. Ekphrasis in Contemporary Kalmyk Poetry: Exodus and Return Memorial by Ernst Neizvestny. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 152–173. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-152-173

Введение

Тема депортации, ссылки и возвращения калмыцкого народа (1943–1957) в современной калмыцкой поэзии нашла отражение и в мотиве экфрасиса. В столице Республики Калмыкия Элисте 29 декабря 1996 г. был установлен монумент «Исход и Возвращение», посвященный жертвам политических репрессий (архитектор С. Е. Курнеев, скульптор Э. И. Неизвестный).

В начале 1990-х гг. в Калмыкии был объявлен конкурс на лучший проект такого памятника. Среди предложенных проектов — журавли, стремящиеся на родину, субурган-мавзолей [Воронова 1996а: 5]. Лучшим был признан проект Эрнста Иосифовича Неизвестного (1925–2015), скульптора, художника, участника Великой Отечественной войны, жившего тогда в США. Скульптор начал работу над монументом «Исход и Возрождение» в 1994 г. «На встрече с творческой интеллигенцией, общественностью республики Э. Неизвестный поделился тем, каким ему видится памятник: „Прежде всего, он должен быть монолитным, ибо выразит единую скорбь, единое страдание калмыцкого народа“» [Поканинова 1996: 2]. По словам курирующей проект Е. Б. Поканиновой, Э. И. Неизвестный в процессе работы сказал следующее: «Работая над монументом „Исход и Возвращение“ и изучая вашу историю и традиции, я проникся болью трагедии, которую пережил ваш народ, железная социальная и технологическая машина пыталась

уничтожить людей, их веру, их культуру, саму их природу<...> Великая религиозная и духовная традиция дала возможность вашему народу проломить холодную стену системы и вернуться на свою землю, к своей природе, пронести сквозь испытания свою веру. Я прошел в моей работе ваш путь изгнания и возвращения» (цит. по: [Воронова 1996а: 5]).

Была проделана большая подготовительная работа по устройству мемориального комплекса, сам монумент был отлит из бронзы [Хаптаханова 1996: 1–2]. Под ним заложена капсула с землей из сибирских городов, привезенной участниками «Поезда памяти» [Ханинова, Валетова 2022: 142]. Композиция мемориала «Исход и Возвращение» включает несколько объединяющих элементов: собственно памятник «Исход и Возвращение» на вершине кургана, старый железнодорожный вагон и мемориальная плита. «По словам архитектора С. Е. Курнеева, он учитывал желание скульптора об установлении памятника на естественном кургане в степи. Такой свободный участок, но без кургана, нашелся в восточном жилом массиве, на улице Н. С. Хрущева¹, чье имя значимо для калмыков...» [Поканинова 1996: 2]. Подъем к монументу на кургане осуществляется по спиралевидной дороге, повторявшей обряд обхода буддийского хурула по часовой стрелке. Дорога к памятнику начинается с вагона, установленного на железнодорожном полотне: в товарных вагонах людей перевозили к местам пребывания. На левой стороне рельсов установлены четырнадцать гранитных столбиков по числу годов (1943–1957 гг.), когда калмыцкий народ находился в ссылке. «Так, по идее создателей, отмечен трудный период несправедливой ссылки. В конце рельсовой дороги, „дороги в никуда“, у основания кургана установлена мемориальная плита, где высечен отрывок из стихотворения „От правды я не отрекался“ Давида Кугультинова²» [Сангаджиева 2020: 311].

¹ Никита Сергеевич Хрущев — первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964 гг.).

² Фрагмент поэмы «Үннэсн цөкрсн угав» (1963) Д. Н. Кугультинова в русском переводе Ю. М. Нейман.

Экфрасис и его функция в современной калмыцкой поэзии: памятник Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение»

В современной калмыцкой поэзии образ данного памятника нашел отражение в поэме Народного поэта Калмыкии Егора Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (в русском переводе В. Н. Лиджиевой «Исход и Возвращение», 1997), а также в стихотворениях русскоязычных калмыцких поэтов Риммы Ханиновой «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентины Лиджиевой «Монолог отца» (1997), Валерия Хотлина «Исход» (1998) и Петра Дарваева «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009).

Эти примеры экфрасиса и выявление его функции в указанных произведениях калмыцких поэтов не были объектом и предметом исследования.

Об экфрасисе в калмыцкой прозе о депортации и сибирской ссылке написана статья Р. М. Ханиновой совместно с Д. А. Ивановой, Э. Б. Очировой «Экфрасис в рассказе А. Балакаева „Три рисунка“», в которой исследователи подчеркивают, что «визуальное (экфрасис) в рассказе Алексея Балакаева тесно взаимодействует с вербальным компонентом, усиливая художественный эффект и идею произведения» [Ханинова, Иванова, Очирова 2014: 96]. Кроме того, калмыцкий экфрасис в повести «Декада» С. И. Липкина изучен в статье Р. М. Ханиновой [Ханинова 2016].

Как известно, «экфрасис — это риторическая фигура, означающая описание визуальных объектов (реальных или вымышленных), особенно визуальных произведений искусства» [Шкаренков 2008: 301]. Л. Геллер отмечает, что «экфрасис — это жанр словесного представления отдельных или собранных в галереях произведений изобразительного искусства. Внутри литературных произведений других жанров это риторико-нарратологический прием задержания действия, отступления, которое состоит в живом изображении какого-нибудь предмета; позже таким предметом по преимуществу стал художественный объект» [Геллер 2013: 45].

Егор Андреевич Буджалов (1929–2009) четырнадцатилетним мальчиком вместе с семьей был выслан в Сибирь 28 декабря 1943 г. Об этом трагическом периоде он рассказал в интервью 2004 г. «Вновь перелистывая...» [Бюрчиев 2004]. В разное время поэт отдал дань этой теме также в стихотворениях «Канскд болсн йовдл» («Я в Канске жил...»), «Сивр» («Сибирь»), «44 жилин хавр» («Весна 44-го года»), в поэмах «"Маска Скорби" бумб» («Монумент "Маска Скорби"»), «Үүдэн тээлтн, хальмгуд!» («Двери настезь, калмыки!»), повести в стихах «Эмд үлдхин төлэ» («Чтобы остаться в живых») и др.

Поэма «Буйслһн болн Босхлһн» (букв. «Вымирание и Возрождение») вначале опубликована в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 4 марта 1997 г. [Буджала Е. 1997а: 2], в том же году напечатана в седьмом номере журнала «Теегин герл» («Свет в степи») [Буджала Е. 1997б: 4–11], в авторской книге «Дурн делкэг залтха» («Пусть любовь правит миром») [Буджала Е. 2008: 296–324].

Валентина Лиджиева осуществила русский перевод поэмы, включенный в сборники стихов и поэм Егора Буджалова «Исход и Возвращение» в 1997 г. [Буджалов 1997а: 24–38], «Двери настезь, калмыки!» [Буджалов 1997б: 268–284]. В русском переводе заглавие поэмы отсылает прежде всего к названию памятника, что подчеркивается кавычками. В оригинале заглавие произведения шире в своей исторической парадигме. Существительное *буйслһн* имеет два значения: 1) вырождение, 2) отмирание, образованное от глагола *буйсх* в следующих значениях: 1) кончаться, прекращаться; уничтожаться, а также 1) вырождаться, 2) отмирать [КРС 1977: 117], ср. *буйсалһн* ‘похороны’ [КРС 1977: 117], существительное *босхлһн* от глагола *босх* означает поднимание, подъем [КРС 1977: 112]. Таким образом, заглавие поэмы можно прочитать, например, как «Вымирание и Возрождение».

Е. А. Буджалов написал поэму спустя два месяца после установления в Элисте мемориального комплекса «Исход и Возвращение», на открытии которого он присутствовал.

В предисловии к буджаловской книге «Исход и Возвращение» Народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев отметил читательский интерес к этому произведению: «Поэт избрал строго повествовательную, документальную форму изложения, которая в деталях, зримо изображает события, происходившие во время исторического открытия памятника „Исход и Возвращение“, позволяет читателю пройти вслед за ним по трудным, суровым дорогам немеркнувшего прошлого» [Эльдышев 1997: 6].

Небольшая по объему поэма состоит из 732 строк («лестничная» структура), поделена на семь неравномерных частей, без числового обозначения (ср. в переводе 6 частей, обозначенных арабскими цифрами, 568 строк без «лесенки»). В подзаголовке указан жанр произведения — поэма. В заголовочно-финальном комплексе поэмы нет эпиграфа, посвящения, не обозначены место и время написания.

Повествование в поэме ведется от первого лица. Поэт подробно рассказывал историю создания памятника, его установку, о морозной погоде, об участниках церемонии открытия, автобиографически вспоминая холодный трагический день депортации в Сибирь.

В первой части поэмы открывается картиной искусственно созданного кургана, на котором стоит памятник, ждущий своего открытия: *Элстин захд, һарар кегдсн / Өөдм деер бумб харгдна. / Энүнэ көшг секгдх кем — / Эврэ өдрэн, цаган күлэнэ...* ‘На окраине Элисты на рукотворном кургане виднеется памятник. Он ждет своего дня и часа, когда спадет с него покрывало’³ [Буджала Е. 1997б: 4]. Для автора важно подчеркнуть, кто, где и из какого материала сотворил монумент: *Күңкл скульптор Эрнст Неизвестный / Күрлэр цутхад үүдэсн билэ. / Эрэсэд биш, США-д бумбиг / Алдр урч цутхжс келэ* ‘Мудрый скульптор Эрнст Неизвестный отлил его из бронзы. Великий мастер создал памятник не в России, а в США’ [Буджала Е. 1997б: 4]. К тому времени скульптор почти двадцать лет жил и работал в США, будучи эмигрантом-изгнанником. Это первый штрих эскиза экфрасиса в поэме.

³ Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х., Э. В.

Поэт указал, что памятник создан по инициативе первого Президента Республики Калмыкия Кирсана Илюмжинова. В поэме часто упоминались имена К. Н. Илюмжинова и Э. И. Неизвестного, при этом К. Н. Илюмжинова автор называл по имени или Президент Калмыкии, а Эрнста Неизвестного — только по имени и фамилии (ср. отсутствие этих имен в переводе В. Н. Лиджиевой).

Во второй части поэмы Е. А. Буджалов вспомнил годы, проведенные в Сибири. В день открытия памятника погода была такой же, как и в день выселения калмыков: *Мел шим өрүһәр, өрлэ — / Мел шим задта кемлэ, / Мадниг — цуг хальмг улсиг — / Дулан орндан унтжэ кевтсн / Медэтнр, бичкдүд уга цугтинь / Догшин, хээкрсн дун бохла* ‘В точно такое же раннее утро, в такое же ненастье, нас — всех калмыков, спавших в теплых кроватях, стариков и детей поднял резкий, громкий голос’ [Буджала Е. 1997б: 5]. Поэт назвал проклятым этот черный день (*харалта хар өдр*), который никогда не забудется. Солдаты, участники спецоперации «Улусы», врывались в дома калмыков с криком: *Үүдэн тээлтн, хальмгуд!* ‘Открывайте, двери, калмыки!’, *Бедрх цагтн һучн минут...* ‘Тридцать минут на сборы...’ [Буджала Е. 1997б: 6]. *Фашистнр шигжэ дээһэн экллэ, / Хар өрлэ нуувчар дэврлэ* ‘Фашисты так же начали войну, ранним утром неожиданно напали’ [Буджала Е. 1997б: 6].

Свидетелем трагических событий становится зимний ветер, сочувствующий обездоленным. С помощью приема олицетворения поэт передал слова ветра калмыкам: *Тодлтн! Тодлтн! Сээнэр тодлтн! / Таднла эндр юн учрсинь! / Тадниг гертэстнь яһжэ көөсинь, / Тадн кенд тохржэ одсан... / Тодлтн, хальмгуд, тохм-тохмдан!..* ‘Запомните! Запомните! Хорошо запомните! Что с вами случилось! Как вас выгоняли из домов, в кого вы превратились... Запомните, калмыки, из поколение в поколение!’ [Буджала Е. 1997б: 7].

Третья часть — это размышления поэта о том, сколько боли и страданий перенес калмыцкий народ, о том, что этот памятник станет памятником покаяния. По первоначальному замыслу, открытие мемориального комплекса должно было состояться 28 декабря, в очередную годовщину депортации, но из-за непогоды ме-

роприятие перенесли на следующий день, 29 декабря: *Өврх, һундх, учр уга: / Олн жһилдән күләсн маднд / Маңһдур күртл күләхнь — төрго, / Монумент белн зогсж бәәнә* ‘Не нужно отчаиваться и печалиться: нам, много лет ждавшим, подождать до завтра — не проблема. Монумент уже готов и установлен’ [Буджала Е. 1997б: 8].

Четвертая часть поэмы начинается с митинга, посвященного открытию памятника «Исход и Возвращение», с речи Президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова: — *Тәвн һурвн жһил хоорань / Таңһчин нерн туужд хусгдла. / Келн-әмтнә өрәльн тенд, / Киитн Сиврт хорж одла. / Күрләр кегдсн / эн бумб / Хальмг улсин / туужд учрсн / Күчр зовлң, / бәрсн дишлвр / Хамгиг хамцу / харж хадһлх. / Мана иргч / үйнрин-үйнрт / Мөңк тодлвр / болад зогсх...* ‘Пятьдесят три года назад название республики исчезло из истории. Половина народа погибла там, в холодной Сибири. Сделанный из бронзы этот памятник сохранил в себе тяжкие страдания калмыцкого народа. Он будет вечной памятью для будущих поколений’ [Буджала Е. 1997б: 9].

В пятой части поэмы поэт, вновь вспоминая тяжелые годы ссылки, призывал людей, переживших ад, но выживших, не сплетничать и не завидовать, не стрелять в невиновных, не натравливать народы друга на друга: *Тамд тусад, әмд һарсндан / Таднд келх зөвм иим: / — Ховлдган, үлү үздгән / Хогинь таслж хайтн. / Буру уга әмтиг / Бичә хажә алтн. / Келн улсиг келн улсур / Кезә чигн бичә түкртн* [Буджала Е. 1997б: 9]. И закончил свой призыв в фольклорной традиции йорялом-благопожеланием: *Күмн әмтн төвкнүн бәәтхә. / Кишиг, дурн делгү делгртхә* ‘Пусть все народы живут в мире, счастье и любви’ [Буджала Е. 1997б: 9].

Шестая часть открывается выступлением Эрнста Неизвестного, философски заметившего: *Баахн келн-әмтн гижә / Бүкл делкәд уга. / Болв седкл-сүмсн уга / Баахн әмтн бәәнә* ‘Во всем мире нет малых народов, но есть люди с малыми душами’ [Буджала Е. 1997б: 10]. См. подробнее об этом: [Ипполитова 2006: 4]. Мастер высказал пожелание, как лучше понять замысел его творения: *Һанцхн юм таднас сурнав / Һәәхсн цагтан / уха туңһатн. / Оньган тусхатн, / бичә адһтн. / Экнәс, дәкнәс / эргәд хәләтн...* ‘Единственное, о чем

я вас прошу, когда будете осматривать памятник, думайте, будьте внимательны, не торопитесь, вновь и вновь осматривайте его со всех сторон' [Буджала Е. 1997б: 10].

Описание скульптурной композиции, наконец, появляется в этой, предпоследней части поэмы, когда К. Н. Илюмжинов и Э. И. Неизвестный разрежали ленту у памятника: *Бумбд цутхгдси курл дүрмүд / Цагин холас маднур харна. / Буднд геедрсн туужсин халхас / Царцж одси дүрмүд серна. / Геман эргч эн бумбд / Хальмг улсин зовлц бууж, / Башута цагин һундл, нульмс / Хорж одси дүрмүд хураж...* 'Отлитые в памятнике бронзовые образы из далекого времени смотрят на нас. Из затерянных в тумане страниц истории просыпаются замерзшие образы. В этом памятнике покаяния [скульптор] отобразил страдания калмыцкого народа. Печали горького времени, слезы — он собрал все эти жгучие образы' [Буджала Е. 1997б: 10]. Какие же именно образы воплотил Мастер, поэт не конкретизирует, экфрасис в поэме не развернут, а сжат.

Сравним комментарии из статьи художника Дельгир Сангаджиевой: «Эрнст Неизвестный показывает многочисленные лики и фигуры с максимальным напряжением сил, местами ломая их телесную оболочку. Именно таким, определяющим смысл и суть происходящего образом, выделяются из общей массы головы ревущих лошадей, плачущей овечки — как символ терпимости народа, а также уже безжизненные детские тела. Следы от ног людей, разные по размеру, проникающие сквозь стену, являются отражением идеи реинкарнации всех трагически погибших. <...> В монументе „Исход и возвращение“ тема смерти, насилия и преодоления страданий выражена в многочисленных безжизненных масках и черепах, в остроконечных абстрактных элементах, подобных штыкам и оружию. Тема победоносности жизни представлена в скульптуре изображениями стилизованного лотоса, элементами народного орнамента, а также доминирующим рельефным изображением динамичного табуна лошадей. Находящийся рядом череп под копытами — это символ прошлого, из которого вырастают живые цветы настоящего и будущего. Момент рождения младен-

ца, символы солнца и воды выступают в работе как олицетворение возрождения народа, надежды на лучшее будущее» [Сангаджиева 2020: 314–315].

Е. А. Буджалов не указал в своем экфрасисе и размеры памятника, когда «на пространстве площадью 25 кв. метров в полной мере раскрывается вся мощь и образность бронзового памятника, где общая высота совместно с постаментом составляет 4 метра, а ширина — 9 метров. Высота скульптуры составляет 2,74 метра, длина — 5,33 метра, ширина — 2,21 метра» [Мемориал 2004: 31].

«Композицию кургана со спиралевидной дорогой на нем следует рассматривать как маркер древней родины в соответствии с символикой центра мира, которая по вертикали имеет троичное членение», а постамент скульптуры, облицованный со всех сторон бульжными камнями, обозначающими сакральные места обрядов поклонения хозяевам земли и покровителям местности, демонстрирует, как «в этом мемориале воплощены в единой композиции древние традиции народа и принципы современной монументальной скульптуры как пространственного вида искусства», — считает художник [Сангаджиева 2020: 310].

Поэт сравнил бронзовый памятник с эпосом: *Эн бумб / хальмг амтнд / курлэс цухгдсн / Эпос мет* [Буджала Е. 1997б: 11]. Возможно, имеется в виду калмыцкий героический эпос «Джангар» или эпохальность замысла и воплощения монумента. Размышляя о необходимости такого памятника для народа, автор сравнивает его с освобождением, называя вечной памятью для потомков: *Эн бумб / олнд кергтэ / Элвг герлтэ. / Сулдхвр мет. / Энтн мана / зовлн, өвдквр. / Энтн үйнрт / мөңк тодлвр!* [Буджала Е. 1997б: 11].

В последней части поэмы при взгляде на памятник поэту слышался перестук вагонов, хохот колес, предсмертные стоны людей, плач детей. Заканчивается поэма риторическими вопросами: *Ямаран орн-нутгт бидн / Янжэ тесжэ амд бээсмб?! / Кергэрн, амэрн, ухан-седклэрн / Кенд бидн церглэжэ бээсмб?!* ‘В какой же стране мы жили?! Делами, жизнью, душой кому мы служили?!’ [Буджала Е. 1997б: 11]. Таким открытым финалом, способствующим со-

размышлениям, со-переживаниям читателей, Е. А. Буджалов как бы пересматривает свое отношение к советскому прошлому, к истории страны и народов.

В поэме поэт использовал два обозначения творения Э. И. Неизвестного: калмыцкое слово *бумб* (1) памятник, 2) монумент) и безэквивалентное русское существительное «монумент», в то же время ни разу не передал название памятника ни по-русски, ни в калмыцком переводе. Ср. в его поэме «„Маска Скорби“ бумб» (1996).

В заметках на калмыцком [Буджала Е. 1997в: 2] и на русском языках, обращаясь к согражданам, Е. А. Буджалов подчеркнул, что «памятник посвящен не персональному герою, не группе людей, а целому народу, его истории. <...> Он глубок по содержанию, широк по охвату времени, богат образами. Он будоражит воображение и заставляет не просто созерцать, а размышлять» [Буджалов 1997в: 3].

До создания поэмы «Буйслһн болн Босхлһн» Егор Буджалов написал маленькую поэму «„Маска Скорби“ бумб» («Монумент „Маска Скорби“»). Она напечатана в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 28 декабря 1996 г. В русском переводе Лии Петровой⁴ опубликована в сборнике поэта «Исход и Возвращение» в 1997 г. Это стихотворение о памятнике Э. И. Неизвестного «Маска Скорби», посвященном жертвам сталинских репрессий и установленном 12 июня 1996 г. на сопке Крутая близ города Магадана. Вместе с небольшой калмыцкой делегацией поэт побывал на открытии этого монумента, о чем рассказал в интервью Б. Н. Бюрчиеву, заметив, что «путь к монументу через память лежит» [Бюрчиев 2004: 5]. Интересно, что на выставке там Е. А. Буджалов видел стенд с письмами, документами, книгами репрессированного в 1937 г. калмыцкого поэта Хасыра Сян-Белгина (1909–1980), десять лет проведенного в лагерях ГУЛАГа. Но в магаданской поэме он об этом не упоминает, хотя, казалось бы, этот калмыцкий мотив был бы уместен, если не сказать, что ценен.

⁴ Петрова Лия — псевдоним Щегловой Лилии Ивановны.

Поэма состоит из четырех небольших частей, разделенных арабскими числами. По содержанию перевод Л. Петровой в основном совпадает с оригиналом, но это уже три части, но без строфической «лесенки», использованной автором, кроме того, нет цитаты-посвящения Мастера («Эрнст Неизвестный — / Неизвестным во рвах...») [Буджалов 1997б: 39–41].

Первые три части являются подступом к рассказу о монументе: магаданская земля, ставшая концентрационным лагерем для разных «врагов народа» страны, общей могилой у сопки Крутая. Здесь экфрасис так же, как и в поэме, минимизирован, выполняя сюжетную функцию. В четвертой части поэт написал: *Магаданд, нигт будн дотр / Крутая нертә / уул күринә. Тер уулын ора дернь / «Маска Скорби» / бумб зогсжана* ‘В Магадане среди густого тумана гора Крутая возвышается. На ее вершине стоит монумент «Маска Скорби»’ [Буджала Е. 1996: 3]. Этот памятник, указывает поэт, Эрнст Неизвестный посвятил всем убитым здесь: *Эн бумбиг / Эрнст Неизвестный / Энд үксн әмтнд нерәдј* ‘Эрнст Неизвестный — / Неизвестным во рвах...’ [Буджала Е. 1996: 3], т. е. цитируется на русском языке адресация скульптора, обыгрываются фамилия Мастера и безымянность жертв политических репрессий. Здесь нет никакого описания монумента — ни общего, ни детального, кроме посвящения мастера. Между тем замысел художника воплощен в символических образах, таких как слеза из одного глаза, тюремная оконная решетка в другом глазу, казненный без головы на кресте, ряд лиц и лестниц... Только в конце поэмы, характеризуя скульптора, Буджалов называет его великим, а его творение — *дүмбр бумб, сүртә бумб* (величественный монумент, исключительный памятник). В отличие от второй поэмы в первой поэме дано название монумента по-русски в заголовке и в самом тексте.

Следовательно, в обеих буджаловских поэмах, в которых принята попытка создания экфрасиса в ракурсе двух монументов Э. И. Неизвестного, адресованных трагическим страницам истории страны, экфрасис, выполняя сюжетообразующую функцию, предельно лаконичен в пространственной парадигме произведений.

Экфрасис в русскоязычной калмыцкой поэзии: «Исход и Возвращение» Э. И. Неизвестного

Тема памятника «Исход и Возвращение» среди русскоязычных калмыцких поэтов представлена несколькими стихотворениями: Римма Ханинова «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентина Лиджиева «Монолог отца» (1997), Валерий Хотлин «Исход» (1998) и Петр Дарваев «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009).

Римма Ханинова первой из калмыцких поэтов обратилась к теме памятника Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение» 26 декабря 1996 г., еще до открытия монумента. Стихотворение в жанре реквиема состоит из 103 строк, структурированных «лесенкой» (в первой публикации текст дан редколлегией газеты без «лесенки» [Ханинова 1997а: 9]). Название и лестничная структура определены диалогом с поэтом Андреем Вознесенским, посвятившим еще в 1964 г. своему другу Эрнсту Неизвестному стихотворение «Неизвестный — реквием в двух шагах, с эпилогом» [Вознесенский 2008: 115–117]. Цитата («Я чувствую, как памятник / ворочается в тебе» [Вознесенский 2008: 117]) из этого стихотворения стала камертоном для калмыцкого поэта. «...Когда убитый за родину / в Австрии / наповал / и по ошибке / сброшен / был / с трупами Эрнст / в подвал, / Памятник не унимался, / ворочался, / Вечность дробя, / и выросал / из тела / Эрнстова, / из себя» [Ханинова 1997б: 177–178]. Рождение памятника равносильно рождению младенца — от зачатия-замысла, созревания в утробе матери / мастера до выхода на свет: «Он, / как младенец, / множил / боль, / состраданье, / крик — / так, / может быть, / ожил / там лейтенант. / С ним» [Ханинова 1997б: 178]. Предназначение стать скульптором с мировым именем наперекор смерти определило судьбу Мастера. Незванный памятник как вообще памятник (монумент), в том числе «Исход и Возвращение», как творение рук человека — противостояние бытия небытию, жизни над смертью, духа над брэнной плотью. Несмотря на то, что мемориальный комплекс «Исход и Возвращение» был

открыт 29 декабря 1996 г., не было еще его фотографий, отдельные детали отмечались накануне в газетных публикациях [Воронова 1996б: 1; Правда в металле 1996: 3 и др.], Р. М. Ханиновой удалось описать его, актуализируя философскую парадигму замысла и воплощения архитектором и скульптором. «Люди, / цветы / и / звери, / Вечности / вам / Врата: / двери / распяты / настезь — / из прошлого, / из декабря... / Шар головы и планеты, / Вечности колесо, / ссылка / и / возвращенье, / спицы, / руки, / лицо... / Бронза загара / и / Вечности — / Будда познаем велик — / Вновь / уплывают / в Млечности / и субурган, / и калмык. / Рельсы, / дорога памяти — / скорбный путь на восток... / Смерти / и / Жизни / маятник — формы и сути рок...» [Ханинова 1997б: 179–180].

Ср. описание памятника журналистом Е. Вороновой накануне его открытия 17 декабря 1996 г.: «В скульптуре мы можем увидеть множество лиц, среди них Эрнст Неизвестный сознательно поместил лики К. Н. Илюмжинова, Д. Н. Кугультинова, Е. Б. Поканиновой и многих других людей. Также мы увидим голову Будды — спокойную, погруженную в себя полуулыбку. Это сила вечности. Перед лицом Будды — лотос, священный цветок, отрезанный дьявольским мечом. Душа у лотоса — женская. В лотосе — зародыш, спящий ребенок. Мы увидим огромное количество людей, берущих с собой предметы буддийского культа. Их лица обращены вниз, к железным шипам безжалостной машины. Чаша их страданий переполнена и испита. Далее мы увидим Возвращение — прорыв сквозь стену, сквозь металл обратно, на свою землю. Над головой человека — скульптура Кентавра, символ Э. И. Неизвестного, означающий единство человека и природы. Он показывает, как народ един с природой в своем мировоззрении. С обратной стороны — раскрывшийся огромный лотос. Здесь все символично. Табун лошадей, несущийся по родным просторам; колесо — знак вечного движения. Огромная лошадь олицетворяет собой природную силу движения, она сильна, как ветер. Череп под копытами — это прошлое, из которого вырастают живые цветы настоящего и будущего. В центре вращения вечного колеса движения спит эм-

брион. Есть в скульптуре и маленькие фигурки, например, из яйца выходят две маленькие ладошки в форме лотоса. То есть, все в композиции метафорично, все взывает к чувствам, историческому опыту и своим корням» [Воронова 1996б: 1].

Если в стихотворении Р. М. Ханиновой использована диалогическая форма, то в стихотворении В. Н. Лиджиевой — монологическая. Это «Монолог отца», пережившего сибирскую ссылку и увидевшего теперь монумент Мастера. Семь четверостиший — это в основном размышления и переживания старого человека, причем патетический стиль не соответствует лирическому субъекту-калмыку. Лишь в конце стихотворения отдельные детали являют попытку экфрасиса: «Он отлит из бронзы, на века. / Он согрет душою президента. / А большого Мастера рука / Вылепила тело монумента. // На кургане высится оно — Нынешнего времени творенье. / В прошлый мир раскрытое окно — / Памятник „Исход и Возвращенье“» [Лиджиева 1997: 58]. Сведения о материале памятника, об инициативе творческого замысла, о местонахождении на кургане передают штрихами эскиз экфрасиса. Неудачная метафора памятника как окна в прошлое, учитывая монументальность комплекса, также не отвечает ментальности в монологе старого человека.

Стихотворение В. Г. Хотлина (1951–2018) в заглавии сохраняет лишь одно слово из названия памятника Э. И. Неизвестного «Исход» с посвящением: «Бабушке моей и Эрнсту Неизвестному посвящается» (1998) [Хотлин 1998: 9]. Поэт, воссоздавая историю депортации и ссылки калмыков, своей родни, обращается к скульптору («господин Неизвестный») с риторическими вопросами: как он смог проникнуться болью чужой, что кажется — был он рядом с ними в ссылке, в Широклаге, стал своим. Но все же автор не может разгадать секрет творца: «Каким образом боль и печаль тех дорог / Переплавить смогли Вы в металл?» [Хотлин 1998: 9]. Это стихотворение-посвящение также не дает ни названия, ни описания монумента, ограничиваясь указанием, что он стоит на кургане («Я сегодня пойду на известный курган / Помолиться и вспомнить дорогу»). Мотив преемственности поколений поэт передал в кон-

це текста: «Это было, конечно, не с нами, — / С нашим дедом, с нашим отцом. / Но, когда, обласканный Богом, / Я начну забывать беду, / Помолиться и вспомнить дорогу / Я детей на курган приведу» [Хотлин 1998: 9].

Заглавие небольшого стихотворения Петра Дарваева (1947–2017) указывает адресат: «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). Несмотря на то, что в заглавии заявлен экфрасис, в самом тексте он не показан. Неудачно начальное сравнение: «Как стон мольбы о всепрощенье, / Над степью памятник парит» [Дарваев 2009: 292]. Метафизический стон мольбы и физическая субстанция монумента, парящего над степным пространством, никак не вписываются в вербальную картину экфрасиса. Кроме того, неправильное определение материала скульптурного сооружения (гранит, а не бронза) вызывает недоумение фактической небрежностью поэта: «Парит гранит» [Дарваев 2009: 292]. Парение памятника у автора обусловлено метафорой: «В нем душ исход и возвращенье / Святой лампадою горит» [Дарваев 2009: 292]. Инверсия (ср. исход и возвращенье душ) отсылает к идее реинкарнации, как и мольба о всепрощении — к буддийским постулатам. Но ведь суть творческого замысла мемориального комплекса заключается в другом — не всепрощение, а память и покаяние. Память о погибших в период депортации и ссылки, не выживших, не доживших до возвращения на родину. Покаяние причастных к геноциду народов страны, чтобы не повторялись трагические уроки прошлого. Поэтому название монумента «Исход и Возвращение» являет идею правды жизни, ее победу над смертью и ложью о народах-предателях. Неуместной представляется и рифменная параллель (ледяная стужа и звездные кружева) в отношении жертв ссылки: «В нем [в памятнике] души тех, кто в лютой стуже / В краях далеких полегли, / Кто, вырвавшись из звездных кружев, / Пришли на зов родной земли» [Дарваев 2009: 292].

Итак, заглавия четырех стихотворений русскоязычных калмыцких авторов в разной степени демонстрируют связь с памятником и его автором: 1) «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996),

2) «Монолог отца» (1997), 3) «Исход» (1998), 4) «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). Экфрасис представлен лишь в первом стихотворении. Все тексты являют разные формы диалогической или монологической речи. Большая часть этих произведений создана в ближайшем временном промежутке. Кроме В. Н. Лиджиевой, остальные авторы родились во времена или на исходе сибирской ссылки, это поколение сибирских детей.

Заключение

Экфрасис в современной калмыцкой поэзии о депортации, ссылке и возвращении заявлен в поэме Егора Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (1997), созданной на родном языке и переведенной на русский язык В. Н. Лиджиевой, в четырех стихотворениях калмыцких русскоязычных поэтов: «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“», с эпилогом» (1996) Риммы Ханиновой, «Монолог отца» (1997) Валентины Лиджиевой, «Исход» (1998) Валерия Хотлина, «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009) Петра Дарваева. Стихотворений, написанных на калмыцком языке, на эту тему с мотивом экфрасиса не выявлено.

Все авторы так или иначе принадлежат к разным поколениям, высланных в Сибирь в отроческом возрасте или родившихся в ссылке, за исключением В. Н. Лиджиевой.

Все они знакомы с артефактом Э. И. Неизвестного в Элисте, а Е. А. Буджалов — еще и с монументом Мастера «Маска Скорби» (1996) в Магадане. Личностное отношение поэтов к событиям отечественной истории, в том числе калмыцкого народа (1943–1957), к мемориальному комплексу «Исход и Возвращение» (1996) повлияло на создание указанных произведений после открытия Мемориала и опубликованных в газетах, журналах, книгах.

Как правило, экфрасис памятника выполняет сюжетобразующую функцию, становясь отправной точкой для авторских размышлений и переживаний, выраженных в диалогической или монологической форме, в жанрах поэмы, реквиема, посвящения калмыцких поэтов. Наиболее полно скульптурный экфрасис пред-

ставлен в стихотворении Р. М. Ханиновой, прочитанном автором в присутствии Э. И. Неизвестного в Калмыцком государственном университете накануне открытия мемориального комплекса в Элисте. Эти стихотворения Р. М. Ханиновой, В. Н. Лиджиевой, В. Г. Хотлина были переданы Е. Б. Поканиновой Э. И. Неизвестному при последующей встрече в США.

Источники

- Буджала Е. 1996 — *Буджала Е.* «Маска Скорби» бумб // Хальмг үнн. 1996. Туула сарин 19 (28 дек.). X. 3.
- Буджала Е. 1997a — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 25 (4 марта). X. 2.
- Буджала Е. 1997б — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Теегин герл. 1997. № 7. X. 4–11.
- Буджала Е. 2008 — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Буджалов Е. А. Пусть любовь правит миром: повесть в стихах, поэмы, стихотворения. На калм. яз. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. X. 296–324.
- Буджалов 1997a — *Буджалов Е.* «Исход и Возвращение» // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 24–38.
- Буджалов 1997б — *Буджалов Е.* Монумент «Маска Скорби» // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 39–41.
- Вознесенский 2008 — *Вознесенский А. А.* Тьмать. М.: Время, 2008. 608 с.
- Дарваев 2009 — *Дарваев П.* Памятнику Эрнста Неизвестного «Исход и Возвращение» // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 293.
- Лиджиева 1997 — *Лиджиева В.* Монолог отца // Муянова Б., Лиджиева В., Ханинова Р. День влюбленных: сб. стихов. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 57–58.
- Ханинова 1997a — *Ханинова Р.* Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента «Исход и Возвращение», с эпилогом // Известия Калмыкии. 1997. 18 января. С. 9.
- Ханинова 1997б — *Ханинова Р.* Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента «Исход и Возвращение», с эпилогом // Муянова Б., Лиджиева В., Ханинова Р. День влюбленных: сб. стихов. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 177–181.
- Хотлин 1998 — *Хотлин В.* Исход // Известия Калмыкии. 1998. 26 декабря. С. 9.

Литература

- Буджала Е. 1997в — *Буджала Е.* Нашудлһна бумб — мана тууж болн тодлвр // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 25 (4 марта). X. 2.
- Буджалов 1997в — *Буджалов Е.* «Исход и Возвращение» — наша история, наша память // Известия Калмыкии. 1997. 19 марта. С. 3.
- Бюрчиев 2004 — *Бюрчиев Б.* Вновь перелистывая... // Известия Калмыкии. 2004. 4 сентября. С. 5.
- Воронова 1996а — *Воронова Е.* Я прошел в моей работе ваш путь «изгнания и возвращения» // Знамя Октября. 1996. 14–17 декабря. С. 5.
- Воронова 1996б — *Воронова Е.* Эрнст Неизвестный в ожидании встречи // Известия Калмыкии. 1996. 17 декабря. С. 1.
- Геллер 2013 — *Геллер Л.* Экфрасис, или обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сб. статей / сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 45–60.
- Ипполитова 2006 — *Ипполитова Н.* Откровения великого мастера // Известия Калмыкии. 2006. 8 апреля. С. 4.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз, 1977. 768 с.
- Мемориал 2004 — Мемориал «Исход и возвращение» // Элиста: диалог времен. Памятники истории и культуры: фотоальбом: на рус. и калм. яз. / сост. Л. Б. Зулаева, Л. Е. Устинова, Д. Б. Дорджиева; ред. В. Л. Теленгидова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 31–32.
- Поканинова 1996 — *Поканинова Е. Б.* Останется на века // Хальмг үнн. 1996. Туула сарин 15. С. 2.
- Правда в металле 1996 — Правда в металле // ЭЖ-Калмыкия плюс. 1996. Декабрь. С. 3.
- Сангаджиева 2020 — *Сангаджиева Д. В.* Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. № 1 (16). С. 306–318.
- Ханинова, Валетова 2022 — *Ханинова Р. М., Валетова Э. Г.* Мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 171–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-171-190
- Ханинова, Иванова, Очирова 2014 — *Ханинова Р. М., Иванова Д. А., Очирова Э. Б.* Экфрасис в рассказе А. Балакаева «Три рисунка» // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3. С. 89–96.

- Ханинова 2016 — *Ханинова Р. М.* Калмыцкий экфрасис в повести С. Липкина «Декада» // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык — культура — образование — музей (теоретические и прикладные проблемы): мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (27 апр. 2018 г., г. Элиста). Элиста: Калм. ун-т, 2016. С. 166–169.
- Хаптаханова 1996 — *Хаптаханова М.* Бронзовый монумент — на вершине кургана // Известия Калмыкии. 1996. 15 декабря. С. 1–2.
- Шкаренков 2008 — *Шкаренков П. П.* Экфрасис // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 301–302.
- Эльдышев 1997 — *Эльдышев Э.* Память сердца // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 5–6.

Социально-демографическая асимметрия южнороссийских регионов: анализ статистических данных

Людмила Васильевна Намруева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Намруева Л. В., 2022

Аннотация. *Цель* статьи — провести анализ социально-демографической асимметрии южнороссийских регионов (Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области). *Материалами* для исследования стали статистические данные: численность населения, стоимость основных фондов, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, среднедушевой денежный доход населения, коэффициент фондов. *Результаты.* Проанализированные статистические данные свидетельствуют о явной асимметричности развития экономики исследуемых регионов, которым свойственны низкие доходы, бедность, сильная дифференциация населения. Основными причинами неблагополучности регионов являются низкий уровень заработной платы, среднедушевых доходов, высокий уровень безработицы, которые ведут к увеличению миграционных настроений населения.

Ключевые слова: социально-демографическая асимметрия, южнороссийские регионы, статистические сведения, численность населения, уровень жизни населения, неравномерность развития

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Намруева Л. В. Социально-демографическая асимметрия южнороссийских регионов: анализ статистических данных //

Sociodemographic Asymmetries across Regions of South Russia: Analyzing Statistical Data

Ludmila V. Namrueva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Namrueva L. V., 2022

Abstract. *Goals.* The article attempts an analysis of sociodemographic asymmetries across the regions of South Russia (Republic of Kalmykia, Astrakhan, Volgograd, and Rostov Oblasts). *Materials.* The work examines available statistical data on a number of indicators, such as population number, fixed assets value, gross average accrued monthly wages, per capita average monthly money income, income inequality. *Results.* The insights into statistical accounts attest to there are evident asymmetries within economies of the regions under review, the latter being characterized by low incomes, poverty, and pronounced income inequality. The paper suggests the main reasons underlying the regions remain that economically troubled are low wage and income levels, rampant unemployment that result in residents tend to become more migration-minded.

Keywords: sociodemographic asymmetry, regions of South Russia, statistical data, population numbers, living standards, asymmetries of development

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 122022700133-9 ‘Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes’.

For citation: Namrueva L. V. Sociodemographic Asymmetries across Regions of South Russia: Analyzing Statistical Data. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 174–187. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-174-187

Введение

На протяжении нескольких лет, с 2016 г., калмыцкие социологи в рамках госзадания активно изучают южнороссийские регионы — Республику Калмыкия, Астраханскую, Волгоградскую, Ростовскую области, Ставропольский край. Их исследования направлены на изучение разнообразной статистической информации демографических показателей, социально-экономических процессов развития сельских территорий указанных регионов [Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018; Намруева 2019]. В одной из статей, используя материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей (ВСХП) 2006 и 2016 гг., автор выявлял динамику развития животноводства в южнороссийских регионах, где находится более 44 % мясного скота. За этот период на указанных территориях наблюдается рост поголовья сельскохозяйственных животных, увеличение произведенной продукции [Намруева 2018: 65]. Нами также проведено социологическое исследование, позволившее определить роль личных подсобных хозяйств, которые не только сохраняют сельские территории, но и продолжают обеспечивать население продовольствием, способствуя решению множества насущных проблем развития вышеперечисленных южнороссийских регионов [Намруева 2020: 77].

Исследуемые субъекты ЮФО — Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области — имеют общие черты в экономике: доминирование аграрно-промышленного комплекса в экономике региона; благоприятный южный климат, способствующий развитию сельского хозяйства; рост влияния сферы услуг. Из четырех регионов промышленный потенциал более развит в Волгоградской и Ростовской областях, где действуют предприятия тяжелой промышленности, машиностроения, цветной металлургии. Специалисты отмечают, что «экономике исследуемых южнороссийских регионов свойственна многоукладность хозяйственной системы, в которой сохранились архаичные и „кустарные“ практики в обрабатывающем и сельскохозяйственном производствах, фермерском и подсобном хозяйствах; традиционные хозяйственные практики, в том числе доиндустриального и полуиндустриального типа» [Митрофанова и др. 2021: 21].

К факторам, сдерживающим социально-экономическое развитие вышеуказанных регионов, отнесем: асимметричность социально-экономического развития этих субъектов, значительное отставание их от среднероссийского уровня по основным индикаторам хозяйственной деятельности, дотационность бюджетов, низкую отдачу на имеющиеся ресурсы. Низкоэффективные малые хозяйства являются основным источником дохода для большей части сельского населения.

Для характеристики степени неравномерности развития территориально-хозяйственных систем используют понятия «дифференциация», «диспропорции», «дисбаланс», «асимметрия», «поляризация». По мнению исследователей, «незначительную степень неравномерности чаще называют дифференциацией, диспропорцией, дисбалансом, более выраженную — асимметрией, самую высокую степень — поляризацией» [Криулина, Кашаев, Кашаев 2021: 39].

Исследование социально-демографической асимметрии российских регионов является востребованной и актуализированной исследовательской проблемой. Однако понятие социально-демографической асимметрии территориального развития недостаточно изучено. Социальная или демографическая составляющие в научной литературе отнесены либо к социальной и социально-экономической категории асимметрии, либо демографический фактор относят к объективным факторам асимметричного развития экономики (к примеру, в работах М. М. Чураковой, Л. Г. Зверевой, Т. Ю. Белозерской [Чуракова, Зверева, Белозерская 2015; и др.]). Другие исследователи фокусируют внимание на двух основных измерениях асимметрии — демографическом и социальном. Отмечая при этом, что «социальный тип асимметрии связан с особенностями проявления различий в жизнеобеспечении людей, социальной стратификации населения, развития их образовательного, культурного, профессионального, семейного потенциала на разных территориях, но и обусловленный в том числе экономическими условиями их существования» [Трушкова, Макарова 2020: 273].

Согласно разделяемому нами пониманию социально-демографической асимметрии, это «процесс, характеризующий степень отклонений от параметров развития территориальных образований под воздействием факторов разной природы и силы воздействия, которые усиливают различия между ними, тем самым обостряя в соответствующих социально-экономических и политических условиях нестабильность функционирования всей пространственной социальной системы региона и положения всех агентов, видоизменяя качественные и количественные характеристики протекания демографических процессов (численность, структура населения, рождаемость, смертность, миграция) и социального развития муниципальных образований, что в целом приводит к усилению поляризованного развития региона» [Трушкова, Макарова 2020: 273]. Осуществленный нами анализ показал, что имеется значительное неравенство развития исследуемых южнороссийских субъектов. Во избежание нестабильности, ухудшения уровня и качества жизни населения в регионах-аутсайдерах необходимо уделять особое внимание исследователей и властных структур вопросам неравномерности регионального развития.

Динамика численности населения анализируемых регионов

Рассмотрим отдельные статистические сведения, характеризующие население анализируемых регионов. По показателю численности населения лидирует Ростовская область с населением более 4,1 млн чел. [Регионы России...2021: 43]. Однако за анализируемый период — за 15 лет — население этой области уменьшилось на 151 тыс. чел. (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность постоянного населения (на конец года, тыс. чел.) анализируемых регионов 2005–2020 гг.

Регионы	2005	2010	2015	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	294	289	279	272	271	270

Астраханская область	1 003	1 010	1 019	1 014	1 006	978
Волгоградская область	2 640	2 607	2 546	2 508	2 491	2 475
Ростовская область	4 332	4 275	4 236	4 203	4 198	4 181

Источник: [Регионы России 2021: 43].

По количественному параметру населения вторую позицию занимает Волгоградская область, его население составляет более 2,4 млн чел. Но, к сожалению, с 2005 г. этот показатель снизился в 2020 г. на 165 тыс. чел.

Третье место — за Астраханской областью. Снижение численности населения свойственно и этому южнороссийскому региону. Если в 2005–2019 гг. его численность превышала миллион, то в 2020 г. она значительно снизилась и уже не достигает миллионного рубежа.

Республика Калмыкия занимает последнее место в округе среди южных регионов по численности населения. Статистические данные показывают, что население степной республики в 2005 г. составляло 294 тыс. чел. К сожалению, в последующие годы происходит неуклонное снижение численности населения республики, за пятнадцатилетний период оно уменьшилось официально на 24 тыс. чел.

Таким образом, исследуемые регионы переживают отток населения в то время, когда другие крупные регионы (Москва, Московская область, Краснодарский край) показывают устойчивый рост численности населения, повышение качества человеческого капитала и трудовых ресурсов, что свидетельствует об экономическом росте этих субъектов. И в этом проявляется социально-демографическая асимметрия российских регионов. Исследователи, характеризуя демографическую обстановку в указанных южнороссийских областях, отмечают, что для них характерен нарушенный режим воспроизводства населения вследствие низких демографических показателей, «кочевого» образа жизни трудоспособного населения в результате вахтовой деятельности, а также обостренных проблем социально-экономического и гуманитарного характера

[Митрофанова и др. 2021: 22]. Все эти характеристики можно отнести и к Калмыкии.

Асимметрия уровня жизни населения южнороссийских регионов

Асимметрия развития российских регионов является одной из актуальных проблем экономической безопасности и пространственного развития страны. Несмотря на определенную деятельность по выравниванию неравномерного развития регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров, проблема региональной асимметричности не сходит с актуальной повестки. Анализ данных нижеприведенной таблицы «Коэффициент фондов» убедительно показывает наличие асимметрии, что свидетельствует о расслоении населения по доходам в исследуемых южнороссийских субъектах (см. табл. 2).

Таблица 2. Коэффициент фондов, %

Регионы	2019	2020	2021
Республика Калмыкия	9,1	9,1	9,2
Астраханская область	10,7	10,2	10,2
Волгоградская область	9,8	9,5	10,2
Ростовская область	14,2	13,3	13,8
Российская Федерация	15,6	14,9	15,2

Источник: [Регионы России 2022: 233].

Коэффициент фондов характеризует степень экономического расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами. Коэффициент фондов, характеризующий степень расслоения общества, имеет тенденцию к снижению, однако по рекомендации ООН он не должен превышать 8-10%, а в России он равен 15,2% в 2021 году, что говорит о наличии сильного неравенства в распределении доходов между богатыми и бедными [Регионы России 2022: 233]. По данным, представленным в таблице, мы видим, что среди регионов ЮФО наиболее сильное расслоение общества отмечает-

ся в Ростовской области. Минимальный разрыв между богатыми и бедными отмечается в Республике Калмыкия. Таким образом мы видим, что по глубине неравенства в Калмыкии показатели незначительные, однако данный факт говорит о низких доходах большей части населения региона.

Безусловно, сложившаяся аномальная асимметрия ведет к неравенству в уровне жизни населения, дифференциации доходов населения в региональном и отраслевом аспектах. Одним из многочисленных индикаторов уровня жизни населения является среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (см. табл. 3).

Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб.)

Регионы	2005	2010	2015	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	4 495	11 601	20 109	26 049	28 617	32 013
Астраханская область	6 884	16 582	25 399	33 630	36 093	38 885
Волгоградская область	6 160	14 856	24 361	30 894	33 371	35 962
Ростовская область	5 945	15 244	25 008	31 448	33 757	35 622
ЮФО	6 204	15 560	25 471	31 998	34 460	36 620

Источник: [Регионы России 2021: 202].

Из всех анализируемых регионов лишь в Астраханской области среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций превышает средний уровень по Южному федеральному округу (см. табл. 3). В двух других областях она незначительно ниже этого среднего уровня. В Калмыкии отмечен самый низкий размер среднемесячной заработной платы среди исследуемых субъектов.

Следует отметить, что в период первого из исследуемых пятилетий (2005–2010 гг.) произошел скачок среднемесячной номинальной начисленной заработной платы. В Калмыкии и Ростовской области размер зарплаты увеличился в 2,5 раза, в двух оставшихся областях — в 2,4 раза.

Экономисты отмечают, что по размеру номинальной начисленной среднемесячной заработной платы Республика Калмыкия остается одним из низкооплачиваемых регионов среди субъектов Южного федерального округа, где исследуемая зарплата ниже среднероссийского показателя почти в два раза, среднего показателя по Южному федеральному округу на 20,0 % [Методологический инструментарий 2020: 91]. Этим фактам имеются объяснения: в народном хозяйстве Калмыкии доминируют отрасли, на наш взгляд, с наименьшим уровнем заработной платы: сельское хозяйство, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, что сказывается на уровне доходов населения. Самая низкая заработная плата сохраняется в сельскохозяйственной отрасли, а наиболее высокий уровень оплаты труда характерен для сектора добычи полезных ископаемых. При этом в социальной сфере (здравоохранение, образование, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг) заработная плата в 2–3 раза ниже, чем в финансовом секторе.

Следующий важный показатель уровня жизни — среднедушевой денежный доход населения. Сведения, приведенные в табл. 4, показывают, что по данному показателю из четырех регионов положение лучше в Ростовской области, которая занимает 30 место в стране по среднедушевому денежному доходу населения в месяц. По среднедушевому денежному доходу населения 2-е место среди анализируемых субъектов ЮФО занимают оставшиеся две области (Астраханская область — 63 место, Волгоградская область — 64 место в РФ по данному показателю). В Республике Калмыкия среднедушевой денежный доход населения является крайне низким: республика занимает 82 место в РФ. Исследователи отмечают, что в республике «сформировалась аномальная дифференциация доходов населения, среднедушевые доходы в республике более чем в два раза ниже среднероссийских, а уровень доходов работников аграрной отрасли в два раза ниже среднереспубликанского показателя» [Методологический инструментарий 2020: 90].

Таблица 4. Среднедушевой денежный доход населения в месяц (руб.)

	2005	2010	2015	2018	2019	2020	Место в РФ
Республика Калмыкия	2 392	7 774	15 276	12 924	13 864	14 218	82
Астраханская область	5 636	14 697	23 832	23 670	24 971	25 199	63
Волгоградская область	5908	13 775	22 103	22 813	24 158	24 864	64
Ростовская область	6360	14 647	25 825	29 095	30 752	31 428	30

Источник: [Регионы России 2021: 198].

По мнению исследователей, «низкий уровень среднедушевых доходов, высокий уровень дифференциации доходов, высокий уровень безработицы привели к формированию депрессивных регионов, с высокой долей населения, проживающего за чертой бедности. Только в тринадцати субъектах РФ преодолен порог экономической безопасности по данному показателю — 10 %» [Методологический инструментарий 2020: 84]. К сожалению, ни один из анализируемых регионов не относится к числу этих благополучных субъектов, преодолевших 10-процентную черту бедности.

Из исследуемых нами четырех субъектов три области относятся к группе регионов с долей населения в 10–20 %, проживающего за порогом бедности. Калмыкия, где уровень бедности снизился с 61 % в 2000 г. до 23 % в 2018 г., относится к группе, где порог бедности составляет 20–30 % (см. табл. 5). Из данных, приведенных в табл. 5, видно, что в трех анализируемых областях численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за период с 2005 г. по 2020 г. снизилась примерно на 5 %.

Таблица 5. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения субъекта)

Регионы	2005	2010	2015	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	61,1	35,7	29,5	23,6	23,5	22,7
Астраханская область	19,5	14,1	14,2	15,1	15,5	15,6
Волгоградская область	17,2	14,0	14,2	13,4	12,9	12,0
Ростовская область	18,3	14,9	14,4	13,2	13,4	13,0

Источник: [Регионы России 2021: 162].

Республика Калмыкия, являясь депрессивным регионом, по различным показателям социально-экономического развития значительно отстает от остальной части России и по многим показателям размещается в последней десятке. Разрушительные процессы начала 1990-х гг., последующие кардинальные преобразования в народном хозяйстве усугубили множество таких социальных проблем в степном регионе, как снижение уровня доходов населения, бедность, безработица и многое другое.

Степень социального расслоения населения по уровню доходов характеризует коэффициент фондов, который определяется соотношением среднего уровня денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами.

Рассмотрим данный коэффициент. Социологи Института социологии РАН отмечают, «чем выше значение показателя, тем более дифференцирована заработная плата» [Голенкова, Игитханян 2002: 113]. Из табл. 6 следует, что данный статистический показатель в исследуемых регионах ниже российского коэффициента фондов, составляющего 14,8. Однако имеющиеся коэффициенты по-прежнему свидетельствуют о достаточно сильной дифференциации доходов населения республики.

Таблица 6. Распределение общего объема денежных доходов в 2020 г.

Регионы	По 20-процентным группам населения, в %					Коэффициент фондов, раз
	Первая с наименьшими доходами	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая с наибольшими доходами	
РФ	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,8
Республика Калмыкия	7,2	12,0	16,7	23,1	41,0	9,1
Астраханская область	6,8	11,6	16,4	23,0	42,2	10,2
Волгоградская область	7,0	11,9	16,6	23,1	41,4	9,5
Ростовская область	5,8	10,6	15,6	22,8	45,2	13,3

Источник: [Регионы России 2021: 232].

Распределение общего объема денежных доходов в 2020 г. показывает, что по четырем из пяти 20-процентным группам населения денежные доходы в анализируемых регионах незначительно выше усредненного российского уровня доходов (табл. 6). Лишь по пятой группе с наибольшими доходами российский уровень выше, чем в исследуемых регионах.

Имеющиеся коэффициенты фондов изучаемых южнороссийских регионов в разной степени выше нормативного значения 8 [Казанцева 2019: 5]. Это свидетельствует о наличии имущественной дифференциации, очень низком уровне доходов группы с наименьшими доходами от 5,8 до 7,2 тыс. руб. Исследователи указывают, что при превышении данного значения усиливается социальная напряженность и нестабильность [Казанцева 2019: 5].

Заключение

Проблема исследования социально-демографической асимметрии регионов является актуальной и востребованной исследовательской задачей. Рассмотренная в данной статье асимметричность четырех субъектов ЮФО объясняется существенными раз-

личиями: уровнем развития регионов (крупный промышленный / аграрный), обеспеченностью регионального и местного развития, необходимой для поддержания качества жизни населения, обеспечения основных социальных, культурных, образовательных, инфраструктурных потребностей. Социально-демографическая асимметрия исследуемых территорий особенно проявляется в уменьшении численности населения, его оттоке, что свидетельствует о снижении качества человеческого капитала и трудовых ресурсов, об отсутствии стимулов для экономического роста (низкие денежные доходы, недостаток рабочих мест). Согласно разделяемому нами мнению экономистов, «нерешенность данных задач усиливает процессы социального расслоения, поляризации ресурсов, деградации социальной сферы, изменения демографической структуры населения муниципальных образований, а также снижения ресурсных возможностей для развития экономики» [Трушкова, Макарова 2020: 274].

Низкие темпы развития отраслей народного хозяйства, их дифференциация, являясь тормозом экономического развития, усиливают периферийность, неблагополучность исследуемых регионов. В интересах сглаживания регионального неравенства целесообразно особое внимание уделять мониторингу показателей, отражающих перспективы обеспечения безопасности регионов, и принятию мер по нивелированию различий регионов по данным показателям.

Литература

- Голенкова, Игитханян 2002 — *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.* Трудовая занятость и социально-структурные процессы // Россия реформирующаяся / под ред. Л. М. Дробизевой. М.: Academia, 2002. С. 104–129.
- Казанцева 2019 — *Казанцева Е. Г.* Проблемы регионального неравенства в России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 2(58) [электронный ресурс] // URL: https://eee_region.ru/article/5804/ (дата обращения: 12.03.2022).
- Криулина, Кацаев, Кацаев 2021 — *Криулина Е. Н., Кацаев И. В., Кацаев А. И.* Региональная дифференциация условий и результатов сельскохозяйственной деятельности Северо-Кавказского федерального округа // Теория и практика общественного развития. 2021. № 9. С. 37–42. DOI: 10.24158/tipor.2021.9.5

- Методологический инструментарий 2020 — Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона / Курепина Н. Л., Волгин В. Л., Намруева Л. В., Павлова Н. Ц., Рубеко Г. Л., Шоваева М. В., Дорджиева Б. В. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 284 с.
- Митрофанова и др. 2021 — *Митрофанова И. В., Чернова О. А., Тюпакова Н. Н.* Показатели оценки стратегий социально-экономического развития региона в координатах конкурентоспособности, устойчивости, безопасности и сбалансированности // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 1. С. 16–31. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.1.2
- Намруева 2018 — *Намруева Л. В.* Развитие животноводства в крестьянских фермерских хозяйствах южнороссийских регионов // Экономика сельского хозяйства. 2018. № 4. С. 65–70.
- Намруева 2019 — *Намруева Л. В.* Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // Logos et Praxis. 2019. № 2. С. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12>
- Намруева 2020 — *Намруева Л. В.* Занятость в личных подсобных хозяйствах южнороссийских регионов: итоги исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 9. № 3(31). С. 77–97. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7488
- Намруева, Нухаева, Бадмаева 2018 — *Намруева Л. В., Нухаева Б. Б., Бадмаева Н. В.* Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР (Министерство науки и высшего образования). 2018 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 113. 294 с.
- Регионы России 2021 — Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.
- Регионы России 2022 — Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
- Трушкова, Макарова 2020 — *Трушкова Е. А., Макарова М. Н.* Социально-демографическая асимметрия развития территориальных образований: понятие и факторы асимметрии // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2-х тт. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 273–280.
- Чуракова, Зверева, Белозерская 2015 — *Чуракова М. М., Зверева Л. Г., Белозерская Т. Ю.* Об особенностях проявления различных видов асимметрии // Экономика устойчивого развития. 2015. № 2(22). С. 306–311.

Половозрастная структура и трудовые ресурсы региона (на примере Республики Калмыкия)

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бадмаева Н. В., 2022

Аннотация. В статье рассматривается влияние половозрастной структуры региона на численный состав трудовых ресурсов. *Цель* статьи — изучение факторов, влияющих на сокращение численности населения трудоспособного возраста и соответственно на трудовые ресурсы республики. *Материалы и методы.* Метод исследования — анализ статистических данных с использованием методов сравнительного анализа. В частности проведены анализ половозрастной структуры, анализ рабочей силы, сравнительный анализ половозрастных коэффициентов смертности и смертности по причинам смерти, анализ миграционной убыли населения. *Результаты.* Анализ статистической информации показал сокращение доли трудоспособного населения. На сокращение трудоспособного населения влияют как сокращение общей численности населения республики, так и высокие коэффициенты смертности мужчин трудоспособного возраста, а также миграция населения, где преобладает женское население.

Ключевые слова: половозрастная структура, население трудоспособного возраста, трудовые ресурсы, рабочая сила, коэффициенты смертности по основным классам причин смерти, миграция

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Половозрастная структура и трудовые ресурсы региона (на примере Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 188–201. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-188-201

Age-Sex Structure and Workforce of the Region: A Case Study of Kalmykia

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Badmaeva N. V., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines impacts of the region's age-sex structure on actual workforce numbers. *Goals.* The paper aims to investigate factors underlying the decrease in working-age population and, consequently, the Republic's labor force at large. *Materials and methods.* The work employs tools of comparative analysis for insights into available statistical data on a number of indicators, such as age-sex structure, workforce proper, age-sex standardized mortality rates, and negative migration balance. *Results.* The analysis of statistical materials shows a decrease in working-age population largely rooted in the general population decrease across the Republic and high mortality rates among working-age men, both aggravated by increased women's migration trends.

Keywords: age-sex structure, working-age population, workforce, labor force, standardized mortality ratio / rate, migration

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 122022700133-9 'Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes'.

For citation: Badmaeva N. V. Age-Sex Structure and Workforce of the Region: A Case Study of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 4: 188–201. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-188-201

Введение

Половозрастная структура населения представляет собой базовую демографическую структуру общества. Она влияет на состав рабочей силы и определяет уровень рождаемости. Исследователи отмечают, что изменения возрастной структуры представляют собой вызовы социально-экономическому и культурному развитию отдельных регионов и государств [Секицки-Павленко, Козлова 2021: 281].

Показатели рабочей силы входят в число ключевых индикаторов экономики. Изменения в составе трудовых ресурсов происходят не только под влиянием процессов совершенствования структуры экономики и производства, но и под влиянием социально-демографических факторов [Золотова и др. 2017: 51, 53, 55]. Внимание к трудовым ресурсам в последнее время обусловлено в первую очередь начавшимся сокращением численности трудоспособного населения и высоким уровнем смертности этой категории людей.

По данным статистики, с 2016 г. в стране отмечается естественная убыль населения, которую исследователи назвали второй волной депопуляции в России (первая волна депопуляции — с 1992 по 2012 гг.) [Топилин, Воробьева 2021: 856]. А. В. Топилин, О. Д. Воробьева отмечают, что Россия вынуждена будет, как и в годы первой волны депопуляции, развиваться в условиях уменьшения контингента людей трудоспособного возраста.

Цель статьи — изучение факторов, влияющих на сокращение численности населения трудоспособного возраста и соответственно на трудовые ресурсы республики. Метод исследования — анализ статистических данных с использованием методов сравнительного анализа. В частности проведены анализ половозрастной структуры, анализ рабочей силы, сравнительный анализ половозрастных коэффициентов смертности и смертности по причинам смерти, анализ миграционной убыли населения.

Половозрастная структура населения и структура занятого населения Калмыкии

Несмотря на значительную территорию (75 тыс. км²), Калмыкия — один из самых малочисленных регионов не толь-

ко Юга России, но и всей Российской Федерации. На 1 января 2022 г. численность населения Республики Калмыкия составила 267 756 чел.

По основным возрастным группам структура населения республики представлена следующим образом: от 0 до 14 лет — 19,9 %, от 15 до 59 лет — 59 %, старше 60 лет — 21,1 % [[Возрастно-половой состав 2022](#)]. По отношению к участию в трудовом процессе, доля населения моложе трудоспособного возраста в 2020 г. составляла 21,4 %, трудоспособного возраста — 55,5 %, старше трудоспособного возраста — 23,1 % [[Регионы России 2021: 51, 53, 55](#)].

В республике с 90-х гг. прошлого века отмечается процесс старения населения. По методике ООН, если доля населения старше 65 лет превышает 7 % барьер, то это население считается старым, по методике демографа Э. Росseta, если население старше 60 лет превышает более 12 %, то этот регион относится также к демографически старым. В Калмыкии доля населения старше 60 лет составляет 21 %, старше 65 — 13,2 %.

Исследование изменения структуры трудовых ресурсов необходимо начинать с анализа динамики численности населения, его возрастного состава, а также естественного и механического движения. Рассмотрим численность населения трудоспособного возраста в Калмыкии, сравним удельный вес трудоспособного населения с некоторыми регионами Южного федерального округа.

Анализ данных показал, что в целом доля трудоспособного населения в республике соответствует общероссийским показателям, показателям Южного федерального округа. При этом изучение динамики удельного веса населения трудоспособного возраста показывает, что только в Калмыкии удельный вес сокращается, в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях доля населения трудоспособного возраста показывает хоть и незначительную, но положительную динамику. Из всех рассмотренных регионов наибольшая доля населения в трудоспособном возрасте представлена в Ростовской области.

Таблица 1. Численность населения в трудоспособном возрасте
(на конец года)

	тыс. чел.					удельный вес в общей численности населения, %				
	2017	2018	2019	2020	2020	2017	2018	2019	2020	2020
	Российская Федерация	82 264,1	81 361,7	82 677,7	81 881,1	81 881,1	56,0	55,4	56,3	56,0
Южный федеральный округ	9 087,7	9 010,9	9 175,3	9 149,5	9 149,5	55,3	54,8	55,7	55,5	55,5
Республика Калмыкия	154,2	150,2	151,9	149,9	149,9	56,0	55,1	56,0	55,5	55,5
Астраханская область	564,1	556,5	558,9	550,1	550,1	55,4	54,9	55,6	55,1	55,1
Волгоградская область	1396,2	1376,7	1391,5	1378,7	1378,7	55,4	54,9	55,9	55,7	55,7
Ростовская область	2 359,1	2 327,6	2 368,4	2 350,9	2 350,9	55,9	55,4	56,4	56,2	56,2

Источник: [Труд и занятость в России 2021].

Рассмотрим численность рабочей силы республики.

Важно отметить, что к трудоспособным относятся граждане, которые формируют рабочую силу, и те, кто выбыл из нее. Население трудоспособного возраста — это лица в рабочем возрасте, способные к участию в трудовом процессе. Трудоспособное население в РФ — женщины 16–55 лет и мужчины 16–60 лет, за исключением инвалидов I и II групп, а также неработающих лиц трудоспособного возраста, получающих пенсии. Рабочая сила — это экономически активное население страны, в ее состав входят занятые и безработные. Занятыми считаются граждане, имеющие работу, в том числе если они работают даже неполный рабочий день [Перова, Перов 2002: 24; Труд и занятость 2021].

Таблица 2. Численность рабочей силы (тыс. чел.)

	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	76 285,4	76 190,1	75 397,9	74 922,7
Южный федеральный округ	8 198,0	8 221,1	8 126,9	8 161,8
Республика Калмыкия	140,3	137,8	132,8	135,4
Астраханская область	537,2	513,4	507,0	503,0
Волгоградская область	1 273,6	1 292,4	1 242,8	1 247,4
Ростовская область	2 143,0	2 132,5	2 097,0	2 110,6

Источник: [Труд и занятость в России 2021].

Из данным табл. 2 видно, что численность рабочей силы Республики Калмыкия составляет 135,4 тыс. чел. или 50,6 % от общей численности населения республики. 4,9 % населения республики трудоспособного возраста не могут участвовать в трудовом процессе. С 2017 г. численность рабочей силы сократилась на 4,9 тыс. чел. Численность рабочей силы во всех рассматриваемых регионах также сокращается. В Российской Федерации в целом с 2017 г. численность рабочей силы сократилась на 1,36 млн чел.

Рассмотрим структуру занятых по основным возрастным группам. В табл. 3 представлена структура занятых в 2020 г.

Таблица 3. Структура занятых по возрастным группам в 2020 г., в %

	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 и старше	средний возраст, лет
Российская Федерация	0,5	16,6	29,6	25,5	21,0	6,3	0,4	41,6
Южный федеральный округ	0,5	16,1	29,6	26,2	21,4	5,9	0,4	41,7
Республика Калмыкия	0,8	17,8	27,9	21,9	23,6	7,7	0,3	41,9
Астраханская область	0,6	16,7	28,9	25,0	21,8	7,0	0,1	41,7
Волгоградская область	0,6	17,7	28,8	26,2	20,7	5,6	0,3	41,2
Ростовская область	0,4	17,3	29,0	25,2	21,0	6,7	0,5	41,7

Источник: [Труд и занятость в России 2021].

Из представленной таблицы видно, что наибольшую долю в структуре занятого населения Республики Калмыкия составляет население в возрасте 30–39 лет, которое является одним из многочисленных в половозрастной структуре региона. При этом население в возрасте 40–49 лет в структуре занятых уступает населению в возрасте 50–59 лет. Также важно отметить, что в республике по сравнению с другими регионами Южного федерального округа и с показателями страны в целом высока доля занятого населения в возрасте 60–69 лет. Средний возраст занятого населения в Калмыкии — один из самых высоких в Южном федеральном округе, также данный показатель выше общероссийского показателя.

Структура занятых по возрастным группам показала основные проблемы трудовых ресурсов региона — меньшая доля занятых в

возрастной группе 40–49 лет, что может говорить о выбытии населения этой возрастной группы, вторая проблема — это высокая доля занятости населения возрастной группы 50–69 лет, что говорит о старении трудовых ресурсов региона.

Проблемы сокращения населения трудоспособного возраста

Одной из главных проблем современной России является высокий уровень смертности населения трудоспособного возраста. Население трудоспособного возраста является основным источником трудовых ресурсов и вносит основной вклад в экономическое и социальное развитие страны. Снижение смертности населения трудоспособного возраста — важнейший источник увеличения численности населения и сохранения трудового потенциала страны.

Среди наиболее важных факторов, влияющих на сокращение численности трудоспособного населения, выделяют следующие:

- снижение естественного прироста населения непосредственно сказывается на численности и составе населения страны;
- старение населения негативно влияет на численность трудоспособного населения, меняется возрастная структура населения, и на рынке труда наблюдается снижение уровня экономической активности;
- смертность людей в трудоспособном возрасте по различным причинам: болезни, неблагоприятные условия труда [[Концепция демографической... 2007](#)].

Перечисленные факторы указывают на причины снижающейся численности населения трудоспособного возраста и позволяют определить основные направления развития демографической ситуации в стране и регионах на предстоящие годы.

В 2019–2020 гг. смертность мужчин трудоспособного возраста в Республике Калмыкия более чем в 5 раз превышала смертность женщин. В 2021 г. смертность мужчин в возрасте 16–59 лет составила 678,6 на 100 тыс. населения, смертность женщин в возрасте 16–54 лет составила 190,6 на 100 тыс. населения. При этом по общероссийским показателям смертность мужчин трудоспособного возраста в 3,7 раза выше смертности женщин трудоспособного воз-

раста, в Южном федеральном округе — в 3,9 раза. Таким образом, в Калмыкии смертность мужчин трудоспособного возраста выше общероссийского показателя и показателя по федеральному округу.

Таблица 4. Число умерших в трудоспособном возрасте по полу, чел. (на 1 января 2019 г.: мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины — 16–54 лет; на 1 января 2020 г.: мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины — 16–55 лет)

	2019 г.			2020 г.		
	Оба пола	мужчины	женщины	Оба пола	Мужчины	женщины
Российская Федерация	379 433	299 480	79 953	450 250	352 349	97 901
Южный Федеральный округ	39 335	31 336	7 999	46 694	36 742	9 952
Республика Калмыкия	591	502	89	668	549	119

Источник: [Женщины и мужчины России 2020]

Состояние здоровья — одна из наиболее значимых качественных характеристик трудовых ресурсов. В системе показателей здоровья населения важное место занимают коэффициенты естественного движения, различные виды заболеваемости, ее исходы, в том числе стойкая утрата трудоспособности (инвалидность) и смертность. Инвалидизация населения является также фактором сокращения численности трудоспособного населения. В Российской Федерации по состоянию на 01.01.2022 общее число инвалидов составляло 11,3 млн чел., из них почти 30 % — лица трудоспособного возраста [Тихонова, Горчакова 2022: 240].

Среди причин смерти мужчин трудоспособного возраста в Калмыкии в 2019–2020 гг. на первом месте — болезни системы

кровообращения, на втором — внешние причины смерти, на третьем — смертность от новообразований. Женщины трудоспособного возраста в республике умирают в большинстве случаев от новообразований, на втором месте — внешние причины смерти, на третьем — болезни системы кровообращения (см. табл. 5, 6).

Таблица 5. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным классам причин смерти¹, мужчины

	Все причины	Класс I	Класс II	Класс IX	Класс X	Класс XI	Класс XX
Российская Федерация							
2019 г.	709,0	45,6	91,9	227,3	27,1	63,9	179,5
2020 г.	822,3	41,4	98,1	268,4	37,2	74,0	185,2
Республика Калмыкия							
2019 г.	636,8	17,8	93,9	229,6	11,4	50,7	173,8
2020 г.	684,6	13,7	92,3	228,2	16,2	52,4	185,8

Источник: [Женщины и мужчины России 2020].

Таблица 6. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным классам причин смерти, женщины

	Все причины	Класс I	Класс II	Класс IX	Класс X	Класс XI	Класс XX
Российская Федерация							
2019 г.	207,6	20,3	48,7	47,8	6,3	26,1	35,1
2020 г.	249,0	19,3	51,7	58,1	11,1	31,8	35,5
Республика Калмыкия							
2019 г.	129,7	2,9	26,2	29,1	2,9	11,7	33,5
2020 г.	169,8	2,9	45,7	31,4	2,9	22,8	37,1

Источник: [Женщины и мужчины России 2020].

¹ Основные классы причин смерти: Класс I — некоторые инфекционные и паразитарные болезни; Класс II — новообразования; Класс IX — болезни системы кровообращения; Класс X — болезни органов дыхания; Класс XI — болезни органов пищеварения; Класс XX — внешние причины смерти.

В Российской Федерации показатели смертности населения РФ от болезней системы кровообращения сохраняют первое место. Болезни системы кровообращения являются причиной ранней инвалидизации и преждевременной смертности лиц трудоспособного возраста (20 % случаев) [Шайхлисламова и др. 2022: 71; Шарпова и др. 2022: 58].

В Калмыкии доминирующее положение в структуре причин смертности населения также занимают болезни системы кровообращения, на втором месте — новообразования, на третьем — внешние причины смерти [Шарапов 2019: 234].

На структуру трудоспособного населения большое влияние оказывает также миграция населения трудоспособного возраста. Такая миграция является результатом асимметричного развития регионов страны. Многие жители республики решают проблемы отсутствия работы и низкого уровня заработных плат отъездом в другие регионы. Также причинами миграции являются и факторы «притягивающего характера», т. е. высокая заработная плата, перспективы карьерного роста, возможности обучения, развитая социальная инфраструктура и др.

На протяжении длительного периода в регионе отмечается миграционная убыль населения. По данным статистики, с 2010 г. в республику прибыло 139 657 чел., выбыло 169 690 чел. Миграционная убыль составила 30 033 чел.². Однако многие мигранты не меняют прописку, это говорит о том, что масштабы миграции и миграционного оттока могут быть значительно больше. Наибольшую активность в миграционных процессах принимают женщины (см. табл. 7).

Таблица 7. Распределение мигрантов по полу (чел.)

Год	Число выбывших			Миграционный прирост		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
2018	10 724	5 051	5 673	-2 194	-933	-1 261

² Расчеты автора по данным сборника [Регионы России 2021].

2019	9 835	4 758	5 077	-1 018	-451	-567
2020	7 863	3 700	4 163	-552	-144	-408
2021	8 153	3 853	4 300	-625	-210	-415

Источник: [Женщины и мужчины России 2020].

По данным таблицы видно, что в миграционном оттоке участвует больше женщин, чем мужчин. При этом в 2020–2021 гг. женщин выбыло из республики в два раза больше, чем мужчин.

Выводы

Анализ статистической информации показал, что высокая смертность в республике отмечается среди мужчин трудоспособного возраста, а доля женщин среди выбывших из республики в два раза больше, чем мужчин. Таким образом, основными факторами сокращения численного состава трудоспособного населения являются смертность населения трудоспособного возраста и миграция населения, которые в свою очередь происходят на фоне суженного воспроизводства населения республики, т. е. когда в фертильный возраст вступило малочисленное поколение середины 90-х – начала 2000-х гг.

Смертность населения трудоспособного является причиной сокращения продолжительности жизни населения в регионе, смертность мужчин трудоспособного возраста приводит к феминизации старения. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте говорит о неблагоприятных условиях для быстрого обновления рабочей силы [Глотова и др. 2020: 437]. Также смертность населения в трудоспособном возрасте влияет на экономические и демографические показатели развития региона, является показателем развития здравоохранения и качества жизни населения. В то же время важно отметить, что население должно быть заинтересовано в улучшении своего здоровья, сохранении жизни.

Литература

Возрастно-половой состав 2022 — Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 года [электронный ресурс] // URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/163633> (дата обращения: 02.08.2022).

- Глотова и др. 2020 — *Глотова А. С., Добродомова Т. Н., Титова И. Н., Махиборода К. Н.* Сокращение численности трудоспособного населения — вызов для экономики России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 1А. С. 436–442. DOI: 10.34670/AR.2020.91.1.049
- Женщины и мужчины России 2020 — Женщины и мужчины России 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 239 с. [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 15.08.2022).
- Золотова и др. 2017 — *Золотова Л. В., Лаптева Е. В., Портнова Л. В.* Структурно-динамический анализ трудовых ресурсов России // Синергия наук. 2017. №. 11. С. 128–155.
- Концепция демографической... 2007 — Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 15.08.2022).
- Перова, Перов 2002 — *Перова М. Б., Перов Е. В.* Словарь терминов по социальной статистике. Вологда: Легия, 2002. 93 с. [электронный ресурс] // URL: https://perov.ru/upload/iblock/92f/slovar_terminov_po_socialnoj_statistike.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
- Регионы России 2021 — Регионы России: Социально-экономические показатели — 2021 г. [электронный ресурс] // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 03.06.2022).
- Секички-Павленко, Козлова 2021 — *Секички-Павленко О. О., Козлова О. А.* Оценка трансформации половозрастной структуры населения Российской Федерации // Парадигмы и модели демографического развития. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 281–286.
- Тихонова, Горчакова 2022 — *Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю.* Проблемы здоровья населения трудоспособного возраста и его информационного обеспечения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 4. С. 228–245. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-228-245
- Топилин, Воробьева 2021 — *Топилин А. В., Воробьева О. Д.* Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 856–864.
- Труд и занятость в России 2021 — Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. 177 с.

- Шайхлисламова и др. 2022 — *Шайхлисламова Э. Р., Шастин А. С., Мамлых О. Л., Валеева Э. Т., Газимова В. Г., Цепилова Т. М., Панов В. Г.* Заболеваемость трудоспособного населения болезнями системы кровообращения в отдельных субъектах Российской Федерации в 2014–2020 годах // Медицина труда и экология человека. 2022. № 3. С. 69–84.
- Шарапов 2019 — *Шарапов Н. М.* Анализ состояния заболеваемости населения Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 2. С. 232–250.
- Шарапова и др. 2022 — *Шарапова О. В., Кича Д. И., Герасимова Л. И., Рукодайный О. В., Фомина Р. В., Евзерихина А. В., Барсукова Е. В.* Картографический анализ показателей заболеваемости и смертности от болезней системы кровообращения населения Российской Федерации (2010–2019 гг.) // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2022. Т. 11. № 1. С. 56–68.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2022. № 4

Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 07.11.2022. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 12,68. Тираж 100 экз. Заказ 33-22.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8